

Учреждение образования
«Мозырский государственный педагогический университет
имени И. П. Шамякина»

Филологический факультет

Кафедра истории и обществоведческих дисциплин

МОЗЫРЩИНА: ЛЮДИ, СОБЫТИЯ, ВРЕМЯ

Материалы Международной
научно-практической конференции
Мозырь, 18–19 мая 2018 г.

Мозырь
МГПУ им. И. П. Шамякина
2018

УДК 378:001 (476.2) + 93(06) + 371
ББК 72.4 (4 Бей) я 43+63 я 43 + 74 я 42
М12

Редакционная коллегия:

Т. Н. Сыманович, кандидат педагогических наук, доцент;
Л. В. Гавриловец, (ответственный редактор), кандидат исторических наук;
В. В. Кузьмич, кандидат филологических наук, доцент;
О. Г. Брель, старший преподаватель кафедры истории и обществоведческих дисциплин

Печатается согласно плану научных и научно-практических мероприятий
учреждения образования
«Мозырский государственный педагогический университет имени И. П. Шамякина»
на 2018 год и приказу по университету № 430 от 03.05.2018

Мозырщина: люди, события, время : материалы Междунар. науч.-
M12 практ. конф., Мозырь, 18–19 мая 2018 г. / МГПУ им. И. П. Шамякина ;
ред. кол.: Л. В. Гавриловец (отв. ред.) [и др.]. – Мозырь, 2018 – 126 с.
ISBN 978-985-477-646-0.

В сборнике представлены материалы научно-практической конференции, в которых рассмотрены проблемы исторического развития Полесского региона, актуализируется внимание на его богатом историко-культурном наследии, обсуждаются перспективы развития системы образования.

Издание адресуется научным работникам и преподавателям, студентам, учащимся учреждений общего среднего образования.

Материалы сборника публикуются в авторской редакции.

УДК 378:001 (476.2) + 93(06) + 371
ББК 72.4 (4 Бей) я 43+63 я 43 + 74 я 42

ISBN 978-985-477-646-0

© УО МГПУ им. И. П. Шамякина, 2018

ИСТОРИЧЕСКАЯ И КУЛЬТУРНАЯ ПАМЯТЬ И ЕЕ ОТРАЖЕНИЕ В ЯЗЫКЕ

П. Е. Ахраменко

(Мозырский государственный педагогический университет им. И. П. Шамякина)

Няма ў чалавека нічога прыгажэй
і даражэй за радзіму.

Чалавек без радзімы – бедны чалавек
Я. Колас

Этот год – особый для нас. 2018 год в нашей стране объявлен Годом малой родины. Малая родина – это место нашего детства и юности, это место, где ты сделал первые шаги по отеческой земле, по земле своих предков. Это наши корни, которые держат нас на земле, позволяющие помнить о том, кто мы есть в этом мире.

В настоящее время все меняется очень быстро. Это период переоценки семейных укладов, значительных миграционных процессов, урбанизации и т. д. Появляется большое количество людей и, прежде всего, среди молодого поколения, которые, странствуя по свету в поисках лучшей жизни, порой превращаются в своеобразных манкуртов.

У каждого человека должна быть историческая память и преемственность дел, традиций, менталитета. Только это позволит нам чувствовать себя крепко стоящими на земле, помнящими о своих предках, быть в единении со своими земляками.

Об этом справедливо говорил классик белорусской литературы Янка Купала словами своего героя в драме «Раскіданае гняздо»: «Чалавек з зямлей зрастаецца, як ... дрэва: ссячы дрэўца – засохне, адбяры ў чалавека зямлю – згіне».

Большое культурное наследие об истории нашей Малой земли, родины сохраняется и передается через языковые наименования тех или иных объектов, располагающихся в местах проживания.

Наша задача, задача педагогов – учить подрастающее поколение через историческую и культурную память любви к своей Малой родине, воспитывать чувство патриотизма, учить диалогу поколений.

Историческая память – это набор передаваемых из поколения в поколение исторических сообщений, мифов, ... субъективно преломленных рефлексий о событиях прошлого... [3, с. 10]

Восточное Белорусское Полесье, в том числе и Мозырское, – это древняя славянская территория, на которой обитали племена дреговичей, чей центр Туров находился на правом берегу р. Припять, западнее впадения в неё р. Ствиги. Как предполагают историки, он существовал уже во второй половине X века и в начале исторической жизни русского народа был одним из важных городов Туровской земли и Северо-Западной Руси. Этот край очень интересен с точки зрения истории.

Определенный интерес представляет данная территория и в языковом отношении. Говоры Мозырщины (Мозырский, Наровлянский, Ельский, Лельчицкий и Калинковичский районы Гомельской области РБ) относятся к полесской и частично к восточной подгруппе юго-западного диалекта белорусского языка.

Отдельные диалектные признаки говоров региона являются очень древними. Это, например, отсутствие оглушения звонких согласных перед глухими и на конце слова, употребление конструкций с предлогом *паўз* ("бег *паўз сад*"), ряд слов сохранил своё более древнее значение, например, *товар* – "крупный рогатый домашний скот".

Диалектные особенности региона нашли отражение и в микротопонимии.

Из фонетических диалектных черт микротопонимы фиксируют: гласный [у] на месте [о] под ударением, отмеченный спорадично в пределах региона: "*вулішчэ*";

гласные [і], [ы] на месте [е] под ударением на месте древнерусского «ять», зафиксированные спорадично в пределах региона: "*білы пісок*", "*гарылае*";

замену этимологического [а] звуком [о], отмеченную на юго-западе и крайнем юго-востоке региона: "борсуко́вые норы", "до́нiловы прыдзёр", "оку́лін лес";
удвоение согласных: "завуго́лле", "узле́ссе" и др. [1, с. 5–6].

«Современное Полесье для лингвиста, фольклориста и этнографа является заповедником языковой и духовной культуры, сохранившим множество ценнейших памятников устной, живой старины. Исключительная авторитетность и научная весомость полесских данных признавалась и признается крупнейшими славистами (К. Мошинским, М. Гавации, Э. Гаспарини и др.)», – говорил Н.И. Толстой [5, с. 17].

Следует отметить, что особенность микротопонимов, в том числе и в местности окружавшей д. Миха́лки, заключается в мотивированности, порой уже стертого, их наименования. Все они имеют внутреннюю форму.

А.А.Станкевич отмечал, что «пад унутранай формай слова звычайна разумеюць «уяўленне аб пярвiчнай прыкмеце, пакладзенай у аснову паняцця, якое захавалася ў слове»... Унутраная форма слова (вобраз прыкмета, пакладзеныя ў аснову наймення) робяць мову больш выразнай, жывой і сакавітай. У жывых мовах унутраная форма з'яўляецца недаўгавечнай, даўжэй яна захоўваецца ў словах, якія маюць выразна выдзялімыя часткі» [4, с. 24–25].

Топонимия, в том числе и микротопонимы, сохраняет в себе особенности речевых явлений прошлого, культуру народа. Это, как в капле воды отражается солнце, отмечается и в микротопонимах деревни Миха́лки.

Я сам родом из этой деревни, провел в ней свое детство.

По происхождению д. Миха́лки – одна из древнейших на Мозырщине, она имела богатую историю. Имеются упоминания о том, что она существовала уже с XIV века. Но так случилось, что в XX веке жизнь ее остановилась. Это связано с тем, что с 1968 года рядом с деревней началось строительство целой системы заводов, в том числе и такого нефтегиганта, как «Мозырский нефтеперерабатывающий завод». Близлежащие деревни Миха́лки и Кустовница подлежали сносу.

Отметим, что до настоящего времени наименования мест, служащих для названия определенных географических объектов и не занятых цехами заводов, обозначаются, как и прежде, при жизни деревни.

Особенности развития деревни, культура сельчан закреплялись в местных названиях (названиях местных урочищ, полей, сеножатей и т. п.), употреблялись бывшими жителями данной деревни для точного наименования местоположения объекта, а в настоящее время в неофициальных беседах употребляются работниками Мозырского нефтеперерабатывающего завода для обозначения мест близлежащих к заводу.

По семантике производящих основ микротопонимы д. Миха́лки, как и в целом микротопонимы-существительные мозырского Полесья [2, с. 131], можно подразделить на две группы:

1. микротопонимы, созданные на базе апеллятивов;
2. микротопонимы, созданные на базе антропонимов

О самом названии деревни – Миха́лки – существует легенда. В ней говорится о том, что ранее христианам запрещалось жениться на иноверцах, а некий парень Миха́л, любивший еврейскую девушку Хайку, убежал от преследований и поселился с ней на краю непроходимого болота. От слияния имен "Михала" и "Хайки" и произошло наименование Михайки, в дальнейшем трансформировавшееся в Миха́лки. Белорусский писатель Л. Прокша в своей книге «За Добрыцай рэчкай» пишет относительно происхождения топонима Миха́лки о том, что названия деревень Миха́лки, Кустовница и Митьки (они располагаются близко друг от друга) даны по именам первопоселенцев – трех братьев – Михала, Кости и Митьки.

Деревня Михалки была окружена со всех сторон сосновыми лесами и дубравами. Для точного обозначения этих мест им давались соответствующие названия. Так, к юго-востоку от Михалок находились урочища, которые назывались "Линёц" и "Сабинóв". Из истории известно, что эти леса до революции принадлежали пану Линкевичу, у которого была дочь Сабина, и названия были даны по имени бывшего владельца лесов – пана Линкевича и его дочери Сабины.

С северо-запада от деревни располагался вековой дубовый лес (как говорили старожилы, никто не помнил, чтобы его когда-нибудь садили, он вырос «самосеем»), и называли его за «солидный возраст» "Старина". Рядом с урочищем «Старина» имеется еще одно урочище – "Койров", в котором был когда-то громадный ров, вымытый ливнями. Название, как нам видится, дано по слиянию указательного местоимения "той" плюс существительное "ров", которое затем трансформировалось в "Койров".

Между данными урочищами имеется относительно открытое место, гектара три, – "Мейлохова поляна", в настоящее время оно частично засажено елью, в большинстве же заросло самосеянными деревьями лиственных пород, на краю поляны до настоящего времени остались следы фундамента дома, полузаваленный колодец, одичавшие плодовые деревья. Название "Мейлохова поляна" дано по фамилии человека Мейлоха, который в связи со Столыпинскими реформами в начале XX века перешел жить из деревни на хутора, так называемые отруба.

Среди поля была рукотворная возвышенность, а рядом с ней котлован, из которого местные жители брали для хозяйственных нужд глину. Это место называлось "Клунище" в связи с тем, что здесь ранее стояла клуня – постройка, где обрабатывали лён.

К западу от деревни располагалось поле, которое называлось "Камень", называли его так потому, что на этом поле было много камней и для того, чтобы можно было успешно вести на нем сельскохозяйственные работы, камни приходилось постоянно убирать.

Недалеко от данного поля, в отдалении от деревни стояла большая деревянная постройка для хранения сена, которую называли "Гумно". Само же место именовалось "Загумённое" или "Гумнище".

К северу от д. Михалки, близ поселка «Дружба», располагающегося рядом с линейной нефтеперекатывающей диспетчерской станцией (название дано по одноименному нефтепроводу «Дружба»), находится поляна "Скомороховка". Относительно названия существует легенда о том, что на этой поляне перед войсками Петра I, которые здесь отдыхали несколько дней, выступали скоморохи, – так и закрепилось за данным местом название "Скомороховка".

В деревне было несколько микроселений – собственно "Михалки", "Новосёлки", "Слободка", "Пигаровка", "Купреевка", "Каленик", "Берёзки", образующих незаконченный квадрат вокруг болота. По данным наименованиям в 70-ые годы XX века были названы улицы деревни. Новосёлки (довольно распространенное название в Беларуси) получили свое название в связи с новыми постройками, возведенными по соседству со старым селением. "Пигаровка" – за то, что в 40-ые годы эта часть деревни полностью сгорела и остались одни угли – "Пигарки". "Берёзки" – за то, что недалеко от деревни были старые, громадные красивые берёзы, как говорили, – остатки "Екатери́нинского шля́ха". "Каленик" и "Купреевка" получили наименование по фамилиям местных жителей Каленика и Купрея.

В центре деревни раньше стояла церковь, рядом с ней сад – несколько десятков яблонь – и колодец. Само это место называлось "Церковище". Сад и колодец назывались соответственно "Попов сад" и "Попов колодец". После революции церковь

была разрушена, а на ее месте (и из ее материала) построен клуб, и место стали называть двояко: более старые люди "Церкови́щем", а молодые – "Клубо́вищем".

Кроме данных наименований существовали и названия более мелких объектов, например, "По́плав" – луг посреди деревни, "Резе́рвы" – часть болотистого места в центре деревни, где добывали торф, "Са́жалка" – озеро, "Ші́лега" – место за деревней, заросшее кустарником (ивой прутьевидной, верболозом), "Шмо́йлова долина" – часть сенокоса в лесу, по имени человека, которого на этом месте расстреляли во время Великой Отечественной войны, "Домики" – жилые постройки, находящиеся недалеко от деревни.

В настоящее время вся территория на месте снесенных деревень Михалки и Кустовница именуется как «Промышленная зона Михалки» (в связи с тем, что Михалки были центром сельского совета) или называется сокращенно и безлико – «Промзона».

Деревни Михалки в Мозырском районе Гомельской области уже нет. В связи с этим особый интерес приобретают названия, которые бытовали в этой местности при ее жизни.

Изучение же микротопонимии населенных пунктов позволяет сохранить языковой культурный пласт порой уже утерянных материальных объектов (населенных пунктов, урочищ и т. п.). А это, в свою очередь, сможет связать историческую, культурную память и современность, позволит и дальше осуществлять преемственность и диалог поколений.

Список использованных источников

1. Иванова, А. А. Микротопонимия Мозырского Полесья : монография / А. А. Иванова. – Мозырь, 2007. – 220 с.
2. Иванова, А. А. Мікратапонімы-назоўнікі Мазырскага Полесься ў форме множнага ліку // Беларуская аанамастыка, 2 /Зборнік / Рэд В. П. Лемцюгова. – Мн, 1981.
3. Репина, Л. П. Культурная память и проблемы историописания (историографические заметки) / Л. П. Репина. – М., 2003. С. 10.
4. Станкевіч, А. А. Да пытання аб тыпах унутранай формы гутарковага слова / А. А. Станкевіч // Рэгіянальныя традыцыі ва ўсходнеславянскіх мовах, літаратурах і фальклоры: тэз. дакл. П рэсп. навук. канф. 25–26 верасня 1980 г. / Гомельскі дзяржаўны ўніверсітэт. – Гомель, 1980. – 183 с.
5. Толстой, Н. И. Атлас духовной культуры Полесья – лингвистический, фольклорный и этнографический аспекты / Н. И. Толстой // Рэгіянальныя традыцыі ва ўсходнеславянскіх мовах, літаратурах і фальклоры: тэз. дакл. П рэсп. навук. канф. 25–26 верасня 1980 г. / Гомельскі дзяржаўны ўніверсітэт. – Гомель, 1980. – 183 с.

ЭТНАКАНФЕСІЙНАЕ ВYZНАЧЭННЕ «РУСІНАЎ» У КРЫНІЦАХ XV–XVII СТСТ.

А. Я. Барсук

(Мазырскі дзяржаўны педагагічны ўніверсітэт імя І. П. Шамякіна)

Старонкі летапісаў і хронік, публіцыстычных і рэлігійных твораў утрымліваюць мноства легенд і паданняў аб паходжанні народаў, пачатках дзяржаў і інш., што сведчыла аб неабходнасці этнічнага самавызначэння і тлумачылася ростам нацыянальнай самасвядомасці ў краінах Еўропы ў XVI – пачатку XVII стст. Пэўныя легенды створаныя ў канкрэтных гістарычных умовах, вызначалі грамадска-палітычныя і этнаканфесійныя супярэчнасці, адпавядалі палітычным мэтам і прапанавалі асобную генеалогію, аснову якой складалі пераважна біблейскія міфы. Агульнай рысай твораў XVI–XVII стст. з'яўлялася вызначэнне радаводу еўрапейскіх народаў ад сыноў Ноя – Сіма, Хама, Яфета, менавіта славянскіх народаў – ад Яфета, чым ускосна акрэслівалася агульнасць паходжання славян, але канкрэтныя гістарычныя абставіны патрабавалі этнічнага адасаблення [13, с. 40].

У «Гісторыі Польшчы» («Annales Poloniae», 1460–1480-я гг.) Яна Длугаша літоўская знаць бярэ пачатак ад рымскага патрыцыя, сваяка Пампея, праціўніка Цэзара

[13, с. 40]. У «Хроніцы Вялікага княства Літоўскага Жамойцкага» з'яўляецца паданне пра рымскае паходжанне літоўскай знаці ад сваяка імператара Нерона Палямона, які разам з 500 сем'ямі ўцёк з Рыма. У «Хроніцы польскай, літоўскай, жмудскай і ўсёй Русі» Мацея Стрыйкоўскага ўцёкі адбыліся з-за жорткасяў правадыра гунаў Атылы. Легенда вызначала агульнасць паходжання літоўскіх князёў з каталіцкім Захадам і адмаўляла агульнасць з Руссю [13, с. 38–39].

У Маскоўскай дзяржаве ў першай чвэрці XVI ст. склалася легенда («Сказание о князьях Владимирских») аб паходжанні княжацкай дынастыі Рурыкавічаў ад рымскага імператара Аўгуста, перадачы царскіх рэгалій ад візантыйскага імператара Канстанціна Манамаха яго ўнуку князю Уладзіміру Манамаху, прыніжэнне радаводу вялікіх князёў літоўскіх. Яны нібыта паходзілі са смаленскіх князёў («Родословие литовских князей»). Іх нашчадкі нарадзіліся ад шлюбу з рабом конюхам. Першы літоўскі князь, скарыстаўшы нязгоды і міжусобіцы паміж рускімі князямі, збіраючы даніну, стаў валадарыць многімі землямі. Міф абгрунтоўваў правы маскоўскіх валадароў на беларускія землі. На думку беларускай даследчыцы А. Семянчук, міф пра рымскае паходжанне літоўскай знаці спачатку меў антыпольскую накіраванасць, пасля Лівонскай вайны – антымаскоўскую [13, с. 42].

Непрыхільныя адносіны заходнееўрапейскіх храністаў яшчэ з XII ст. да «русінаў» акрэслівала агульнае стаўленне каталіцкага святарства да «ўсходняга абраду», абумоўленае не толькі вялікім расколам хрысціянства, але і працэсам адасаблення веры ўсходнеславянскай, рускай ад візантыйскага падданства, што ўспрымалася як ерась [13, с. 113]. Тэндэнцыя адмаўлення ўсходнеславянскага адзінства і супрацьпастаўлення «Русі» і «Масковіі» адпавядала рэчаіснасці Усходняй Еўропы XIV–XV стст. і пашыралася ў XVI–XVII стст., калі «русіны» вызначаліся па канфесійнай прыкмеце як праваслаўныя жыхары ВКЛ, а насельніцтва Маскоўскай дзяржавы – па іх дзяржаўнай прыналежнасці.

Ян Длугаш у сваёй «Гісторыі» вызначаў «Русь» – «Russia» як зямлю, населеную рускімі, Галіцка-Валынскую Русь і Чырвоную Русь, далучаныя да каралеўства Польскага. Паўночна-ўсходнія і паўднёвыя раёны ВКЛ таксама рускія – Смаленск, Віцебск, Полацк, Ноўгарод. Паўночна-ўсходняя Русь – гэта землі масквічоў, маскавітаў, Масковія («terra Mosquensi, Mosquovitarum, Moschovia») [13, с. 63].

Аднак з вызначэннем «Белай Русі» ў літаратуры ўзнікла блытаніна. М. Стрыйкоўскі дакладна не вызначаў межы «Белай Русі». А. Семянчук сцвярджае, што ў крыніцах гэты тэрмін сустракаецца ў дачыненні да Маскоўска-Суздальскай Русі і Вялікай Русі і не звязваецца з тэрыторыяй сучаснай Беларусі і падзяляе думку Ю. Новікава, што «Чорнае» і «Белае» ўжывалася як уяўленне пра «чужы» і «свой» свет, якія адрозніваюцца па канфесійнай і нацыянальнай прыкметах, «Белая Русь» – праваслаўная тэрыторыя, населеная славянамі, «Чорная Русь» – неславянская тэрыторыя, паганская, якая пазней успрыняла каталіцтва [13, с. 120].

Спробы нацыянальнай ідэнтыфікацыі насельніцтва дзяржавы знайшлі сваё адлюстраванне таксама ва ўжыванні саманазваў у палемічнай літаратуры. Тэрміны «Русь», «рускі народ» маюць дачыненне пераважна да беларускага і ўкраінскага этнасаў, якія амаль не адрозніваюцца ад канфесійнамаў і адначасова звязваюцца з уяўленнем пра агульнае грамадзянства ў межах Рэчы Паспалітай незалежна ад рэлігійнай прыналежнасці. Зыходзячы з тэкстаў найбольш вядомых палемічных твораў, беларусы і ўкраінцы ўсведамляюць сябе праваслаўнымі «русінамі» і адначасова грамадзянамі Рэчы Паспалітай, якую лічаць сваёй дзяржавай.

Так, у самаідэнтыфікацыі Хрыстафора Філалета, аўтара “Апокрисиса, албо отповеди на книжки о съборе Берестейском”: «Мы, народу Руского и Литовского обыватели», «Мы, Короны Полской и панств до ней належачих обывателей»

выяўляецца канфесійная прыналежнасць: «нас Греческой реліі людзей», «мы, Греческой реліі людзе», «мы, Гречкога набоженства люди» [17, с. 1750, 1564, 1194, 1030, 1570, 1008]. Х. Філалет падкрэслівае неправамоцтва прэтэнзій каталіцкай царквы на першыства ў Літве і Беларусі, дзе праваслаўных больш, чым католікаў і вызначае нераўнапраўнае палітычнае становішча праваслаўнай царквы ў Рэчы Паспалітай. Захарыя Капысценскі таксама выкарыстоўваў паняцці «россы», «Русь», «Россия», «русские»: «нас Россов православных», «роду Руского», «мы.., православная Русь». Ён акрэсліваў межы праваслаўнай Русі: «все Белой, и Чорной, Восточной, Полночной и на полдне лежачей Руси народове... под зверхностью патриархи Константинопольского, стале и статечне трвают» [6, с. 321, 503, 731, 774, 869, 894, 904, 913, 1040, 1055]. У выкарыстаных ім паняццях выразна назіраецца змешванне этнічнай і канфесійнай прыкмет. Так, на думку Капысценскага, праваслаўе – крыніца «стародавніх отцовских звычаев и канонов» [6, с. 683], а унія вядзе да таго, каб «Руси не было в Руси» [6, с. 957]. Зразумела, што ў першым выпадку размова ідзе пра праваслаўную веру, у другім – пра землі з праваслаўным насельніцтвам. Аднак згаданыя ім у «Палинодии» паняцці «Русь Литовская» і «Русь Московская» адрозніваюцца: «весь народ Русский в Литве», «в Москве и в России», «Москва з Росью нашею» [6, с. 947, 1032].

Паняцці «русская земля», «наш русский народ», «мы, Русь», «русская церковь» прысутнічаюць у працах аднаго з лепшых палемістаў свайго часу М. Смятыцкага, спачатку прыхільніка праваслаўя, затым уніяты [3, с. 163, 174–175, 177–185]. Ён значна ўдакладняе іх змест. Так, беларускія гарады Менск, Гародня, Слонім, Брэст аднесены Смятыцкім да «Літвы», Пінск, Мазыр – да «Палесся», Гомель, Рэчыца – да «Панізоўя» [3, с. 183–184]. На яго думку, рускі народ падзяляецца на «Русь грэчаскага веравызнання» і «Русь рымскага веравызнання», да якой адносіцца і новая «ўніяцкая Русь». У лісце Віленскаму праваслаўнаму брацтву 1629 г. ён называе праваслаўе і ўніяцтва «ўсёй рускай нашай царквой» [1, с. 605–607]. А ў пасланні 1630 г. Папе Урбану VIII уніят Смятыцкі вызнае сябе «русінам» і разважае пра сродкі звароту «русінаў-схізматыкаў» ва унію [15, с. 10, 13–15]. Абаронца праваслаўя А. Мужылоўскі таксама называў уніятаў «часткай Русі», нягледзячы на супрацьпастаўленне «нашай рускай праваслаўнай царквы» большасці «рускага народа» і ўніяцкага «крываславія» [9, с. 57–58, 61].

І ў працах ініцыятара і стваральніка ўніі І. Пацея «Русь» – гэта беларуска-ўкраінскія землі і народы, як праваслаўныя, так і ўніяты. На тэрыторыю Маскоўскай дзяржавы назва «Русь» Пацеем, як і большасцю іншых аўтараў, не распаўсюджвалася. Ужываліся паняцці «Москва», «панство Московское», «народ Московский» [10, с. 1079, 286]. Уніяцкія архірэі тытулаваліся, падобна праваслаўным, мітрапалітамі «рускімі» («всей Руси», «всёя Руси») [11, с. 391, 392]. У творах віленскага ўніяцкага архімандрыта Л. Крэўзы мы сустракаем: «наша Русь», «к нашему Русскому благочестию», «Русия», «народу Русского», «родом Русин», «в панствах Русских», «в краинах Русских» [7, с. 162, 164, 225, 227–231, 242, 246]. Аўтар лічыць праваслаўных і ўніятаў «исповедующими Греческую религию, но разъединенными в ней» [7, с. 158]. Пра «в релии розрозненных русских» пісаў І. Вельямін Руцкі. Ён зыходзіў з існавання адзінага народа ВКЛ з уласнымі дзяржаўнымі і царкоўнымі (уніяцкімі) традыцыямі, на якіх абгрунтоўваў ідэю аўтакефальнай уніяцкай царквы [12, с. 454–461]. Назвы «край русский», «Русь», «русский народ», «русские» і т. п. ужываліся І. Кунцэвічам і ў пазнейшай уніяцкай публіцыстыцы [8, с. 82].

На думку многіх даследчыкаў (М. Каяловіч, В. Ластоўскі, С. Марозава, С. Палуцкая, Г. Сагановіч, В. Старасценка) беларуска-ўкраінская нацыянальная самаідэнтыфікацыя ўніяцкіх аўтараў і іх жаданне абгрунтаваць этнічнае адзінства «русінаў» праваслаўных і ўніятаў з'яўлялася выразам прэтэнзій грэка-каталіцкай

царквы на ўяўленне інтарэсаў усёй усходнеславянскай этнічнай агульнасці Рэчы Паспалітай [3, с. 62].

Праваслаўна-ўніяцкае насельніцтва Рэчы Паспалітай вызначаліся «русинами», «русью» афіцыйнымі ўладамі і Ватыканам. Уніяты («которые суть в унии костела светого Римского») і праваслаўныя («которые в той унии не суть») лічыліся адзіным «народом Руским» у каралеўскіх прывілеях 1633 г. мітрапаліту П. Магілу і епіскапу І. Бабрыковічу [1, с. 48]. Да «народа руского» звяртаўся П. Скарга [14, с. 228, 485, 488].

Расійскі даследчык М. Дзмітрыеў вызначае, што да сярэдзіны XVII ст. паняцце «рускія» складалася з палітычных, тэрытарыяльных і канфесійных кампанентаў. Аднак пад уплывам заходнееўрапейскай гістарыяграфіі ў Кіева-Магілянскім калегіуме фарміруецца этнагістарычная канцэпцыя (легенды пра паходжанне народа ад першапродка, гераічным мінулым народа і ўяўленні пра суседнія і чужыя народы), якая знайшла адлюстраванне ў Кіеўскім Сінопсісе, выдадзеным у Кіева-Пячорскай друкарні ў 1674 г. і Хроніцы Сафановіча і значна паўплывала на расійскую гістарыяграфію ў працэсе «этницизации исторической памяти восточных славян» [4, с. 30]. Расійскі даследчык Д. Сцяпанаў сцвярджае, што палеміка на беларускіх і ўкраінскіх землях, выкліканая Берасцейскай царкоўнай уніяй 1596 г., садзейнічала фарміраванню этнагенетычнага міфа, пазычанага і адаптаванага маскоўскай элітай у сувязі з неабходнасцю падпарадкавання далучаных зямель [16, с. 88–92].

Такім чынам, у XVI–XVII стст. не былі вызначаны межы паміж выкарыстаннем канфесійнага «Русь» і этноніма «Русь». Асноўнай этнавызначальнай прыкметай беларусаў і украінцаў была канфесійная прыналежнасць, якая з цягам часу набывала яшчэ большае значэнне і паступова трансфарміруецца ў ідэю праваслаўнага ўсходнеславянскага адзінства.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. Археографический сборник документов, относящихся к истории Северозападной Руси. – Вильна: Печатня губ. правл., 1867. – Т. 2. – 394 с.
2. Архив Юго-Западной России, издаваемый комиссией для разбора древних актов. – Киев: Тип. Г. Т. Корчак Новицкого, 1887. – Ч. 1, Т. 7. – 802 с.
3. Гісторыя філасофскай і грамадска-палітычнай думкі Беларусі. У 6 т. Т. 3. Рэфармацыя. Контррэфармацыя. Барока / аўтары тома : В. Б. Евароўскі [і інш.] ; рэдкал. тома : В. Б. Евароўскі [і інш.] ; Нац. акад. навук Беларусі, Ін-т філасофіі. – Мінск : Беларус. навука, 2013. – 615 с.
4. Дмитриев, М. В. Киево-Могилянская академия и этницизация исторической памяти восточных славян (Иннокентий Гизель и Феодосий Софонович) / М. В. Дмитриев // Київська Академія. – Вип. 2–3. – Київ, 2006.
5. Из истории философской и общественно-политической мысли Белоруссии: изб р. произв. XVI – нач. XIX в. / АН БССР, Ин-т философии. – Минск: Изд-во АН БССР, 1962. – 524 с.
6. Копыстенский, З. Палинодия или Книга Обороны кафолической святой апостолской Востодней Церкви / З. Копыстенский // Памятники полемической литературы в Западной Руси. Кн. 1. – СПб.: Рус. ист. б-ка, тип. А. Траншеля, 1878. – Т. 4. – С. 313–1200.
7. Кривза, Л. Оборона унии / Л. Кривза // Памятники полемической литературы в Западной Руси. – Кн. 1. – Стб. 157–312. – СПб.: Рус. ист. б-ка, тип. А. Траншеля, 1878. – Т. 4.
8. Кунцевич, И. Письмо архиепископа Иосафата Кунцевича к митрополиту Иосифу Рутскому / И. Кунцевич // Вестник Юго-Западной и Западной России. – Киев: Тип. И. и А. Давиденко, 1862. – Август, год первый, Т. 2, кн. 3. – С. 81–83.
9. Памятники философской мысли Белоруссии XVII – первой половины XVIII в. / В. В. Дубровский [и др.]; АН БССР, Ин-т философии и права; редкол.: А. С. Майхрович [и др.]. – Минск: Навука і тэхніка, 1991. – 318 с.
10. Потей, И. Антиризис или Апология против Христофора Филалета / И. Потей // Памятники полемической литературы в Западной Руси. – СПб.: Рус. ист. б-ка, Сенатская тип., 1903. – Т. 19. – Кн. 3. – С. 477–982.
11. Потей, И. Духовное завещание. Апология унии. 19 ноября 1609 г. / И. Потей // Архив Юго-Западной России, издаваемый временною комиссией для разбора древних актов. – Киев: Тип. Г. Т. Корчак-Новицкого, 1883. – Ч. 1. – Т. 6. – С. 391–395.
12. Рутский, И. Sowita wina / И. Рутский // Архив Юго-Западной России, издаваемый комиссией для разбора древних актов. – Киев: Тип. Г. Т. Корчак-Новицкого, 1887. – Ч. 1. – Т. 7. – С. 443–510.

13. Семянчук, А.А. Беларуска-літоўскія летапісы і польскія хронікі: вучэбны дапам / А. А. Семянчук. – Гродна: ГрДУ, 2000. – 161 с.
14. Скарга, П. О единстве церкви / П. Скарга // Памятники полемической литературы в Западной Руси. – СПб.: Рус. ист. б-ка, тип. А. М. Котомина, 1882. – Т. 7. – Кн. 2. – Стб. 223–526.
15. Смотрицкий, М. Ліст Мялеця Смарыцкага, русіна, архіепіскапа Полацкага, да святога Пана нашага Папы Урбана VIII... 5 жніўня 1630 г. / М. Смотрицкий // Крыніца. – 1994. – № 11. – С. 10–16.
16. Степанов, Д. Ю. Этногенетический миф в формировании этнических представлений московской элиты в последней четверти XVII – начале XVIII в. // Русский сборник. – Вып. 14.
17. Филалет, Х. Апокрисис albo отповедь на книжки о соборе Берестейском / Х. Филалет // Памятники полемической литературы в Западной Руси. – СПб.: Рус. ист. б-ка, тип. А. М. Котомина, 1882. – Т. 7. – Кн. 2. – С. 1003–1820.

СТАНОВЛЕНИЕ НАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ НА МОЗЫРЩИНЕ В 20– 30-Е ГОДЫ XX ВЕКА

М. А. Бондарь

(Мозырский государственный педагогический университет им. И. П. Шамякина)

Изучение становления и развития системы образования БССР в 20– 30-е гг. XX в. актуально не только с научно-познавательной, но и с практической стороны. Накопленный опыт позволит определить историко-педагогическую динамику этого процесса в нашей стране, а также выявить потенциал для работы в этой области на современном этапе. Мозырский регион в этом плане представляет собой интерес в силу неоднозначных общественных явлений, при которых происходило формирование системы образования в эти годы.

Особый интерес вызывает также изучение и выявление роли личности белорусских педагогов и управленцев 20–30-х гг. XX в., которые оказали влияние на становление и развитие системы образования.

Из архивных источников известно, что Мозырский окружной отдел народного образования был образован во второй половине 1924 г. для руководства народным образованием и работой культурно-просветительных учреждений округа и состоял из административной части, общей канцелярии и хозяйственной части. Административная часть включала в себя: заведующего окружным отделом народного образования, инспекторов соцвоса (социалистического воспитания) на 100 школ по одному, инспектора политпросвета (политического просвещения) и инспектора еврейской культуры [1].

Несмотря на сложные экономические и политические события как в стране в целом, так и в глубинках Мозырского региона, в 20–30-е гг. XX в. проводилась реорганизация и становление всех типов учреждений образования и была заложена основа формирования системы управления образованием в округе.

Одним из практических мероприятий Народного комиссариата просвещения БССР, стал учет всех школ, а также выяснение их материального положения. Состояние народного образования отслеживалось по отчетам всех районных политико-просветительных комитетов, школ, изб-читален, клубных учреждений, статистическим сведениям о работе школ и пунктов ликвидации неграмотности среди взрослого населения. *На основе этой информации осуществлялось принятие решений, а также планирование дальнейшей деятельности.*

Так, в частности, для четырехлетних школ существовал изданный бланк годового отчета. Основными пунктами данного отчета были: общие сведения (сколько населенных пунктов обслуживает школа, их отдаленность; расстояние до районного центра и сельсовета; на каком языке ведется работа в школе и др.); материально-хозяйственное состояние; информация о педагогическом и техническом персонале; информация об учениках; а также данные по учебной части [2, л. 218–221].

После проверки в районном отделе, один экземпляр годового отчета отправлялся в окружной отдел народного образования, где в свою очередь, по отдельной форме, составлялся общий по округу отчет, который предоставлялся в Народный комиссариат просвещения.

Семилетние школы округа сдавали отчеты о проделанной работе ежемесячно, в которых отображались сведения по хозяйственной, и педагогической части, в том числе по организации кружков, ученического самоуправления, внешкольной и воспитательной работе, а также по ликвидации неграмотности среди взрослого населения.

Районные и окружные отделы просвещения отчитывались по своей работе поквартально. Из полученных отчетов можно было представить картину всей работы по политпросвещению и народному образованию в Мозырском округе. Данная форма отчета была как цифровой, с указанием количества изб-читален, кружков различного направления, так и в форме подробного письменного доклада.

В регионе активно велась «агитация на учебу», комплектация школ учащимися проводилась преимущественно детьми крестьян, рабочих и служащих [3, л. 144]. Отделами образования велся строгий учет учащихся по национальному и социальному положению [3, л. 147]. Некоторые учебные заведения существовали за счет средств местного населения, где взывание платы за обучение также зависело от социального положения ученика, а круглые сироты, семьи красноармейцев и бедных крестьян вовсе освобождались от оплаты за обучение [3, л. 148].

Реализуя политику белорусизации, во всех округах страны осуществлялся комплекс мероприятий по развитию и распространению белорусского языка, культуры, созданию национальной системы образования. От заведующего Мозырским Окружным Отделом Народного Просвещения требовалось сообщить, проводились ли собрания по пропаганде среди населения о необходимости обучения детей на их родном языке, а так же не было ли со стороны населения возражений и вообще, какое отношение у населения по поводу этого вопроса [4, л. 34].

Изучив архивные материалы, отмечаем, что в изучаемый период большое внимание уделялось социальной среде и санитарной пропаганде. С этой целью регулярно проводился анализ социально-бытовых условий учебных учреждений и района, устраивались «кампании на лучшее санитарное состояние деревень и городов» [5, л. 70], организовывались беседы и чтения по вопросам санитарии и гигиены [6, л. 4]. На заседаниях педагогических советов школ поднимались вопросы о соблюдении школьной гигиены [3, л. 281–282]. При избах-читальнях велась также активная работа среди взрослого населения с целью борьбы с пьянством и хулиганством. В специально организованных кружках молодежь знакомили с постановлением XIV съезда ВКП (б) «О борьбе за культурный быт», привлекая к этой работе медицинских работников, рассказывали о вреде пьянства для здоровья [6, л. 2].

В изучаемый период существовала острая необходимость в дополнительных материальных ресурсах и поиске стимулов для подъема экономики региона. С этой целью шла активная популяризация развития кооперативного движения, в том числе и сельскохозяйственной кооперации, что способствовало материальной заинтересованности каждого в своем труде [6, л. 4].

Настойчиво подчеркивалась мысль о том, что только на основе общественно-полезного труда школьников возникает реальная возможность слияния обучения и воспитания в единый процесс. Общественно-полезный труд рассматривался как стимул трудового воспитания учащихся и как средство воспитания у них положительных нравственных качеств. Так, в отчете о работе Житковичской семилетней школы Мозырского окружного отдела народного образования за 1923 г. указано, что

«при школе организован ученический кооператив, целью которого является – подготовить учащихся к общественной работе и дать возможность для зарабатывания средств на учебники и письменные принадлежности» [3, л. 144].

Вместе с тем обращалось внимание на развитие у детей таких нравственных качеств, как коллективизм, забота об охране и увеличении общественного достояния, патриотизм и интернационализм. В своем докладе на заседании школьно-педагогического совета в 1924 г. инспектор Мозырского окружного отдела народного образования по социальному воспитанию И. Драп указывал: «Современная школа берет на себя цель не только дать учащимся знания, но и воспитать из них гражданских деятелей, для осуществления этой цели, школа должна развивать самоуправление и учет работы» [3, л. 335].

Успешная реализация ученического самоуправления и сознательной дисциплины подтверждена в отчетах о работе школьных советов школ-семилеток: «В школе введено самоуправление учащихся. Устраивались общие собрания учащихся, на которых ставились вопросы о движении рабочей молодежи и о дисциплине. Выписываются газеты «Звезда», «Красная смена», «Рабочая газета» [3, л. 16 об.]. Заведующий 2-й семилетней школы имени Луначарского г. Мозыря в 1923 г. сообщает: «Президиум самоуправления выносит постановления, которые считаются необходимыми для выполнения всеми учениками». Также «одним из наилучших методов воспитания является издание школьного журнала» [3, л. 44].

Как видно из анализа архивных материалов, управление образованием в изучаемый период представлял собой комплекс таких организационных форм, как анализ результативности проводимой работы, эффективности работы школ с другими организациями по просвещению населения, оценка взаимодействия школы с родителями учащихся, а также общего качества образования. Такие ценностные установки, как расширение функций ученического самоуправления и создание детских общественных организаций, слияние обучения и воспитания в единый процесс и включение различных видов общественно-трудовой деятельности, воспитание культуры труда и быта, коллективизма и любви к Родине позволили эффективно приобщать школьников к нравственной деятельности на благо других людей и общества и могли бы стать одной из основ научной разработки цели, задач и методов обучения и воспитания на современном этапе.

Несмотря на то, что активная подготовка педагогических кадров с высшим образованием в БССР началась с 1921 г., когда был открыт Белорусский государственный университет, а также работали педагогические техникумы в Минске, Борисове, Бобруйске, Могилеве, учителей все равно не хватало. Так, например, в 1925/26 учебном году в Мозырском округе учителей со специальным педагогическим образованием было всего 36%. Имелось много вакансий, которые занимали работники, окончившие только общеобразовательные курсы или даже семилетки. В то же самое время, количество школ в округе с каждым годом увеличивалось: в планах на следующий учебный год указывалось об открытии 62 новых наборов. В письме заведующего ОкрОНО в Наркомпрос БССР указывается просьба о предоставлении по распределению 112 учителей: 30 – с высшим образованием (преподавателей белорусского и русского языков, математики, обществоведения, природоведения), а также 82 – окончивших педагогические техникумы (учителей для сельских школ) [7, л. 24].

Считаем, что осмысление исторического прошлого неразрывно связано с изучением роли личности. Огромная заслуга в достижении социального, экономического и культурного развития Мозырского региона принадлежит как управленцам, так и рядовым учителям школ и педагогам.

Свой вклад в развитие народного просвещения нашего региона внес Народный комиссар просвещения БССР (в должности с 1929 по 1933 гг.), Белорусский государственный деятель, Академик Академии наук – **Платун Антон Мартынович**, который с 1920 по 1925 гг. работал заведующим отделом Мозырского уездного и Слуцкого окружного комитетов КП (б) Б.

С 29 октября 1937 г. по 2 июля 1938 г. в должности народного комиссара просвещения БССР находился уроженец Гомельской области – **Пивоваров Владимир Иванович**. После окончания Рогачевского педагогического техникума в 1924 г., работал учителем, а затем директором семилетней школы в Мозырском районе. В 1930 г. Владимир Иванович окончил физико-математический факультет БГУ. В 1930–1932 гг. проходил обучение в аспирантуре АН БССР. Впоследствии работал старшим научным сотрудником физико-технического института АН БССР.

После Великой Октябрьской революции, как и другие лингвистам, пришлось решать важную задачу по ликвидации неграмотности доктору филологических наук, профессору и земляку мозырян **Константину Иакинфовичу Былинскому** [8].

Уроженцем г. Мозыря является заслуженный деятель науки БССР, профессор БГУ – **Илья Григорьевич Некрашевич**. После учебы в средней школе (1915–1922 гг.) он поступил на физико-математическое отделение педагогического факультета БГУ, который успешно закончил в 1927 г. После учебы в аспирантуре (1928–1931 гг.) Илья Григорьевич был направлен на педагогическую работу: сначала ассистентом, затем доцентом, а с 1937 г. – исполняющим обязанности заведующего кафедрой общей физики в БГУ. С 1931 по 1937 гг. Илья Григорьевич, по совместительству, работал также старшим научным сотрудником физико-технического института АН БССР [9].

Томас Иванович Мурашко – заслуженный учитель БССР, родом из Житкович. После окончания Мозырского педагогического техникума в 1931 г., работал учителем Засинцевской школы Ельского района. С 1931 по 1941 гг. работал учителем истории, занимал должность директора Копцевичской школы Петриковского района. С 1936 по 1940 гг. заочно учился на историческом факультете Минского педагогического института. С 1946 по 1956 гг. работал директором семилетней школы №2 г. Мозыря [10, л. 1–9]. Мурашко Т. И. являлся председателем Мозырского городского педагогического товарищества. Боевые подвиги и трудовые достижения Томаса Ивановича отмечены орденами «Отечественной войны первой степени» и «Красной звезды», медалями «За победу над Германией», «За оборону Ленинграда», «За трудовые доблести», «За доблестный труд» [11, л. 7].

Заслуженный учитель школ БССР **Замыко Вера Васильевна** внесла свой вклад в развитие начального образования Мозырщины. В 1929 г. Вера Васильевна окончила 2-х месячные педагогические курсы и была направлена на работу учительницей начальных классов в Ельский район Мозырского окружного отдела народного образования. В 1933 г. прошла курсы повышения квалификации в Мозырском педагогическом техникуме, а затем, в 1934 г. – в Гомельском педагогическом институте. Работала учительницей начальных классов во 2-й средней школе г. Мозыря, учителем биологии в школах д. Рудня, Махновичи, Добрынь, Кузьмичи.

Сестра Веры Васильевны **Надежда Васильевна Замыко** также всю жизнь посвятила профессии – учитель. После окончания Мозырского педагогического техникума в 1931 г. работала учителем начальных классов в Бобровской школе Калинковичского района, в 5-й народной школе и 2-й Сталинской средней школе г. Мозыря, а также в Антоновской 7-летней школе Калинковичского района. Информация о сестрах Замыко в настоящее время хранится в архивном фонде Мозырского Районного отдела образования.

Судьбы многих других учителей, их вклад в развитие народного просвещения и

развитие своей малой Родины описаны в книге «Деревни и люди Мозырщины» [12].

С уверенностью можно сказать, что всех, кто трудился в системе образования в те непростые годы, уважали их соотечественники, и в настоящее время их труд заслуживает доброй памяти.

Дальнейшее изучение процесса становления системы образования в БССР, по материалам Мозырского окружного отдела народного образования, может помочь в осмыслении общественно-политических проблем периода 20–30-х гг. XX в., без которого общая картина развития национальной системы образования была бы неполна.

Список использованных источников

1. Зональный государственный архив в г. Мозыре (ЗГАМоз). – Ф. 221. Оп. 1.
2. Зональный государственный архив в г. Мозыре (ЗГАМоз). – Ф. 221. Оп. 1. Д. 11.
3. Зональный государственный архив в г. Мозыре (ЗГАМоз). – Ф. 221. Оп. 1. Д. 1.
4. Зональный государственный архив в г. Мозыре (ЗГАМоз). – Ф. 221. Оп. 1. Д. 21.
5. Зональный государственный архив в г. Мозыре (ЗГАМоз). – Ф. 221. Оп. 1. Д. 14.
6. Зональный государственный архив в г. Мозыре (ЗГАМоз). – Ф. 221. Оп. 1. Д. 10.
7. Зональный государственный архив в г. Мозыре (ЗГАМоз). – Ф. 221. Оп. 1. Д. 8.
8. Тюленева, Н. Нет магии сильнее, чем магия слова / Н. Тюленева // Гомельская праўда. – 2018. – 9 янв. – С. 8.
9. Мозырь XX век: наши земляки [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://surfingbird.ru/surf/f1SX86419>. – Дата доступа: 20.03.2018.
10. Зональный государственный архив в г. Мозыре (ЗГАМоз). – Ф. 286. Оп. 1. Д. 232.
11. Зональный государственный архив в г. Мозыре (ЗГАМоз). – Ф. 286. Оп. 1. Д. 240.
12. Деревни и люди Мозырщины: Историко-документальная хроника Мозырского района, всех сельских советов и населенных пунктов региона (деревень, поселков, хуторов) / сост. М. А. Копач. – Мозырь, КПУП «Колор», 2001 – 152 с.

ПАТРЫЯТЫЧНАЕ ВЫХАВАННЕ Ў ДУХОЎНАЙ СПАДЧЫНЕ ЎСХОДНІХ СЛАВЯН X – ПЕРШАЙ ПАЛОВЫ XIII СТ.

А. Г. Брэль

(Мазырскі дзяржаўны педагагічны ўніверсітэт імя І. П. Шамякіна)

Патрыятызм як прыналежнае індывіду асэнсаванне свайго адзінства з Радзімай з’яўляецца прадуктам шматвекавага самаразвіцця ўсходнеславянскай цывілізацыі.

Славянскія плямёны, якія прыйшлі ў VI ст. на Усходне-Еўрапейскую раўніну, першапачаткова асэнсоўвалі гэтую тэрыторыю і ўсё, што з ёй звязана, у катэгорыях вялікай патрыярхальнай сям’і. Менавіта таму пачатковыя формы патрыятызму мелі сямейна-радавы характар, калі “наша зямля” разумелася як тая зямля, на якой жыве і працуе радавая абшчына. Наследванне гэтай зямлі як прасторы радавага быцця (“ад дзедзіны да отчыны”) параджала пачуццё непадзельнай сувязі і асабістай адказнасці за гэту зямлю перад продкамі і нашчадкамі.

“Маці – сыра зямля” для сучаснай самасвядомасці можа ўспрымацца не больш як паэтычны вобраз альбо метафара. У аграрным грамадстве часоў Кіеўскай Русі зямля ва ўсёй яе шматстатнасці – глеба, расліны, лясы, водасховішчы, птушкі і зверы – успрымалася як нешта цэласнае ў сваёй спрадвечнасці. Як неад’емнае і непадзельнае з чалавекам, – як свет, злучаны ланцюгом узаемных абавязкаў, у якім чалавек быў “ключом, з’яднаўшым увесь свет”, але, адначасова, – і творцай, і абаронцам усіх гэтых светаў.

Па меры пераходу ад радавой абшчыны да суседскай, з узнікненнем племяннага і саюзна-племяннага аб’яднання, а потым – дзяржаўных аб’яднанняў, змянялася і ўяўленне ўсходніх славян аб прасторы свайго быцця, якое атаясамліваецца зараз з “нашай руськой землей”.

Гэта азначала новы ўзровень патрыятызму – патрыятызму “отчыннага”, калі пад “отчынай”, пазней эвалюцыяванай у катэгорыю “Айчына”, ужо разумелі ўсю прастору “русской земли”, а ўладаром гэтай зямлі, пераходзіўшай ад пакалення да пакалення ў якасці калектыўнай спадчыны, становіўся сам народ.

Тэрыторыя Усходне-Еўрапейскай раўніны з трох бакоў свету – захада, поўдня і поўначы – не мела прыродных межаў, абараняўшых ад агрэсіі іншых плямён і народаў, перш за ўсё качэўнікаў. Таму быць у адзінстве з зямлёй азначала быць адказным за яе не толькі у штодзённай працы, але і амаль што ў штодзённай бітве за захаванне гэтай отчыннай спадчыны.

Дзяржава Кіеўская Русь узнікла шляхам паслядоўных трансфармацый: патрыярхальная сям’я – суседская абшчына – племя – саюз плямён. Гэта былі ступені, узнікаючыя па якіх пачатковая адказнасць індывіда толькі за тых, хто з ім “адзінай крыві”, узвышалася да асэнсавання вышэйшай адказнасці – за “суайчыннікаў”, усіх тых, хто прыналежыў да “айчыны адзінай зямлі”.

У перыяд Кіеўскай Русі X–XIII стст. слова “отъчство” абазначае “родную” зямлю і людзей, якія там пражываюць. Увядзенне на Русі праваслаўнай рэлігіі надало найвысокі сэнс існуючаму ў свядомасці славянскіх плямён разуменню спрадвечнага радства людзей, якія працуюць і жывуць на агульнай зямлі. Зямлю, абараняць якую магчыма толькі адным – радствам лёсаў, думак і пачуццяў.

Асаблівасці прыродна-геаграфічнага асяроддзя Усходне-Еўрапейскай раўніны (адносна слабаўрадлівыя глебы і кліматычная нестабільнасць) фармавалі ў славянскім патрыятызме асабліва беражлівыя адносіны да зямлі як мацеры. Прыроджаная любоў да яе злучалася з разуменнем трывог і бед і, як следства, з павышанай адказнасцю за яе дабрабыт і шчасце.

Адметныя помнікі старажытнарускай літаратуры разам з дзеяннямі вялікіх уладароў Кіеўскай Русі (ад язычніка Святаслава, барацьбіта за незалежнасць Рагвалода да заснавальніка Полацкай Сафіі Усяслава, выратавальніка праваслаўнай веры Аляксандра Неўскага) сведчаць: цялесны адчувальны патрыятызм мацеры-зямлі злучыўся з патрыятызмам душы, стварыўшы ўнікальны сінтэз цвёрдасці духа (веры) і цела (моцы), які ва ўсе часы выпрабаванняў яўляў народ.

Вяртанне да вытокаў гэта не капрыз разума, а яго аб’ектыўная запатрабаванасць. Звяртаючыся да вытокаў славянскага патрыятызму, нельга не ўбачыць усёй значнасці першапачатковага злучэння ў ім паняццяў “зямля” і “душа”. Толькі разуменне свайго духоўнага яднання з роднай зямлёй здольна было падштурхнуць славян на перамогі над небяспекай качавой няволі, захаваннем сваёй славянскай ідэнтычнасці разам з хрысціянскай верай падчас мангола-татарскай няволі.

Дзяржавы ўсходніх славян X–XIII стст. фарміраваліся на мяжы лесу і стэпу, і гэта надавала славянину рэдкую здольнасць злучыць у свядомасці і пачуццях адзінства розных прастораў, унікальнасць прыроднага месца сустрэчы цывілізацыйных светаў.

Яшчэ да пачатку агрэсіі мангольскіх захопнікаў славяне знайшлі магчымасць не проста жыць на ўскрайку стэпу, але і прыняць і засвоіць свет стэпу, змясціць яго ў прастору свайго жыцця, светаразумення, каштоўнаснага сінтэзу.

Мангольскі заваёў, калі частцы ўсходніх славян прыйшлося сутыкнуцца з людзьмі стэпу, спавядаўшымі іншыя каштоўнасці, змяніў тып патрыятызму: ад агульнага, усходнеславянскага, заснаванага на праваслаўнай еднасці, прайшоў пераход да дзяржаўнага, заснаванага на еднасці тэрыторыі пражывання.

З прыняццем хрысціянства Руская зямля пачала асэнсоўвацца як “новая” і насялялі яе “новыя людзі”. Князь Уладзімір у малітве, прамоўленай пры хрышчэнні, усклікнуў: “Христе Боже, створивший небо и землю! Призри на новые люди сия, и даждь имъ, господи, увѣдѣти тебе... Благословенъ господь Иисус Христос, иже

взлюби новя люди, Русскую землю, и просвьти ю крещеньем”. У сярэдзіне XI ст. гэты матыў гучыць у Іларыёна ў “Слове о законе и благодати”, у Іакава Мніха ў “Памете и похвале князю Володимеру”, у “Житии святых мучеников Бориса и Глеба”. Тлумачэнне “новы” мае дваіны сэнс. Першы выкарыстоўваецца ў адносінах да народаў і земляў, прыняўшых Новы Завет і стаўшымі хрысціянамі: “Тако глаголетъ Господь”, – гаворыцца ў прамове Філасафа-грэка. Другі сэнс выкарыстоўваецца ў адносінах да рускіх людзей, прыняўшых хрысціянскае вучэнне, “поскольку они являются новыми христианами последнего времени”. Нестар у пралоге да “Чтения с житии и погублении блаженных стратотерпцев Бориса и Глеба” называе новахрышчаны народ “работниками одиннадцатого часа”, маючы на ўвазе той стан разуму і душы, з якім працавалі першыя ўсходнеславянскія хрысціяне на евангельскім шляху. У першыя стагоддзі хрысціянства Русь імкнулася максімальна поўна кіравацца заветамі Хрыста, што прывяло да сярэдзіны XI стагоддзя да духоўнага канфлікту з Візантыяй. За шасцьсот стагоддзяў афіцыйнага хрысціянства ў Візантыі былі выпрацаваны нормы суадносін паміж прынцыпам непахіснага выканання заветаў і неабходнасцю паступіцца імі, калі гэта патрэбна для дзяржавы. Русь здолела інакш асэнсаваць гэтую сітуацыю, што прывяло да з’яўлення новай формы, якая акрэсліла ўсё жыццё ўсходнеславянскіх народаў, атрымаўшы сваё гукавае значэнне ў форме “Святая Русь”.

З 40-х гадоў XI ст. і да пачатку XIII ст. у вобразна-літаратурнай форме былі сфармуляраваны тры сэнсавыя аспекты канцэпцыі “Святой Русі”, стаўшай асновай патрыятычнага выхавання ў X–XIII стст.:

1. Адзінства “всей Земли Русской”, што найбольш поўна было выказана ў “Аповесці мінулых гадоў”, “Слове аб паўку Ігаравым”, “Слове аб пагібелі Рускай зямлі”.

2. Духоўнае пераемства і адзінства з хрысціянскім светам, што ўпершыню прагучала ў “Слове о законе и благодати” Іларыёна.

3. Святасць як вышэйшы маральны ідэал паводзін, жыццёвая пазіцыя, прыкладам якой з’яўляецца кананізацыя Барыса, Глеба, Феадосія.

Адзінства “всей Земли Русской” як вышэйшы ідэал сярэднявечнага усходнеславянскага патрыятызму мела дзяржаўна-палітычны сэнс (нацыянальная незалежнасць і адзінства княжацкага рода); нацыянальна-царкоўнае самавызначэнне (аўтакефалія рускай царквы); дасягненне этнакультурнай суцэльнасці. Такі патрыятызм меркаваўся як трыадзінства дзяржавы, царквы і народа. Сам факт хрышчэння быў праяўленнем узросшай дзяржаўнай свядомасці. Успрыняцце праваслаўнага веравучэння аб “единой и единственной православной державе, рядом с которой не может быть никакой иной”, стымулявала ўяўленне ў свядомасці славян аб тым, што Русь хаця “бо и невѣ домѣ”, па словах мітарпаліта Іларыёна, зямля, але ж роўная з усімі іншымі хрысціянскімі народамі.

У гэтых рэаліях актуальным для развіцця сярэднявечнага патрыятызму становяцца пытанні тытулавання князёў і ўдасканалення перадачы іх улады. Князь Уладзімір, парадніўшыся з візантыйскім імператарам, зацвердзіўся ў сваіх прэтэнзіях на царскі тытул. Па прыкладзе біблейскага цара Саламона, ён даў дзесяціну першаму саборнаму храму хрышчонай Русі – царкве Багародзіцы, названай таму Дзесяціннай царквой. “Аповесць мінулых гадоў” праводзіць аналогію ў будаўніцтве гэтага храма з першым іерусалімскім саборам: заклік майстроў, будаўніцтва на гары, упрыгожванне абрадавай утвары, сем гадоў працы, “праздник велик” па заканчэнні будаўніцтва. Уладзімір пачаў вырабляць асабістую манету з выявай князя на прастоле і ў імператарскай кароне. У “Аповесці мінулых гадоў”, “Слове о законе и благодати” кіеўскі князь параўноўваецца з імператарам Канстанцінам: “Он в елинех и римлянех царство Богу покори, ты же – в Руси: уже бо и в оных и в нас Христос царем зовется”, –

абвяшчаў Іларыён і называў Уладзіміра “єдинодержец земли своей”. У “Сказании о Борисе и Глебе” ён называецца “самодержец всей Русской земли”. Тытуламі “самодержец” і “єдинодержец” у далейшым будуць называцца ўсходнеславянскія князі Яраслаў Мудры, Уладзімір Манамах, Андрэй Багалюбскі. У славянскіх рэаліях XI – XII стст. гэтыя тытулы не ўтрымліваюць ідэі боскага паходжання княжацкай улады. Яна спадкуецца ад Алега, Ігара, Святаслава, князёў-язычнікаў і робіцца “єдинодержавной” толькі “по Божественному промыслу, которому приобщился Владимир”. У сярэдзіне XII ст. у летапіснай традыцыі з’яўляецца паняцце “самовластия”, асэнсоўваемае не ў традыцыйных хрысціянскіх катэгорыях самакаштоўнасці, самаўладдзя душы, а як самастойнае ўладаранне князя, яго праведная дзяржаўная ўлада. “Держава самовластна ко Богу изваянная славою паче звезд небесных не токмо и Роуских концех ведома, но и соущим в море далече”, адзначаецца ў Іпацьеўскім летапісе ў панегірыку вялікаму кіеўскаму князю Рурыку Расціславічу.

Новыя тытулы азначалі, па-першае, легітымнасць вялікакняжацкай улады, па-другое, дэманстравалі права на суверэнітэт і незалежнасць Русі ад прэтэнзій Візантыі на ўсехрысціянскае адзінства, па-трэцяе, былі фізічнай праявай адносін чалавека да Радзімы, калі ў постаці і тытуле князя злучаліся не толькі адміністрацыйныя функцыі, але і ўспрыняцце яго як сымбалю сваёй зямлі.

Усходнеславянскія князі да пачатку XIII стагоддзя не карысталіся тытулам “цар”. Ён выключна ўжываўся ў царкоўна-літаратурнай традыцыі і ў адносінах да князёў, якія здзейснілі богаўгодныя дзеянні ў зацвярджэнні каштоўнасцей хрысціянскай веры. Г. П. Фядотаў звяртае ўвагу на тое, што руская царква пры кананізацыі святых князёў улічвала не палітычныя заслугі, а “подвиг жертвенного служения любви: за свой град, за землю русскую, за православных христиан”. Такім чынам, мы заўважаем яшчэ адну асаблівасць увасаблення сярэднявечнага патрыятызму Русі – княжацкі, альбо дзяржаўны.

Царскі тытул, візантыйская трактоўка манаршых вольнасцей, згодна з якімі, Бог – гэта цар нябесны, а цар – зямны бог, зацвердзіўся пасля падзення Візантыйскай імперыі (1453 г.) і вызвалення ад мангола-татарскай няволі (1480 г.). З засваеннем грэчаскага ідэала ўлады спыняецца княжацкая святасць, і ніхто з маскоўскіх уладароў не быў кананізаваны. Іх радаводы, узыходзячы да імператара Аўгуста, парушалі традыцыю “агульных продкаў”, агульных захінікаў у асобах святых князёў, узыходзячую да язычніцкіх часоў. Новымі сэнсамі напаўняюцца паняцці “самадзяржаўе” і “самаўладдзе”. Самадзяржаўе, адзінадзяржаўе з ідэі аб уладары, незалежным ні ад якога знешняга ціску (ідэя нацыянальнага суверэнітэту), пераўтварылася ва ўяўленне аб уладары з неабмежаванай унутранай уладай (імператарскі веліч), якая паходзіць сама з сабе, сама сабе трымае і нічым звонку не абмежавана.

У дамангольскі перыяд захоўваліся традыцыі княжацкага “родаўладарання”, якое складалася ў сумесным валоданні рускімі землямі. “Ряд Яраслава” 1054 г. замацаваў сістэму размеркавання рускіх гарадоў і зямель на падставе радавога старшынства, паводле якога велікакняжацкі тытул і кіеўскі прастол (“у бацька места”) замацоўваліся за адным, часцей за ўсё старэйшым братам. Умовы прастоласпадкавання агаворваліся міжкняжацкімі дамовамі і адлюстроўваліся ў тэрміналогіі сваяцтва: бацька – старэйшы брат – малодшы брат. Гэтым вырашалася дзве праблемы: захаванне дзяржаўнай цэласнасці і радавога адзінства княжацкай дынастыі. Ва ўсходнеславянскай летапіснай традыцыі “княжеский “братский” род воплощал единство Русской земли и нового народа – они и были “субъектами” начальной русской истории (и права) в христианском значении этого понятия”. Яны хрысцілі Рускую землю, іх высілкамі народ адукаваўся, яны сталі творцамі гісторыі, калі звярнуліся да Божай праўды.

Кіеўская Русь бачыла ў адзіным княжацкім родзе “не столько начала власти, сколько начало служения” народных правядыроў і захіснікаў, дзеянні якіх пакладзены ў асновы перамог і славы Кіеўскай Русі”.

Патрыятызм усходніх славян увасабляўся таксама ў этнічным і сацыякультурным сінтэзе розных раёнаў Рускай зямлі, які здзейсяўся градабудаўнічай палітыкай вялікіх князёў кіеўскіх. “Сие не добро, еже мал город около Киева”, – казаў Уладзімір і загадаў будаваць гарады ў памежжы Рускай зямлі, тым самым адзначаючы межы княжацкай улады і маладой дзяржавы. Сімвалічнае асэнсаванне новых гарадоў замацоўвалася ў іх назвах, атрыманых ад хрысцільных імён князёў: Ізяслаўль, Браслаўль, Яраслаўль, Юр’еў.

З прыняццем хрысціянства і будаўніцтвам манументальных храмаў змяняўся і воблік гарадоў. Яго цэнтрам, галоўнай святыней рабіўся кафедральны сабор (Сафійскі – у Кіеве, Полацку і Ноўгарадзе), які арганізоўваў вакол сабе прастору, вуліцы, канцы горада. У сваю чаргу, горад уцягваў у сферу сваіх інтарэсаў пасады і вёскі, ствараючы з імі адзінае цэлае. Самі гарады імкнуліся да стольнага горада, ствараючы іерархію статусаў у залежнасці ад месца князя ў чарзе спадкавання бацькоўскага месца. Усё гэта разам стварала адзінае цэлае, непадзельнасць княжацкай улады, рускіх зямель і веры. Аўтар “Слова о погибели Русской земли” з гонарам апісваў панараму “ўсёй зямлі Рускай”: “до угров и до ляхов, до чехов, от чехов до ятвагов, от ятвагов до литовцев, до немцев, от немцев до карелов, от карелов до Устюга, где обитают поганые той мичи и за Дышащее море, от моря до болгар, от болгар до бургасов, от бургасов до черемисов, от черемисов до мордвы – то все с помощью Божьею покорено было христианским народом, поганые эти страны повиновались великому князю”.

У 867 годзе візантыйскі патрыярх Фоцій пісаў аб Русі як аб “народзе невядомым”, прыйшлым “з крайніх межаў зямлі”. Праз двеці год рускі митраполіт Іларыён урачыста заявіў аб тым, што Руская зямля “вѣ дома и слышима есть всѣми четырьми конци земли”. Гэты словы гучалі як права славян на роўнасць у хрысціянскім свеце і духоўнае пераемства. “се страны благий Бог наш помиловал, и нас не презрел – восхотел и спас нас, и в разум истинный привел и в пустой, пресухой земле нашей, идольским зноем иссушенной, внезапно потек источник евангельский, питая всю землю нашу”, – маўляў Іларыён. У іерархіі шматлікіх хрысціянскіх царквей было вызначана, што толькі царква, заснаваная Хрыстом і яго вучнямі, лічылася сапраўднай. Царква, якая не мела апостальскага бласлаўлення і прыняўшая вучэнне праз другіх, лічылася рангам ніжэй, падуладнай і залежнай. На гэтыя лагічныя канструкцыі ўсходнеславянская думка адказала легендай аб хрышчэнні Русі Андрэем Першазваным, заявіў тым самым, што яна мае права на аўтакефалію. Кіеўскі князь Яраслаў Мудры ажыццявіў цэлую праграму, накіраваную на рэальнае дасягненне самастойнасці ўсходнеславянскай царквы: у 1037 г. у Кіеве была заснавана руская митраполія; пабудаваны новыя праваслаўныя цэнтры – Св. Сафіі (1043), Кіева-Пячэрскі манастыр (1051); у 1054 годзе прызначаны рускі па паходжанні митраполіт Іларыён; створаны асабісты пантэон святых. У выніку гэтага Кіеў стаў духоўна-рэлігійным цэнтрам свайго часу.

Пад столыя Сафійскага сабора прагучала “Слово о законе и благодати” Іларыёна, якое ўлічвала духоўныя асновы візантыйскага праваслаўя, але пры гэтым адлюстравала ўсходнеславянскае асэнсаванне хрысціянскай традыцыі.

1. Манапольнаму праву візантыйскай царквы на выключнае права валодання багадаццю была багаслоўскі пераканаўча супрацьпастаўлена ідэя роўнасці народаў ва Хрысце.

2. Візантыйская хрысціянская традыцыя звязвала ўкараненне добра, святла, ачышчэння з другім прыходам Хрыста, Іларыён уявіў само прыняцце хрысціянства як

ужо здзейсніўшыся факт пераўтварэння чалавека і пераадольванне недасканальнасці свету.

3. Самастойнасць Русі ў прыняцці хрысціянства без грэчаскага пасярэдніцтва ўяўлена як праява волі Бога і прароцтва аб непазбежнасці той гадзіны ў сусветнай гісторыі, калі да благасці звернуцца “языки” апошнія і яны стануць першымі.

4. Упэўненасць у велічы сучаснай Рускай зямлі і ў новых дасягненнях яе народа. У малітве аб Рускай зямлі Іларыён абвясчаў: “Миръ утверди, страны укроти, глады угобзи, владык наши огрози странамъ, боляры умудри, грады рассели, Церковь твою вѣ зрости”.

5. Руская зямля і народ знаходзяць у Іларыёна рэлігійны сэнс і ў нацыянальнай самасвядомасці Русь робіцца не проста дзяржавай, а нечым большым, што атрымлівае ў Максіма Грэка канкрэтную назву – “Святая Русь”.

Праваслаўе, з яго саборнымі ўстаноўкамі на калектыўнае ўспрыняцце і бачанне ісціны, станавілася фактарам самасвядомасці і самапазнання народнага адзінства. На станаўленне ўсходнеславянскай самасвядомасці, этнакультурнай цэласнасці паўплывала тры ўмовы: па-першае, успрыняцце праваслаўя як “рускай веры”; па-другое, азначэнне “Русі” адначасова як асаблівага народа і асаблівай дзяржавы; па-трэцяе, супрацьпастаўленне “новоизбранных людей Русской земли “иностранцам” (немцам, варягам) и “иноверцам” (“латинянам” и “басурманам”)”. Адсюль – узаемапранікненне канфесійнай, этнічнай і дзяржаўнай прыналежнасці. У гэтым адзінстве аб’яднаючым пачаткам патрыятычнай свядомасці выступала праваслаўная вера. У асноўныя моманты гісторыі народ быў згодзен “расстаться с властью и государственностью, чем с верой и Церковью”.

Адзінства землі Рускай успрымалася як цэлае таксама праз моўную агульнасць. Русь далучалася да хрысціянства праз царкоўнаславянскую, кірыла-мяфодзіеўскую моўную традыцыю. На гэтай падставе ва ўсходніх славян сфарміраваліся пісьменства, літаратурная і багаслужэбная мовы. Гэтыя агульнакультурныя з’явы станавіліся праяўленнем этнічнага адзінства ўсходніх славян, што стварыла новы тып адносін: духоўна-культурнае адзінства – духоўна-культурны патрыятызм.

Праваслаўе, якое станавілася духоўна-сэнсавым цэнтрам усходнеславянскай культуры, фармавала агульныя тэндэнцыі развіцця архітэктуры, іканапісу, літаратуры, музыкі і аднатыпныя сацыякультурныя працэсы на ўсёй тэрыторыі Рускай зямлі. Д. С. Ліхачоў так пісаў аб старажытнарускай літаратуры: “перед нами литература, которая возвышается над своими семью веками как единое грандиозное целое, как одно колоссальное произведение, поражающее нас подчиненностью одной теме, единым борением идей, контрастами, вступающими в неповторимые сочетания”. Гэтую характарыстыку магчыма аднесці і да ўсёй культуры. Старажытнарускія пісьменнікі, іканапісцы, архітэктары валодалі пачуццём калектывізму. Гэтая якасць старажытнарускай культуры абумоўлівалі яе цэласнасць, захаванне адзінства ўсёй зямлі Рускай ва ўмовах феадальнай раздробненнасці.

РАЗВИТИЕ СОВРЕМЕННОГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В КОНТЕКСТЕ ИДЕОЛОГИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ

В. В. Валетов, С. Н. Щур

(Мозырский государственный педагогический университет им. И.П. Шамякина)

Развитие современного педагогического образования представляет собой сложный и динамичный процесс. В рамках Болонского процесса происходит диверсификация образовательных моделей, внедрение инновационных технологий обучения. Актуальной является задача перехода университетов, в том числе и профильных, к модели 3.0. Вместе с тем, на наш взгляд, для успешной реализации заданных целей очень важно сохранить и приумножить свой, исторически наработанный образовательный потенциал и опыт. Особенно это важно при формировании профессиональных и личностных компетенций будущих педагогов. Анализ предъявляемых обществом требований к профессии учителя, высокий уровень социальной значимости и ответственности педагогов в современном обществе доказывают, что вне идеологического воспитания педагогическое образование не может быть эффективным.

В МГПУ им. И. П. Шамякина идеологической работе среди студентов, духовно-нравственному и патриотическому воспитанию будущих учителей уделяется первостепенное внимание. Приоритетными направлениями в организации идеологической и воспитательной работы являются: формирование у молодежи патриотизма и гражданской культуры, уважительного и позитивного отношения к традиционным семейным ценностям и ответственному родительству; профилактика негативных явлений в молодежной среде; поликультурное воспитание, пропаганда здорового образа жизни на примерах наиболее продуктивно работавших и работающих ученых и практиков.

Большое значение имеет идеолого-воспитательная составляющая содержания образования, в первую очередь – дисциплин социально-гуманитарного блока.

Преподаватель должен постоянно ориентироваться на идеологическую составляющую учебной дисциплины, совершенствовать мировоззренческую направленность лекций и семинарских занятий в контексте идеологических ценностей белорусского пути развития, с учетом профиля вуза, осваиваемых студентами специальностей и специализаций. Необходимо оперативное обновление вопросов по изучаемым темам, направленное на их интериоризацию в свете новейших достижений в области науки, техники, культуры.

В формировании гражданской и нравственной культуры будущих педагогов огромное воспитательное значение имеет высокий личный пример преподавателя в профессиональной подготовке, проявлениях патриотизма, гражданской активности, здорового образа жизни, соблюдении норм научной объективности и этики, педагогического этикета.

Ключевым принципом организации идеологической работы в системе высшего образования является деятельностный принцип, согласно которому необходимо максимально приблизить идейно-воспитательную работу к конкретным делам, поступкам, акциям, действиям. Их результаты должны иметь реальную пользу для студентов, общества в целом. В этом плане МГПУ им. И. П. Шамякина есть чем гордиться. Студенты нашего вуза являются дипломантами и призерами международных, республиканских, областных фестивалей, конкурсов по гражданско-патриотическому, эстетическому воспитанию («Лидер года», «Студент года», «Зимняя радуга», «Испытание мужеством» и др.). В областном этапе республиканского конкурса «100 идей для Беларуси» магистрант технологического факультета Захаренко Дмитрий завоевал 1 место в группе «Молодые ученые до 35 лет, работающая молодежь» в номинации: «Био- и nanoиндустрия» с проектом «Выращивание семян дуба черешчатого с закрытой корневой системой».

Воспитание духовности и патриотизма у подрастающего поколения основывается на уважении родной истории, сохранении и приумножении историко-культурного наследия. Большую роль в этом играет историко-краеведческая работа. Преподавателями и студентами филологического факультета (специальность: “История и обществоведческие дисциплины”) ведутся исследования, тема которых – “История Мозырско-Припятского Полесья”. Итогом данной работы является подготовка цикла научно-популярных и документальных изданий, посвященных различным аспектам истории Полесского края. Так, в год 70-летия Победы советского народа в Великой Отечественной войне издана книга воспоминаний участников войны, узников концлагерей, тружеников тыла (уроженцев г. Мозыря и Мозырского района) “Солдаты Победы”.

Этическая доктрина Православия, соборность, являются, как отмечал Президент Республики Беларусь А. Г. Лукашенко, одной из мировоззренческих основ идеологии белорусского государства. Сотрудничество институтов образования и Церкви нацелено на формирование нравственной и гражданской культуры молодежи, патриотизма, стремления трудиться ради процветания родной Беларуси. Приобщение к духовным святыням народа, актуализация традиционных ценностей белорусов в современном педагогическом образовании позволит сохранить преемственность в воспитании, будет содействовать стабильному и поступательному развитию общества.

Мозырский государственный педагогический университет им. И. П. Шамякина имеет достаточно большой опыт сотрудничества с Белорусской Православной Церковью по вопросам духовного и патриотического воспитания молодежи. Сотрудничество осуществляется в различных формах: проведение совместных научно-методических и научно-практических мероприятий, волонтерской деятельности, проведении научных исследований на хоздоговорной основе по заказу Гомельской и Туровской епархий.

Таким образом, реализация содержания педагогического образования в аксиологическом единстве с идеологическим воспитанием студенческой молодежи позволит сформировать специалиста XXI в., разносторонне образованного, духовно, нравственно и профессионально подготовленного к работе по избранной специальности, определяющим свое жизненное кредо как служение родной стране и своему народу.

Список использованных источников

1. Выступление Президента Республики Беларусь А. Г. Лукашенко на ежегодной церемонии вручения премии «За духовное возрождение», специальной премии деятелям культуры и искусства, «Белорусский спортивный Олимп» // СБ. - № 6.- 2018. - С. 1.

ПРАВОСЛАВНОЕ ДУХОВЕНСТВО НА ГОМЕЛЬЩИНЕ

В НАЧАЛЕ 50-Х гг. XX в.

С. Ф. Веремеев

(Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины)

Во второй половине 1948 г., во многом после провала плана И. Сталина по созданию мирового религиозного центра в Москве («Московского Ватикана»), в церковно-государственных отношениях происходит перелом. Государственные органы избирают тактику постепенного вытеснения Православной церкви на периферию общественной жизни [1, с. 346–350]. В этой связи важно изучить, как реализовывалась советская конфессиональная политика на уровне отдельных регионов, и каким было положение в то непростое время православного духовенства, которое, в первую очередь, и испытывало на себе воздействие данной политики. Ценную информацию о православных священнослужителях и их деятельности содержит документация Уполномоченных Совета по делам Русской Православной церкви. На основе сохранившихся в архивах документов Уполномоченного Совета по делам РПЦ по Гомельской области мы предприняли попытку исследования положения православного духовенства на Гомельщине в начале 1950-х гг.

В тот период вся территория БССР входила в состав Минско-Белорусской епархии, которую возглавлял архиепископ Питирим (П.П. Свиридов, 1887–1963) [2, с. 235]. В Гомельской области в 1952 г. насчитывалось 47 православных священнослужителей. Из них – 46 священников и 1 диакон, который служил в Петропавловском соборе [3, л. 3]. Для сравнения: в Гомельской епархии в настоящее время служит 93 священника и 42 дьякона [4]. В каждом приходе было по одному священнику, за исключением Петропавловского собора, где служило два священника.

Архиепископ намеревался увеличить их количество до трёх, но подходящей кандидатуры не находилось. Помимо священников, в каждой церкви был псаломщик. Как правило, псаломщиками являлись женщины. Из женщин состояли и церковные хоры в большинстве приходов. Смешанными церковные хоры были в Гомеле, Речице [3, л. 3].

В рассматриваемый период власти разрешали священникам и диаконам, которые являлись слушателями духовных семинарий и академий, в рождественские и пасхальные праздники проходить практику «там, где им нравится». На Рождество 1952 г. в Добруше служил слушатель Московской духовной академии священник Соколовский, в Гомеле – слушатель Минской духовной семинарии диакон Буглаков [3, л. 11].

В абсолютном большинстве представители духовенства являлись людьми весьма солидного возраста (старше 55 лет). Священнослужителей в возрасте до 40 лет (в документах они названы «молодыми») насчитывалось всего 4 человека, из которых лишь 2 являлись выпускниками семинарий. Надо полагать, что образовательный уровень значительной части православного духовенства, особенно сельского, был невысоким. Власти отмечали, что «духовенство на селе газеты читает мало, текущими событиями не интересуется» [3, лл. 3, 17]. Но были и исключения. Так, настоятель церкви в Турове Теодорович в своё время окончил Петербургскую духовную академию [5, л. 58].

Некоторые представители духовенства являлись выходцами из Западной Беларуси (называемые в документах «западниками»). К их числу относился священник Александр Троцкий, служивший в деревне Новые Дятловичи Гомельского района [5, л. 16]. В Речице благочинным был священник Ревинский родом из Западной Беларуси, говоривший с польским акцентом [6, с. 28]. В гомельской железнодорожной церкви (вероятно, Никольская церковь – С.В.) был священник Артецкий (1891 г.р.), сын учителя, юрист по образованию. В 1916–1923 гг. он служил в армии, занимал там командные должности. В 1923 г. уехал в Польшу, а с 1939 г. работал в советских органах власти. Священником он стал в 1948 г. Деятельность священников, приехавших на Гомельщину из Западной Беларуси, была довольно успешной. Власти отмечали, что «прибывшие из западных областей служители культа... проявили себя как весьма активные церковные деятели, и поэтому они сумели завоевать авторитет среди верующих». В качестве примера можно назвать иерея Павла Латушко, уроженца Смолевичского района, который за три года в Лоеве отремонтировал молитвенный дом и вообще «показал себя как фанатичный церковник, сумевший привлечь массу верующих в церковь своей неимоверной усердной службой и почти монашеским поведением, что очень нравилось верующим, которые считали его настоящим священником». Верующие воспротивились его переводу в другой приход [5, л. 16, 21].

По устоявшейся в историографии традиции, история церкви в конкретный исторический период обычно рассматривается сквозь призму её взаимоотношений с государством, с помощью бинарной оппозиции «церковь-государство». Внутрицерковные отношения – вопрос, мало изученный в историографии. Как свидетельствуют архивные документы, в начале 1950-х гг. в среде духовенства на Гомельщине имели место «конфликты и прочие дразги». Одним из проявлений этого являлось определённое противостояние между священниками-монахами и представителями белого духовенства [6, с. 27]. Уполномоченный Совета по делам РПЦ по Гомельской области В. Лобанов отмечал, что некоторые служители религиозного культа восточных областей враждебно относятся к служителям религиозного культа, прибывшим из западных областей БССР». Последних могли подозревать в скрытом католицизме [3, л. 22; 6, с. 28].

В среде духовенства существовали и интриги. Так, бывший настоятель Ветковского молитвенного дома Германов интриговал против сменившего его священника Анатолия Мисеюка. Власти, в свою очередь, без обиняков отмечали, что «такая борьба среди духовенства для нас желательна, чтобы духовенство компрометировало самих себя и ослабляло религиозную деятельность среди верующих» [5, л. 24].

Священники в начале 1950-х гг. часто меняли приходы. Одной из причин могло быть тяжёлое материальное положение сельских церквей. Примером может служить церковь в деревне Бобовичи Гомельского района, где в период с 1950 по 1953 г. сменилось порядка семи священников. Уполномоченный Совета по делам РПЦ в докладной записке секретарю Гомельского обкома КПБ (б) объяснял это малой доходностью прихода. Верующие из Бобович часто посещали Гомель, и, соответственно, собор Петра и Павла, Бобовичскую же церковь посещали не все и жертвовали на её нужды мало [6, с. 26-27]. В деревне Черетянка (в тот период Тереховский район, ныне – Гомельский) священники менялись через каждые 1-2 месяца [5, л. 7]. Подобные перемещения, разумеется, не способствовали нормальному протеканию церковной жизни.

В документах Уполномоченного по делам РПЦ по Гомельской области зафиксировано значительное число негативных фактов, связанных с представителями духовенства. Так, верующие деревни Черетянка обратились к председателю Гомельского облисполкома Абраменко с жалобой на местного священника Мельникова, который, по их утверждению, «пьяница, в церкви курит, пьёт, украл пасху, к нему ходят женщины как к мужчине». Не пользовался популярностью у верующих и священник Бобровничей, служивший в деревне Новые Дятловичи. Утверждалось, что он «пьянствовал, много брал за требы, иногда не соглашался хоронить за малую цену». После жалоб верующих архиепископ отстранил его от прихода и вообще запретил ему служить в БССР [3, л. 11]. Среди священников порой встречались очень колоритные фигуры. В деревне Дудичи Калинковичского района служил священник П.Р. Володько. Если верить отчёту Уполномоченного Совета по делам РПЦ, в прошлом тот был убийцей, дважды предстал перед судом, а свою судимость скрывал. По просьбе верующих архиепископ отстранил его от служения [3, л. 18].

Вместе с тем, можно предположить, что ряд приводимых в документах нелицеприятных фактов относительно православных священников не соответствовал действительности. Косвенным свидетельством тому может служить случай в деревне Бобовичи Гомельского района, где церковный староста Морозов зарабатывал деньги покупкой свечей и перепродажей их в церкви. После того, как он был отстранён от своей должности, он начал «раскрывать и неблаговидные дела других лиц, в частности, бывшего священника иеромонаха Топтугина» [3, л. 5]. Действительно ли иеромонах был замешан в «неблаговидных делах» или же бывший староста был движим чувством обиды и желанием отомстить – вопрос остаётся открытым.

В иных случаях отрицательные характеристики, данные властями отдельным представителям духовенства, можно рассматривать как возможное подтверждение успешной деятельности последних. Настоятель церкви в Носовичах (Добрушский район) с характерной фамилией Попович был известен тем, что не брал денег за требы с бедных людей, вдов. Власти расценивали это как «всякие комбинации» [5, л. 65-66] священника, не допуская возможности того, что тот мог действовать в соответствии со своими убеждениями и своей совестью.

Были среди духовенства и те, кто в период Великой Отечественной войны оказывали содействие партизанам. Это священники Колесников (деревня Старая

Белица Гомельского района) и Пищиков (Чечерск). О своих связях с партизанами рассказывал и священник Пшёнко, однако Уполномоченный по делам РПЦ по Гомельской области категорически отрицал правдивость подобных заявлений [3, л. 4].

Некоторые священники прилагали усилия по открытию церквей и даже строительству новых. Так, вдохновителем строительства православной часовни в деревне Шарпиловка Гомельского района был священник по фамилии Секач, который до этого длительное время служил в Речице, затем в Лоеве. В феврале 1951 г. часовня начала действовать [2, с. 236]. Её появление вызвало резко негативную реакцию со стороны властей. Председатель Лоевского райисполкома и Уполномоченный по делам РПЦ понесли наказание за это [3, л. 8-9]. На состоявшемся в октябре 1951 г. заседании Гомельского облисполкома было принято решение о ликвидации часовни [2, с. 236]. Однако обнаруженные нами архивные документы показывают, что она так и не была закрыта «ввиду массовых выступлений верующих», а в 1954 г. – внесена в список официально действующих в Гомельской области церквей и молитвенных домов [5, л. 1].

Представители духовенства в начале 1950-х гг. могли испытывать материальные трудности. Серьёзной проблемой для них являлись высокие налоги. Были зафиксированы случаи, когда платить подоходный налог священникам помогали верующие. Такие случаи имели место в населённых пунктах Носовичи (Добрушский район), Заспа (Речицкий район). Даже власти признавали, что взимание подоходного налога с духовенства не всегда происходит гладко, при этом основная доля вины возлагалась на самих священников, которые, с точки зрения властей, не всегда фиксировали все совершаемые ими требы или вели их учёт неправильно. Вместе с тем, в ряде случаев представители духовенства оформляли подписку на заём «Восстановление народного хозяйства». Особенностью советской эпохи было существование так называемого холостяцкого налога. С монашествующих он не взимался при условии наличия справки о монашеском постриге [3, л. 18, 25].

Следует отметить, что большая часть священнослужителей на Гомельщине жила за счёт совершения треб, получая от верующих за это деньги и продукты. В начале 1950-х гг. ещё продолжала существовать традиция, когда во время пасхальных праздников священники ходили по домам верующих и собирали продукты, деньги и др. Однако в указанный период данная традиция наблюдалась лишь в единичных случаях среди «старого духовенства» [3, л. 17]. Начиная с 1948 г. начали вводиться оклады для духовенства, однако на такую форму оплаты труда в начале 1950-х гг. перешло не более 25% священников на территории Гомельщины [3, л. 24].

Порой священническое служение было сопряжено с прямой угрозой для жизни и здоровья. В сентябре 1953 г. в деревню Головки на Мозырщине приехал настоятель церкви из Василевич по фамилии Корбатенко, чтобы совершить требу. Председатель колхоза Константин Штурма «обрушился с оскорбительной руганью» на священника, «пытался нанести удар кулаком Корбатенко, говоря, почему ты сел на колхозную машину и зачем сюда приехал». Один из колхозников, присутствовавший при этом, взял кол и «хотел им нанести удар по Штурме», но священник удержал его и уговорил не начинать драку [5, л. 41].

Ущемление прав священнослужителей со стороны властей могло принимать различные формы. Священник Василец из Ново-Барсукской церкви (Речицкий район) в 1950 г. получил от колхоза 0,20 га земли «под посев» и использовал её под огород, однако недолго. Решением Речицкого райисполкома (принято не позже 1952 г.) земля была возвращена обратно колхозу, с мотивировкой, что священник не состоит в артели [3, л. 13]

Наблюдались и случаи отказа священников от сана. В 1949 г. священник Тетерюков по просьбе своего сына отказался от служения и вернул властям выданное ими регистрационное удостоверение. Однако в 1951 г. он вновь был восстановлен в сане и получил приход [3, л. 4].

На Гомельщине в начале 1950-х гг. также были священники, не входившие в штат местного духовенства и не подчинявшиеся правящему архиерею, но, тем не менее, осуществлявшие своё служение. Так, в деревне Красное Гомельского района проживал священник Федор Ефремович Гончаров, который тайно крестил детей на дому, проводил венчания, а также занимался изготовлением икон [5, с. 78]. Возможно, он принадлежал к одному из течений в Православной церкви – «катакомбникам».

Список использованных источников и литературы

1. Шкаровский, М.В. Русская Православная Церковь в XX веке / М.В. Шкаровский. – М.: Вече, Лепта, 2010. – 480 с.
2. Навіцкі, У.І. Дзяржаўна-канфесіянальныя адносіны ў 40-90-я гг. / У.І. Навіцкі, У.М. Завальнюк // Канфесіі на Беларусі (к. XVIII – XX ст.) / В.В. Грыгор’ева [і інш.]; навук. рэд. У.І. Навіцкі. – Мінск : ВП Экаперспектыва, 1998. – С. 234-335.
3. Государственный архив общественных организаций Гомельской области. – Ф. 144. – Оп. 50. – Д. 96.
4. Гомельская епархия // Режим доступа: <http://www.church.by/beloruskiy-ekzarhat/gomelskaja-eparhija>. – Дата доступа: 04.05.2018.
5. Государственный архив общественных организаций Гомельской области. – Ф. 144. – Оп. 61. – Д. 73.
6. Цыкунов, С.В. Исторические сведения о приходах Гомельской епархии. Гомельский район / С.В. Цыкунов, В.Л. Ветошкин. – Гомель, Барк, 2017. – 212 с.

ПОЛЬСКО-ЗАПАДНОГЕРМАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В 60–70-е гг. XX в.: СОСТОЯНИЕ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ

Л. В. Гавриловец

(Мозырский государственный педагогический университет им. И. П. Шамякина)

В 60-е гг. XX в., то есть до начала переговоров между ПНР и ФРГ о подписании нормализационного договора, дипломатические отношения между этими странами отсутствовали. Единственной формой отношений являлась незначительная торговля на основе кратковременных торговых договоров, которая характеризовалась слабой динамикой роста, а также налаживание диалога между польскими и немецкими епископами. Последнее вылилось в кампанию против кардинала С. Вышинского и епископов, которых польское руководство обвинило в «предательстве национальных интересов» и вмешательстве в политику, подчеркивая, что поляки никогда не забудут Германии нанесенных обид [6, с. 218]. Таким образом, ни о каком политическом взаимопонимании между ПНР и ФРГ речи в то время и не шло. Не было диалога с немцами, потому что не было его у ФРГ с СССР.

В 1966 г. канцлер ФРГ К.Г. Кизингер предложил урегулировать отношения с Польшей, но его инициатива не получила отклика со стороны польских властей. Правительство ПНР считало тогда, что основным условием урегулирования дипломатических отношений с ФРГ будет признание существующей границы, признание суверенитета ГДР, а также отказ от ядерного оружия, а ФРГ предлагала решить германский вопрос путем ликвидации суверенитета ГДР, что было неприемлемо польской стороной [14, с. 146]. Кроме того, еще до подписания ФРГ договоров с СССР и Польшей социалистические государства в сентябре 1965 г. определили семь направлений, от решения которых зависел вероятный исход мирных переговоров с Бонном. Среди них признание границы по Одере-Нейсе; международно-правовой статус для ГДР; аннулирование Мюнхенского соглашения 1938 г.; отказ от «доктрины Хальштейна»; нераспространение ядерного оружия; поддержка плана

разоружения; независимый статус для Западного Берлина [8, s. 90]. Данный перечень основных условий содержался и в ответной ноте польского правительства от 6 мая 1966 г. на ноту правительства ФРГ от 24 марта 1966 г. и был направлен на достижение разрядки напряженности в Европе. Тем не менее, правительство ФРГ продолжало утверждать, что «Германия должна существовать в соответствии с международным правом в границах 1937 г. до тех пор, пока в результате свободных выборов избранное общенемецкое правительство не признает новые границы» [13, s. 129]. Ответом Польши на этот ход была речь В. Гомулки, произнесенная в Катовицах в феврале 1967 г., в которой он озвучил требование безусловного признания границы по Одеру-Нейсе Бонном. Тем более в конце 1967 г. уже 53 % опрошенных жителей ФРГ высказалось за признание границы по Одеру-Нейсе, если это поправит взаимоотношения с Востоком [13, s. 282].

В марте 1968 г. группа католических ученых, журналистов из Кельна «Bensberger Kreis» выступила с меморандумом в деле нормализации отношений с Польшей. Проведенный ими опрос показал, что 56 % немцев в ФРГ считало, что земли, отданные Польше, для Германии навсегда потеряны, но необходимо решать вопрос о нормализации двусторонних взаимоотношений. Однако в меморандуме не рассматривался наиболее важный для польской стороны вопрос признания границы Одер-Нейсе, а также суверенитета ГДР. Хотя епископат ФРГ не поддержал меморандум, а руководство ХДС/ХСС отнеслось к нему критически, его тезисы все-таки нашли широкий отклик в ФРГ [1, s. 564]. Меморандум 1968 г. свидетельствовал о положительном отношении общественности ФРГ к вопросу нормализации взаимоотношений с Польшей. Правительство ПНР также придерживалось направления нормализации отношений с ФРГ, искореняя при этом антинемецкие настроения в Польше.

Несмотря на усилия ПНР, неоднократно выступавшей с инициативой нормализации отношений с ФРГ, вплотную приступить к обсуждению указанного вопроса удалось ввиду сопротивления ХДС/ХСС только с созданием кабинета В. Брандта. Канцлер В. Брандт, как и министр иностранных дел В. Шеель, считали, что достижение соглашения с Польшей является первостепенной задачей правительства ФРГ. В западногерманском МИДе с 5 по 7 ноября 1970 г. началась работа над формулированием предложений федерального правительства к предстоящим переговорам с правительством Польши. Так, делегация ФРГ выдвинула требование, чтобы польское правительство в связи с подписанием договора повторило или подтвердило свое заявление 1953 г. по вопросу отказа от репарационных выплат со стороны Германии. В ответ польское правительство отметило, что заявление 1953 г. остается в силе, и оно не видит оснований, которые мотивировали бы его повторение. В будущем, отметило правительство Польши, если бы дошло до подписания мирного договора, возможно бы и затрагивался репарационный вопрос [10, s. 377].

Различие позиций привело к кризису в переговорах двух делегаций в апреле 1970 г., что грозило дальнейшим ухудшением отношений между двумя государствами. В этой ситуации во время тайного заседания в федеральном правительстве 14 апреля 1970 г. при поддержке МИД и лично В. Шееля был принят проект новой формулы (так называемая формула в деле Польши – «polenformel»). Были созданы две рабочие группы. Первая занималась окончательной версией в вопросе западной границы, вторая работала над вопросами «гуманитарными». На заседании главного Федерального Комитета в Саарбрюккен 26 апреля 1970 г. министр иностранных дел ФРГ подчеркнул необходимость урегулировать вопрос о признании границы по Одеру-Нейсе [16, s. 139–145]. Одновременно с подготовкой нормализационного договора проходили переговоры по экономическим вопросам, которые привели к заключению в июне 1970 г. соглашения об обмене товарами и сотрудничестве в области технологии и экономики на 1970–1974 гг.

Среди проблем, которые, по мнению Польши, должны были быть решены в ходе процесса нормализации, можно выделить вопрос о пенсиях и рентах. В Польше проживало значительное число граждан, получивших право на социальное обеспечение в довоенной Германии или в ФРГ, в свою очередь, бывшие граждане Польши получили право на пенсии и ренты в Польше, но проживали в ФРГ. Причем численность бывших германских граждан в Польше значительно превышала число бывших польских граждан в ФРГ, расходы же на социальное обеспечение этих людей ложились на польское государство. В связи с этим польская сторона предлагала ФРГ заключение договора, который урегулировал бы все эти вопросы с учетом существования разницы в обремененности государственных бюджетов ПНР и ФРГ социальным обеспечением данной категории лиц. Кроме того, ссылаясь на соответствующие международно-правовые акты, правительство Польши предъявило ФРГ требование выплатить компенсации бывшим узникам концлагерей и других мест заключения, подвергнувшимся преследованиям за политическую деятельность либо за национальную принадлежность, а также вдовам, сиротам и родственникам жертв террора оккупантов; лицам, потерявшим здоровье и ставшим калеками вследствие террора немцев; депортированным на принудительные работы в Германию, военнопленным, не получившим вознаграждения за свою работу, и некоторым другим категориям граждан [3, s. 100–101].

Польское правительство выдвигало требование, что сумма компенсаций должна составить от 70 до 220 млрд немецких марок. Правительство ФРГ отклонило требования Польши на том основании, что срок подачи требований истек 31 декабря 1969 г. В действительности основной причиной отрицания прав поляков на компенсацию являлись постановления федерального Закона о компенсациях. В параграфе 238а Закона утверждалось, что получить компенсацию может только то лицо, которое в момент принятия решения проживало или имело место постоянного жительства в тех государствах, с которыми ФРГ во время вступления в силу этого права или с 1 января 1963 г. поддерживала дипломатические отношения [9, s. 109–113]. Так как между ПНР и ФРГ не были установлены дипломатические отношения, то Закон о компенсациях не давал жертвам гитлеровских преступлений, проживающим в Польше, никаких оснований для их получения.

7 декабря 1970 г. состоялось подписание Договора об основах нормализации отношений между ПНР и ФРГ. Подписав договор 1970 г., ФРГ тем самым подтверждала отсутствие с ее стороны территориальных претензий к Польше и фактически признавала существование восточногерманского государства. Польская сторона же не признала факт существования в Польше немецкого меньшинства на чем во время переговоров настаивало руководство ФРГ, но зато согласилась продолжать акцию воссоединения семей. Этот вопрос был урегулирован правительством ПНР указом от 18 ноября 1970 г. [5, s. 518]. А Ю. Циранкевич отметил: «Подписав договор, мы создали реальную и прочную основу для процесса нормализации взаимоотношений между двумя государствами, которая должна охватить все сферы жизнедеятельности...» [12, s. 183].

Однако не все на территории ФРГ желали признать договор от 7 декабря 1970 г., акцентировать на нем внимание немецкого народа. Так, в острой оппозиции договору находилась немецкая газета «Мир» («Die Welt»). В ней была размещена статья под названием «O Niemczech ani słowa» («О немцах ни слова»): «Принимая в 1969 г. варшавские предложения о переговорах, правительство ФРГ, как и значительная часть оппозиции, полагали, что Польша беспокоится о своей безопасности и поэтому желает предварительного подтверждения условий международно-правового признания своей западной границы ФРГ. А на самом деле, оглашая свои категорические заявления о

признании западной границы Бонном, польские политики были заинтересованы в полном признании результатов германской агрессии и поражения не только в войне против СССР, но еще больше против Польши» [7, s. 53]. Кроме того, В. Шеель утверждал, что «ФРГ признала польскую западную границу по Одере-Нейсе только в интересах европейской безопасности. Признание это ограничено временем до момента созыва европейской мирной конференции либо объединения Германии и не может быть интерпретировано как формально-правовое признание ФРГ статус-кво» [11, s. 40]. Таким образом, западногерманская оппозиция желала в политическом отношении принизить значение польско-западногерманского договора и считала его решения не окончательными, а в дальнейшем подлежащими пересмотру на более выгодных условиях для ФРГ. На самом же деле было осуществлено договорное закрепление в международно-правовом отношении признания ФРГ западной государственной границы Польши, в последующем существование которой объединенная Германия и Польша подтвердили в договоре 1990 г., имеющим обязательный характер в соответствии с международным правом.

Особое внимание стоит обратить на резолюцию парламентской фракции ХДС/ХСС от 4 декабря 1970 г. В данном документе подтверждался тезис о том, что «взаимопонимание с Польшей стало важной целью политики ФРГ. Взаимопонимание Польши – ФРГ должно открыть дорогу к решению «европейского вопроса», устранить последствия гитлеровских преступлений, решить вопрос с переселением немцев. Поляки должны выразить понимание в отношении политики ФРГ, стремиться к уважению прав немецкого народа на самоопределение, а также урегулирование германских вопросов в согласованном мирном договоре. Окончательное установление границ определится мирным договором. Основой такого договора должно быть право поляков на обеспечение своих границ и право Германии на получение свободы и единства. Такая регуляция должна привести к устройству Европы, в которой границы были бы четко определены» [2, s. 384–385].

Следовательно, в 1969–1970 гг. большое значение для Польши имело установление дипломатических отношений с ФРГ. Во время подписания нормализационного договора с Западной Германией правительство ПНР желало решить три основных вопроса: признание границ, отказ от политики применения силы федеральным правительством, нормализация и развитие двусторонних отношений. При поддержке СССР Польше удалось добиться от ФРГ четкой позиции в отношении характера границы по Одере-Нейсе, отказаться от политики силы, но в ходе переговоров остались нерешенными вопросы компенсаций, пенсий и рент. Позиция ФРГ заключалась в предложении о том, что возмещать ущерб должны ГДР и ФРГ совместно, определив его конкретные рамки. При этом вспомоществование должны получить не государственные учреждения, а конкретные жертвы и их семьи. ПНР же преследовала иную цель. Она хотела добиться выгодных экономических условий сотрудничества с ФРГ, а именно получить кредит на десять лет без процентов или с небольшой процентной ставкой. Трудно оценить обоснованность позиций сторон, но вряд ли существовало что-то общее между помощью в виде компенсации и общегосударственным кредитом. Несмотря на это была создана основа для будущего сближения между Польшей и ФРГ. Варшавский договор 1970 г. послужил отправной точкой для дальнейшего совместного сотрудничества двух стран как в политической, так и экономической и культурной сферах.

Список использованных источников

1. Albert, A. Najnowsza historia Polski 1914–1993 w 2 t. T. 2 / A. Albert. – Warszawa : Swiat Książki, 1995. – 1048 s.
2. Cziomer, E. Historia Niemiec 1945–1991 Zarys rozwoju problemu niemieckiego od podziału do jedności / E. Cziomer. – Kraków : UJ, 1992. – 265 s.

3. Cholewiak, S. Odszkodowania wojenne NRF dla obywateli polskich / S. Cholewiak // Sprawy międzynarodowe. – 1974. – Nr. 4. – S. 99–112.
4. Czubiński, A. Zarys dziejów Niemiec i państw niemieckich powstałych po II wojnie światowej / A. Czubiński. – Poznań : WP, 1986. – 430 s.
5. Czubiński, A. Polska i Polacy po II wojnie światowej 1945–1989 / A. Czubiński. – Poznań : WN, 1998. – 928 s.
6. Dylaogowa, H. Historia Polski, 1795–1990 / H. Dylaogowa. – Lublin : Instytut Europy Środkowo-Wschodniej, 2000. – 288 s.
7. Kokot, J. Od Poczdamu do Helsinki. Koniec okresu powojennego w Europie / J. Kokot. – Instytut Śląski w Opolu, 1974. – 265 s.
8. Ławrowski, A. Od nadziei do rozczarowań. Zachód wobec spraw polskich w latach 1969–1983 / A. Ławrowski. – Warszawa : MON, 1983. – 359 s.
9. Pilichowski, Cz. Odszkodowania NRF dla Polaków / Cz. Pilichowski // Sprawy międzynarodowe. – 1974. – Nr. 11. – S. 107–118.
10. Pilna notatka z rokowań odbytych 5–7 bm. w Bonn na temat układu o podstawach normalizacji stosunków między PRL a NRF // Polityka i dyplomacja polska wobec Niemiec, T. 1 1945–1970. / Wstęp, wybór i opracowanie dokumentów M. Tomala. – Warszawa : DW ELIPSA, 2005. – S. 375–378.
11. Plum, W. Niezwykła normalizacja. Stosunki Republiki Federalnej Niemiec z Polską / W. Plum. – Warszawa : UW, 1986. – 263 s.
12. Rakowski, M. F. Die Aussenpolitik der Volksrepublik Polen / M. F. Rakowski. – Warszawa : Interpress, 1975. – 238 s.
13. Roszkowski, W. Historia Polski 1914–1991. wyd. 2 poprawione i rozszerzone / W. Roszkowski. – Warszawa : Wyd-wo Naukowe PWN, 1992. – 442 s.
14. Ruchniewicz, K. Warszawa–Berlin–Bonn. Stosunki polityczne 1949–1958 / K. Ruchniewicz. – Wrocław : Wyd-wo UW, 2003. – 395 s.
15. Sułek, J. Polityka wschodnia rządu «wielkiej koalicji» (1966–1969) / J. Sułek. – Warszawa : PISM, 1972. – 152 s.
16. Węc, J. J. FDP wobec polityki wschodniej RFN 1969–1982 / J. J. Węc. – Poznań : IZ, 1990. – 335 s.

ГІСТАРЫЧНАЯ АДУКАЦЫЯ І ЯЕ АСАБЛІВАСЦІ ў БРЭСЦКІМ ДЗЯРЖАЎНЫМ УНІВЕРСІТЭЦЕ ІМЯ А. С. ПУШКІНА

Н. П. Галімава

(Брэсцкі дзяржаўны ўніверсітэт імя А. С. Пушкіна)

Гістарычны факультэт як структурнае падраздзяленне Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А. С. Пушкіна дзейнічае з 1991 г. Выпускнікі спецыяльнасцей “Гісторыя”, “Гісторыя. Сацыяльна-палітычныя дысцыпліны”, “Гісторыя. Сусветная і айчынная культура”, “Гісторыя. Рэлігіязнаўства”, “Гісторыя. Замежная мова (англійская)” паспяхова працуюць ва ўстановах адукацыі і культуры, органах дзяржаўнага кіравання як у Брэсцкай вобласці, так і ў іншых рэгіёнах Рэспублікі Беларусь. Добра сфарміраваны прафесарска-выкладчыцкі склад мае пэўныя дасягненні ў навукавай, вучэбна-метадычнай, выхаваўчай дзейнасці. На факультэце вядзецца планамерная падрыхтоўка спецыялістаў вышэйшай навукавай кваліфікацыі, адбываецца станаўленне навуковых школ.

На сучасным этапе гістарычны факультэт мае высокакваліфікаваны прафесарска-выкладчыцкі склад, у якім арганічна спалучаюцца сталасць дактароў, прафесараў, вопыт кандыдатаў, дацэнтаў, энергічнасць маладых выкладчыкаў. У структуры гістарычнага факультэта знаходзяцца 3 профільныя кафедры – кафедра гісторыі Беларусі (загадчык – доктар гістарычных навук, прафесар Здановіч У. В.), кафедра гісторыі славянскіх народаў (загадчык - А. М. Вабішчэвіч, доктар гістарычных навук, прафесар), кафедра ўсеагульнай гісторыі (загадчык – кандыдат гістарычных навук, дацэнт Пашковіч А. І.) і кафедра паліталогіі і сацыялогіі (загадчык – Скакун Я. У. – кандыдат паліталагічных навук). Павышэнне навукавай кваліфікацыі кадраў з’яўляецца адным з прыярытэтных напрамкаў дзейнасці факультэта і яго кафедраў. На

працягу апошніх 5 гадоў былі паспяхова абаронены 2 доктарскія і 3 кандыдацкія дысертацыі.

У аспірантуры, якая функцыянуе з 1993 г., ажыццяўляецца падрыхтоўка навуковых работнікаў вышэйшай кваліфікацыі па спецыяльнасці “Айчынная гісторыя”. Падтрымку ў адкрыцці ўласнай аспірантуры і магістратуры, ажыццяўленні навукова-даследчыцкай і адукацыйнай працы гістарычнаму факультэту аказвалі і працягваюць аказваць Інстытут гісторыі НАН Беларусі, БДУ, Гродзенскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Я. Купалы і іншыя ўстановы Рэспублікі Беларусь. Выпускнікі аспірантуры паспяхова абаранілі 11 кандыдацкіх дысертацый, зараз некалькі работ рыхтуюцца да абароны. Тэматыка дысертацыйных прац ахоплівае актуальныя і пераважна наватарскія напрамкі айчыннай гістарычнай навукі.

Прафесарска-выкладчыцкі склад гістарычнага факультэта ўжо мае пэўныя дасягненні рэспубліканскага і міжнароднага ўзроўня ў распрацоўцы новых тэматычна-праблемных навуковых напрамкаў і істотным узбагачэнні традыцыйнай праблематыкі айчыннай гістарычнай навукі [1, с. 25].

Прафесарска-выкладчыцкі склад, аспіранты гістарычнага факультэта ўдзельнічалі ў рэалізацыі цэлага шэрагу міжнародных, рэспубліканскіх і рэгіянальных навукова-даследчыцкіх праектаў, у тым ліку ў рамках Дзяржаўных праграм навуковых даследаванняў у Рэспубліцы Беларусь. На працягу апошніх гадоў яны прымалі ўдзел у выкананні 18 навуковых тэм, якія прайшлі дзяржаўную рэгістрацыю, у тым ліку 3 – у рамках Дзяржаўных комплексных праграм, 1 – у межах сумеснага праекта Беларускага рэспубліканскага фонда фундаментальных даследаванняў і Расійскага гуманітарнага навуковага фонда [2, с. 216].

Так, пры выкананні сумеснага беларуска-расійскага праекта “Беларускія землі паміж Расіяй і Польшчай у XIX – XX стагоддзях: нацыянальна-культурныя і грамадска-палітычныя фактары гістарычнага развіцця” праводзілася паглыбленае вывучэнне, сістэматызацыя і аналіз новай базы крыніц з архіўных устаноў Беларусі і замежных краін. У рамках Дзяржаўнай праграмы навуковых даследаванняў “Гуманітарныя навукі як фактар развіцця беларускага грамадства і дзяржаўнай ідэалогіі” выконвалася тэма “Гісторыя гуманітарных навук у Беларусі (1920–1930-я гады)”, кіраўніком якой быў дацэнт І. І. Шаўчук. Сталі ўжо традыцыйнымі навукова-даследчыцкія праекты пад кіраўніцтвам прафесара А. А. Гарбацкага па асобных раёнах Брэсцкай вобласці – праводзіліся даследаванні па Івацэвіцкім, Іванаўскім, Маларыцкім раёнах [4, с. 216].

Кафедрамі гістарычнага факультэта ажыццяўляецца плённае супрацоўніцтва з Інстытутам славяназнаўства РАН, Расійскім навукова-асветніцкім цэнтрам “Халакост”, філіялам Расійскага дзяржаўнага гуманітарнага ўніверсітэта ў г. Дамадзедава Маскоўскай вобласці, Чувашскім педагагічным універсітэтам імя І. Я. Якаўлева (г. Чэбаксары), Беластоцкім, Лейпцыгскім універсітэтамі і іншымі замежнымі навуковымі цэнтрамі і навучальнымі ўстановамі. Сумесна з польскімі даследчыкамі А. М. Вабішчэвіч прымаў удзел у падрыхтоўцы 2-х даведнікаў “Polska-Białoruś. Wspólne dziedzictwo historyczne” (“Польшча-Беларусь. Агульная гістарычная спадчына”), якія былі выдадзены ў Варшаве ў 2013 і 2015 гг. Яны ўтрымліваюць упершыню распрацаваную базу пошуку дакументальных матэрыялаў па гісторыі заходнебеларускіх зямель у складзе Польскай дзяржавы (1918–1939 гг.), што захоўваюцца ў архівах Брэста, Гродна, Маладзечна і Мінска. Культурна-антрапалагічныя даследаванні А. А. Гарбацкага былі змешчаны ў калектыўнай манаграфіі “Pedagogika społeczna wobec zmian przestrzeni życia społecznego” (“Сацыяльная педагогіка адносна змен прасторы грамадскага жыцця”), якая выдадзена ў Варшаве ў 2013 г.

Вынікі навукова-даследчыцкай працы апрабруюцца ў выдадзеных манаграфіях,

курсах лекцый, артыкулах у айчынных і замежных навуковых выданнях, дакладах на канферэнцыях у Рэспубліцы Беларусь і за мяжой, укараняюцца ў навучальным працэсе, выкарыстоўваюцца ў працы устаноў культуры, органаў дзяржаўнага кіравання. На працягу апошняга дзесяцігоддзя намаганнямі прафесарска-выкладчыцкага складу гістарычнага факультэта падрыхтавана і выдадзена 23 манаграфіі, 15 вучэбных дапаможнікаў, курсаў лекцый, вучэбна-метадычных комплексаў для студэнтаў ВНУ, цэлы шэраг даведнікаў, зборнікаў дакументаў і ўспамінаў.

Важным напрамкам дзейнасці гістарычнага факультэта з'яўляецца арганізацыя і правядзенне навуковых канферэнцый рознага ўзроўню (міжнародных, рэспубліканскіх, рэгіянальных, універсітэцкіх). З 2003 г. сталі традыцыйнымі міжнародныя канферэнцыі “Асоба ў гісторыі: гераічнае і трагічнае”. Другая канферэнцыя ў 2004 г. была прысвечана памяці аднаго з пачынальнікаў гістарычнага факультэта – прафесара У. У. Мелішкевіча, а ў 2013 г. адбылася ўжо такая шостая канферэнцыя. Сумесна з Брэсцкай епархіяй Беларускай Праваслаўнай Царквы ў 2007, 2011, 2013 гг. былі праведзены I, II і III Міжнародныя навукова-практычныя канферэнцыі “Праваслаўе у духоўным жыцці Беларусі”, у 2008 г. – Міжнародная навукова-багаслоўская канферэнцыя “Дабраверны князь Канстанцін (Васілій) Астрожскі – славы асветнік і абаронца праваслаўя” (да 400-годдзя памяці князя К. Астрожскага). Гэтыя навуковыя форумы, у якіх прымалі ўдзел аўтарытэтныя вучоныя Беларусі і замежных краін, атрымалі станоўчыя водгукі навуковай грамадскасці [4, с. 218]. Акрамя іх, сярод найбольш значных міжнародных канферэнцый апошняга дзесяцігоддзя былі наступныя: 2005 г. – “Гісторыка-культурная спадчына Брэсцка-Пінскага Палесся: паміж мінулым і будучыняй”; 2006 г. – “1941 год: трагедыя, гераізм, памяць”; 2010 г. – X Міжнародная канферэнцыя школьнікаў, студэнтаў і выкладчыкаў “Халакост: памяць і папярэджанне”, прысвечаная памяці дацэнта У. І. Нікіценкава; 2011 г. – “Геапалітычныя трансфармацыі ва Усходняй Еўропе паміж дзвюма сусветнымі войнамі. Да 90-годдзя падпісання Рыжскага мірнага дагавора”; 2012 г. – “Нацысцкая палітыка генацыду на акупаваных тэрыторыях СССР”; 2014 г. – “Атамныя салдаты” Брэстчыны: да 60-годдзя агульнавайскавых вучэнняў з прымяненнем атамнай бомбы на Тоцкім палігоне”.

Таксама быў праведзены цэлы шэраг навуковых мерапрыемстваў рэспубліканскага і рэгіянальнага ўзроўняў. Сярод іх трэба адзначыць Рэспубліканскую навуковую канферэнцыю “Гісторыя і традыцыі беларускай навукі (да 90-годдзя Інстытута беларускай культуры)” (2012 г.), II Рэспубліканскую студэнцкую навукова-практычную канферэнцыю “Фальклор, гісторыя і літаратура беларусаў у кантэксце культурнай спадчыны славян” (2013 г.) і інш.

На гістарычным факультэце створаны ўмовы, якія дазваляюць раскрыць навукова-даследчыцкі патэнцыял студэнтаў і магістрантаў, рэалізаваць іх здольнасці да самастойнай навуковай працы. Асноўнымі формамі навукова-даследчыцкай працы з імі з'яўляюцца навукова-даследчыя групы, індывідуальная праца. Важную ролю ў актывізацыі навуковай працы адыгрываюць валанцёрскія студэнцкія атрады для правядзення археалагічных даследаванняў [1, с. 26–27].

У апошняе дзесяцігоддзе гістарычны факультэт імкліва развіваўся. Вельмі разнастайнай стала тэматыка даследаванняў выкладчыкаў, больш дасканалымі макра- і мікрападыходы, даследчыцкія прыёмы. Развіццё новых форм адукацыі і навуковых даследаванняў на гістарычным факультэце БрДУ імя А. С. Пушкіна адбывалася ва ўмовах станаўлення незалежнасці Беларусі. На аснове закладзеных традыцый былі распрацаваны праграмы адпаведных курсаў, створаны дапаможнікі і курсы лекцый, электронныя вучэбныя комплексы, склалася сістэма вучэбных курсаў, якая ахоплівае ўсе кафедры факультэта.

На гістарычным факультэце склаўся ўнікальны навуковы калектыў, які будзе ахопліваць сваімі даследаваннямі гісторыю краін ад старажытнасці да сучаснасці. Дзякуючы сістэме навуковых гурткоў, пазавучэбнай рабоце ў навуковыя даследаванні ўключана значная частка студэнтаў. Штогод будзе прысутнічаць конкурс у магістратуру і аспірантуру, фарміравацца склад новага пакалення даследчыкаў, якія выдатна ведаюць мову крыніц, замежную мову, новыя інфармацыйныя тэхналогіі.

У магістратуры праводзіцца падрыхтоўка па спецыяльнасці “Айчынная гісторыя”. Выкладчыкі факультэта складаюць новыя вучэбныя праграмы, тэксты лекцый і метадычныя распрацоўкі па новых спецыяльнасцях. Вядзецца вялікая прафарыентацыйная работа сярод абітурыентаў з мэтай павелічэння колькасці студэнтаў і магістрантаў.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. Вабішчэвіч, А. М. Гістарычны факультэт Брэсцкага ўніверсітэта ў пачатку XX стагоддзя: асноўныя напрамкі дзейнасці, вынікі працы і перспектывы развіцця / А. М. Вабішчэвіч // Личность в истории: героическое и трагическое: сб. материалов Пятой междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 20-летию истор. факультета, Брест, 23–24 ноября 2011 г. / Брест. гос. ун-т имени А. С. Пушкина; редкол.: М.Э. Чесновский (гл. ред.) [и др.]. – Брест: БрГУ, 2012. – С. 22–30.

2. Вабішчэвіч, А. М. Кафедра гісторыі славянскіх народаў БрДУ імя А. С. Пушкіна: стан, вынікі, перспектывы навукова-даследчыцкай працы / А. М. Вабішчэвіч // Вучоныя запіскі Брэсцкага ўніверсітэта: Зборнік навуковых прац. – Выпуск 10. – Ч. 1. Гуманітарныя і грамадскія навукі. – Брест: БрДУ імя А. С. Пушкіна, 2014. – С. 215–220.

АДМИНИСТРАТИВНО–ТЕРРИТОРИАЛЬНОЕ ДЕЛЕНИЕ МОЗЫРЩИНЫ: ОТ ОКРУГА К ОКРУГУ (1924–1935 гг.)

С. А. Елизаров

(Гомельский государственный технический университет им. П. О. Сухого)

Административно-территориальное деление (далее – АТД) – это целостная структурированная и иерархически построенная система административно-территориальных единиц, на которые делится территория унитарного государства или субъекта федеративного государства. Важнейшим предназначением административно-территориального деления является формирование системы местного управления и установление границ пространственной компетенции территориальных органов власти.

С начала 1920-х гг. реорганизации АТД Белорусской ССР приняли перманентный характер. Их главным мотивом было стремление создать систему местного государственного управления, адекватную менявшимся властным приоритетам. С начала 1920-х гг. в условиях перехода к нэпу интенсивно шел процесс поиска советского варианта регионализации, определения ее принципов, организационных форм, системы отношений «центр – регион», распределения властных полномочий и управленческих функций, материально-финансовых ресурсов. Активизируется разработка вопросов советского экономического районирования, которое должно было установить наиболее рациональные формы сочетания единого руководства хозяйством и широкого развития инициативы на местах, а также привести к полной реорганизации АТД советского государства.

Разрабатываются различные конкретные проекты административно-хозяйственной реформы, предусматривавшие реализацию принципа совмещения экономического и административного районирования. На основе выявленного экономического районирования предполагалось перестроить все АТД по системе область – округ – район (с добавлением сельсовета как внеэкономического образования).

Первой в 1923 г. приступили к осуществлению административно-хозяйственной реформы в УССР. В БССР (уже с учетом украинского опыта) реформу начали в 1924 г. с перехода от прежней системы «уезд–волость–сельсовет» на новую – «округ – район –

сельсовет» (в связи с небольшими размерами территории республики от областей сразу отказались). В результате республика оказалась поделена на 10 округов, 100 районов и 1202 сельсовета [1, с. 44].

В Мозырский округ площадью в 16 268 км² и населением около 320 тыс. человек вошли 10 районов (Мозырский, Житковичский, Туровский, Лельчицкий, Петриковский, Копаткевичский, Королинский, Озаричский, Калинковичский и Наровлянский) и 114 сельсоветов.

Необходимость дальнейшей реорганизации АТД БССР диктовалась задачами разворачивавшейся индустриализации (прежде всего острым дефицитом средств на ее осуществление). Всеобщая экономия, в том числе и путем жесткого сокращения расходов на содержание административно-управленческого аппарата, стала одним из ведущих политико-экономических приоритетов после XV конференции ВКП(б) (октябрь – ноябрь 1926 г.), на которой была поставлена задача усилить режим экономии и добиться решительных успехов «в сокращении штатов как хозрасчетных, так и государственных органов..., рационализации всей системы управления» [2, с. 74]. Таким образом, модернизация АТД должна была осуществляться в рамках прежней нэповской модели и реального сближения экономического и административного районирования как логичного продолжения реформы 1924 г.

Этот вопрос обсуждался в апреле 1927 г. сначала на объединенном пленуме ЦК и ЦКК КП(б)Б, а затем на VIII Всебелорусском съезде Советов. В целях экономии административно-управленческих расходов было признано целесообразным ликвидировать Борисовский, Слуцкий, Калининский и Речицкий округа, а также поручить правительству расформировать несколько районов, «существование которых с хозяйственной, культурной и административной стороны нецелесообразно» [1, с. 71].

В результате ликвидации Речицкого округа Мозырский округ пополнился Юровичским районом [1, с.71–72]. 4 августа 1927 г. Постановлением Президиума ЦИК и СНК БССР ликвидировались 16 районов, в том числе один в Мозырском округе – Слободской [3].

К 1930 г. Мозырский округ площадью в 16 тыс. км² и населением в 353 тыс. человек включал в свой состав 10 районов и 137 сельсоветов [4, с. 40–41].

С конца 1920-х гг. в истории СССР начался новый качественный этап – этап форсированного строительства социализма. Ужесточилась государственная политика по ограничению и вытеснению частника, свертыванию рыночных отношений в пользу государственного централизованного управления обобществленным народным хозяйством. В связи с этим неизбежно меняется и сущность деятельности органов власти – централизованное планирование становится основным методом государственного управления. Это привело к перестройке всей структуры государственного аппарата, системы соподчинения и новому разграничению функций разных его звеньев.

Первые месяцы осуществления массовой форсированной коллективизации выявили недостатки в работе местных (районных и сельских) органов в деле форсирования колхозного строительства, нехватку подготовленных для выполнения такой задачи кадров. Это привело руководство СССР к идее прямого подчинения местных органов управления (прежде всего районов как «узловых пунктов осуществления директив партии и советской власти») центру, укрепления низового аппарата работниками, способными безоговорочно и четко проводить на местах новую партийно-государственную политику в деревне. 15 июля 1930 г. ЦК ВКП(б) принял постановление «О ликвидации округов», в котором подчеркивалось: «Во всей работе по ликвидации округов необходимо исходить из основной задачи – максимального приближения партийного, советского, хозяйственно-кооперативного и профсоюзного

аппарата к району и деревне» [5, л. 14]. 23 июля 1930 г. это решение было оформлено Постановлением ЦИК и СНК СССР [1, с. 73–75]. Все округа, в том числе и Мозырский, были ликвидированы, а районы стали непосредственно подчиняться республиканским органам управления.

Ликвидация округов в 1930 г. представляла собой реакцию на конкретные проблемы начального этапа массовой форсированной коллективизации и эмпирический поиск новых подходов к реорганизации системы управления. Одновременно с этим продолжались попытки реорганизации АТД на основе реализации прежнего принципа совмещения экономического и административно-территориального районирования. Задачи масштабной районной реорганизации на экономических принципах были поставлены III сессией ЦИК БССР IX созыва (декабрь 1930 г.). Цели объявленной реформы по сути касались перестройки всей системы районного деления: создание экономически мощных производственно-административных районов при единстве их основного хозяйственного направления; приближение центрального аппарата к районам и укрепление районного и сельского аппарата; совершенствование плановой работы [6, л. 213].

Однако реформа на практике затронула только часть наиболее экономически слабых районов и значительно по своим параметрам уступавших среднереспубликанским показателям. Постановлением ЦИК и СНК БССР от 8 июля 1931 г. были ликвидированы 23 района, в т.ч. Журавичский, Юровичский, Копаткевичский, Озаричский бывшего Мозырского округа. Территория Журавичского района была поделена между Пропойским, Быховским, Кормянским и Рогачевским районами, Юровичского – между Мозырским и Хойникским, Копаткевичского – между Мозырским и Петриковским, Озаричского – между Паричским и Мозырским [1, с. 76–80].

Проведенное в 1931 г. укрупнение районов вступало в противоречие с линией на усиление централизованного руководства социально-экономическими процессами и всеобъемлющего партийно-государственного контроля за всеми сферами жизни общества. Большие размеры районов затрудняли выполнение местными органами задачи «более конкретного управления процессами массовой коллективизации» на этапе организационного укрепления уже созданной колхозно-совхозной системы. В связи с этим приоритет отдается разукрупнению административно-территориальных единиц: ноябрьский (1934 г.) пленум ЦК ВКП(б) в целях «завершения начатого еще при ликвидации округов районирования и полного приближения органов управления к селу» дал указание «особенно большие районы разбить на несколько новых районов» [7, с. 189].

Соответственно, Бюро ЦК КП(Б)б приняло 16 декабря 1934 г. постановление «О выделении новых районов по БССР», в котором перед Госпланом республики ставилась задача «определить количество, границы и районные центры новых районов» [8, л. 4].

Окончательный вариант был оформлен 12 февраля 1935 г. Постановлением ЦИК и СНК БССР «О новой сети районов Белорусской ССР», согласно которому создавались (а на деле воссоздавались) 15 «новых» районов [1, с. 80–83]. В том числе были восстановлены Копаткевичский (из 14 сельсоветов Петриковского, Мозырского и Глусского районов) и Домановичский (до 1931 г. – Озаричский) (из 18 сельсоветов Мозырского и Паричского районов) районы. В дополнении к принятому решению в марте 1935 г. Постановлением ЦИК и СНК БССР «временно» центром Дамановичского района были определены Озаричи.

Районная реорганизация 1935 г. на практике закрепила отход от принципов экономического районирования 1920-х гг. в пользу районирования административно-

политического. За районом, ставшим основным звеном административно-территориального деления, сохранялись главным образом административные функции и функции социально-культурного обслуживания населения с урезанным набором функций хозяйственных.

Ликвидация округов и рост числа районов привели к усложнению процесса непосредственного и оперативного руководства районами из республиканского центра. Подобного рода проблемы были характерны и для других регионов СССР. В одних случаях выход искали в дроблении крупных административно-экономических областей и краев (РСФСР), в других – в образовании дополнительных окружных или областных звеньев АТД.

В БССР в июне 1935 г. было принято решение о частичном восстановлении окружной системы. Официально создание 4 округов (Мозырского, Слуцкого, Лепельского и Полоцкого) обосновывалось традиционно: «В целях укрепления руководства советскими и хозяйственными органами, а также улучшения хозяйственной и культурной работы в районах» [44, с. 83]. Вместе с тем частичное восстановление окружной системы в БССР вызывалось и еще одним важным обстоятельством – задачей укрепления советской границы на участке БССР.

12 июня 1935 г. Политбюро ЦК ВКП(б) утвердило секретное постановление «О мероприятиях по усилению охраны границ БССР», в котором первым пунктом было решение об образовании Мозырского, Слуцкого, Лепельского и Полоцкого округов до 15 июля 1935 г. [9, с. 113–114].

Это решение официально оформило постановление ЦИК и СНК БССР [1, с. 83–84]. В состав Мозырского округа площадью в 15, 8 тыс. км² и населением около 365 тыс. человек вошли 9 районов – Мозырский, Наровлянский, Ельский, Домановичский, Копаткевичский, Петриковский, Лельчицкий, Туровский и Житковичский.

Таким образом, АТД Мозырщины менялось в зависимости от менявшихся приоритетных задач социалистического строительства. Основные направления, средства и формы административно-территориальных реорганизаций определялись решениями союзного партийно-советского руководства, а белорусские республиканские и местные власти лишь определяли конкретные контуры этих реорганизаций.

Список использованных источников

1. Административно-территориальное устройство БССР: справочник: в 2 т. / Гл. арх. упр. при Совете Министров БССР, Ин-т философии и права АН БССР; редкол.: В.А. Круталевич [и др.]. – Минск: Беларусь, 1985–1987. – Т. 1 (1917–1941 гг.) / сост.: Т.А. Воробьева [и др.]. – 1985. – 390 с.
2. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986): в 15 т. / Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. – 9-е изд., испр. и доп. – М.: Политиздат, 1983–1989. – Т. 4 (1926–1929 гг.). – 1984. – 575 с.
3. Собрание Законов и Распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства Белорусской Социалистической Советской Республики Белоруссии (СЗ БССР). – 1927. – № 32. – Ст. 162.
4. Белорусская ССР в цифрах. К 10-летию существования БССР. 1919–1929. – Минск: ЦСУ БССР, 1929. – 534 с.
5. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Фонд 101. – Оп. 1. – Д. 3773. Решения ЦК ВКП(б), ЦИК и СНК СССР, ЦК КП(б)Б и НК РКИ БССР по вопросам ликвидации округов 1930 г.
6. НАРБ. – Фонд 4п. – Оп. 1. – Д. 5556. Циркуляры ЦК КП(б)Б, докладные записки с обоснованием необходимости ликвидации отдельных районов БССР 13 февраля 1931 г. – 9 февраля 1932 г.
7. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986): в 15 т. / Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. – 9-е изд., испр. и доп. – М.: Политиздат, 1983–1989. – Т. 6 (1933–1937). – 1985. – 430 с.
8. НАРБ. Ф. 4п. – Оп. 1. – Д. 7200. Протоколы заседаний Бюро ЦК КП(б)Б 1934 г.
9. Елизаров, С. А. Формирование и функционирование системы административно-территориального деления БССР (1919-1991 гг.) / С.А.Елизаров. – Гомель : ГГТУ им. П.О.Сухого, 2009. – 222 с.

ЛАТИНСКАЯ АМЕРИКА В МИРОВОМ ЦИВИЛИЗАЦИОННОМ ПРОЦЕССЕ

О. В. Забельникова

(Республиканский институт повышения квалификации и переподготовки работников Министерства труда и социальной защиты Республики Беларусь)

Латинская Америка представляет собой регион планеты, расположенный в Западном полушарии и занимающий 15% планетарной суши, с населением порядка 600 млн. человек. Являясь самой молодой региональной цивилизацией из ныне существующих, Латинская Америка имеет многовековую историю и уникальную культуру. Своим названием она обязана католической церкви и латинской основе романских языков, на которых сегодня говорит большая часть населения этого региона.

В цивилизационном плане Латинская Америка являет собой синкретическую цивилизацию, становление которой происходит в условиях сложного взаимодействия этнокультурных и религиозного факторов. Открытие и колонизация Американского континента положили начало Новому времени, привели к появлению на карте мира нового региона – Латинской Америки. С открытием и завоеванием Америки появился этноним «индеец», которого доколумбова Америка не знала. С появлением этого этнонима автохтонные народы Америки осознали себя как единую и особую общность, которая отличалась от народов, населяющих Европу.

События открытия Америки и конкисты рассматриваются мировым сообществом как историческая встреча в Новом Свете трех рас: европеоидной (европейцы), монголоидной (индейцы) и некоторое время спустя негроидной (африканцы), которая положила начало комплементарному процессу образования смешанной культуры и цивилизации. Представители каждой из них были не только носителями генотипа, обусловленного принадлежностью к расе, но также определенных культурных традиций, религиозных представлений, мировоззрения и мироощущения. Смешение населения началось еще в эпоху конкисты и колонизации. Процессы этносинтеза и метисации (смешения) происходили спонтанно. Креолы – родившиеся в Латинской Америке чистокровные потомки европейских поселенцев – составляли верхушку колониального общества. Смешанное население делилось на мулатов, рожденных от браков белых с неграми, метисов, в чьих жилах текла индейская и европейская кровь, и самбо, которые были потомками смешанных браков между индейцами и неграми.

Европейская колонизация и ввоз африканских рабов привели к коренным изменениям в цивилизационном развитии Америки, изменили демографический, антропологический, этнический, религиозный и культурный облик континента. Встреча цивилизаций положила начало сложному расово-этническому и религиозно-культурному взаимодействиям, которые привели к формированию метисных категорий населения и синтезной культуры. Результатом синкретических процессов стало появление на карте мира новой цивилизационной общности – Латинской Америки. Синкретические процессы, которые начались с момента испано-португальского завоевания, продолжают до сего дня. По сути, в Латинской Америке происходит грандиозный эксперимент, равного которому не было во всемирной истории: не просто межэтническое смешение народов, имевшее место в истории Европейского и Азиатского континента, но смешение нескольких рас.

Смешение этнически и расово разнородного населения привело к возникновению смешанных категорий населения, которые наравне с креолами, индейцами и чистокровными потомками африканских рабов (афроамериканцами) сегодня мирно уживаются на одном континенте. Острых конфликтов на межрасовой и этнической почве современная Латинская Америка не знает.

Этническая метисация невозможна без культурной. Смешение народов повлияло

также на процесс возникновения новой культуры – латиноамериканской, которая сегодня является одной из самых молодых в мире. Латиноамериканская культура – это собирательное понятие. Как и европейская, она состоит из культур различных народов и стран, каждая из которых имеет свою уникальную историческую судьбу и отличительные особенности. Тем не менее, использование термина «латиноамериканская культура» вполне правомерно, поскольку культура Латинской Америки обладает целым перечнем черт, характерных только для этого региона планеты.

Уникальность латиноамериканской культуры заключается в том, что она образовалась из элементов культурных традиций не только европейцев, но также индейцев и африканцев. Каждая культурная традиция на протяжении пяти веков претерпела трансформацию под влиянием остальных. Несмотря на то, что в современной Латинской Америке преобладают элементы европейской культуры и некоторые специалисты относят латиноамериканскую культуру к ареалу европейской, в культуре этого региона отчетливо видны элементы африканского и индейского происхождения, которые стали неотъемлемой частью всей культуры региона. Они и определяют своеобразие культуры Латинской Америки, которая по своему характеру является синкретической. Синкретизм – это смешение разнородных, порой разновекторных элементов в рамках одной культуры или цивилизации. В результате процессов синтеза появилось множество совершенно новых культурных форм, которых Европа не знает, впрочем, как и традиционные цивилизации Востока. Латиноамериканскую культуру невозможно представить без бразильского карнавала, праздников, в которые вплелись элементы христианства и язычества, традиционной музыки, в которой африканские ритмы сочетаются с индейской мелодичностью и креольскими мотивами. Латиноамериканская культура – особая, синкретическая в своей основе, отличная от культуры метрополии (Европы) и от североамериканской культуры.

В Латинской Америке представители трех рас встретились, чтобы положить начало уникальной латиноамериканской цивилизации и культуре метисного, синтезного типа. Живя бок о бок, представители разных культур и исторических традиций, разного цвета кожи и других антропологических характеристик мирно уживаются, внося свою лепту в формирование своеобразного облика латиноамериканца. Сегодня понятие «латиноамериканец» гораздо труднее дается определению, нежели представитель любой другой культуры и другого этноса. В отношении человека Латинской Америки невозможно вычленить сколько-нибудь определенных характеристик, как в культурном, так и в физическом плане. Описать внешность латиноамериканца, даже в общих чертах, невозможно.

В Латинской Америке, по мнению кубинского писателя Алехо Карпентьера, встречаются все эпохи, пережитые человечеством. Он называет регион «чудесной реальностью, отличной от всего того, что существует в мире» [1, с. 91]. Мексиканский философ Хосе Васконселос полагал, что в Латинской Америке идет формирование интегральной, синтезной, «космической» расы, которая, в отличие от традиционных рас, более восприимчива к универсальному мировоззрению. В результате здесь возникнет синкретический человеческий и культурный тип, призванный соединить в себе все богатства истории [2, с. 445].

В религиозном плане Латинская Америка – самая крупная вотчина Ватикана. Здесь проживает почти половина всех католиков мира. Исторически здесь сложилась особая ситуация, названная специалистами религиозным синкретизмом. Это комплексный процесс, в котором ритуалы, верования и символы из религиозных традиций различных народов комбинируются, переплетаются, образуя новые

религиозные значения. Многие современные исследователи определяют религиозную ситуацию в регионе как «латиноамериканский вариант католицизма», или, по определению аргентинского теолога Энрике Д. Дусселя, «народный католицизм» [3, с. 56]. Он вобрал в себя элементы традиционных доколумбовых культов и исконных африканских верований, которые синтезировались в систему католической религии и церкви. В латиноамериканских странах параллельно с традиционным католицизмом и индейскими верованиями, которые до сих пор сохранились в индейских сельских общинах, существуют афрохристианские религиозные культы. Наибольшее распространение из них получили культ Вуду (воду) на Гаити, сантерия на Кубе, кандомбле и умбанда в Бразилии и культ Шанго на Тринидаде. Индейские и африканские культы являют собой результат смешения политеистических религиозных воззрений и основ католицизма.

Конфликтов на религиозной и межэтнической почве в Латинской Америке не зафиксировано. Огромная заслуга в мирном религиозном процессе принадлежит католической церкви, которая является равнодействующей всех религиозных тенденций. Именно католическая церковь, допуская некоторые вольности – исконные африканские и индейские элементы – в католическую обрядность, примиряет тем самым все латиноамериканские религиозные течения. Католическая церковь стала основополагающей, «цементирующей» основой всей латиноамериканской цивилизации, а ее влияние на все сферы жизни общества, в том числе духовную, культурную, экономическую, политическую и социальную, является абсолютным.

Современная этнокультурная картина в Латинской Америке, демографические данные, наряду с анализом культурного наследия, дают специалистам богатый материал для размышлений. Соотношения между этнокультурными элементами в латиноамериканских странах различны.

В регионе можно вычленил ряд государств, в которых четко прослеживаются автохтонные истоки, а следовательно, позиции индейской культуры в них сильнее. Данные государства специалисты объединяют под общим названием «Индоамерика», в которой до сих пор сохраняется генетическая связь с доколумбовыми цивилизациями. Страны, входящие в Индоамерику, условно можно разделить на две группы. К первой относятся государства, где преобладает индейское население – Парагвай (около 94 % индейцев) Боливия (около 60 %), Гватемала (51 %). Ко второй – ряд стран Центральной и Южной Америки, где доминирует метисное население, – Гондурас, Чили, Перу, Мексика, Сальвадор, Никарагуа и Эквадор. Так, в Гондурасе 90% населения – метисы. Всего же в современной Латинской Америке индейцев насчитывается порядка 15 % всего населения, метисов (потомков смешанных браков индейцев и европейцев) – 55 % [4, с. 65].

В ряде государств региона креолы являются преобладающим населением (порядка 20% населения). Существует ряд стран (Аргентина, Коста-Рика и Уругвай) с преобладанием европейского населения, относимых исследователями к так называемой «Евроамерике» – региону, где европейский этнокультурный компонент определяет не только этническую картину, но и своеобразие местных национальных культур, в которых явственно прослеживаются европейские (в первую очередь иберийские) истоки и традиции.

В ряде государств Латинской Америки превалирует население, в жилах которого течет африканская кровь. По мнению советского историка И.Р. Григулевича потомки африканских рабов составляют около 30–36 % населения Бразилии, 46 % – населения Антильских островов, 14 % – Эквадора. Всего же, по мнению исследователя, в жилах 14% латиноамериканцев течет африканская кровь [5, с. 202–203]. В современной Латинской Америке негры составляют порядка 10% жителей. Страны, где доминирует

негроидное или мулатное (потомки от союзов белых и негров) население, исследователи объединяют под общим названием «Афроамерика» – Гаити, Барбадос, Гренада, Доминика и Ямайка. Доминируют в этой группе Гаити и Барбадос. Здесь 99 % и 96 % соответственно – это потомки африканских рабов. Доминиканская республика, Бразилия, Куба и Пуэрто-Рико относятся к странам, где наибольшее количество мулатов. Лидирует здесь Доминиканская Республика – 70 % мулатов и 15 % негров. Данные страны объединяет одна общая черта – преобладание африканского этнокультурного компонента, а также очевидное наличие в национальных культурах элементов традиционной африканской культуры.

Таким образом, современная Латинская Америка является собой цивилизацию с единой синкретической основой, отличную от традиционных цивилизаций, специфика которой обусловлена формированием уникальной культуры на основе метисации различных рас, народов и культур, протекающей в регионе уже более пяти столетий. Расовая, межэтническая и культурная метисация, которая началась на континенте вместе с приходом завоевателей, до конца не завершена. В результате синкретических процессов в Латинской Америке сложились три культурных субрегиона: Индоамерика, Евроамерика и Афроамерика. История Латинской Америки – это уникальный пример того, как цивилизация может формироваться из разнородных элементов и ее формирование на современном этапе является собой мирное действие, а не межэтническую и межрелигиозную рознь.

Список использованных источников

1. Карпентьер, А. Об американской чудесной реальности / А. Карпентьер // Карпентьер, А. Мы искали и нашли себя [Составитель и автор предисловия В.Б. Земсков]. – М. : Прогресс, 1984. – 415 с. – С. 79–92.
2. Васконселос, Х. Роль метисации в формировании латиноамериканской цивилизации / Х. Васконселос // Сравнительное изучение цивилизаций : Хрестоматия / Сост. Б.С. Ерасов. – М. : Аспект Пресс, 1998. – 555 с. – С. 444–445.
3. Дуссель, Э. Церковь в Латинской Америке : опыт и интерпретации / Э. Дуссель // Латинская Америка. – 1989. – № 5. – С. 51–58; – № 6. – С. 56–67.
4. Разделенность этноса : концепции, проблемы, подходы (круглый стол) // Латинская Америка. – 2000. – № 6. – С. 58–67.
5. Григулевич, И.Р. Крест и меч : католическая церковь в Испанской Америке, XVI–XVIII вв. / И.Р. Григулевич. – М. : Наука, 1977. – 296 с.

ЭМОЦИОНАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА В СТРУКТУРЕ ПРОФЕССИОНАЛИЗМА ПЕДАГОГА

Л. В. Исмаилова

(Мозырский государственный педагогический университет им. И. П. Шамякина)

Ориентация школы на личностно-ориентированную парадигму образования обуславливает возрастающие требования к профессионализму, общей и профессиональной культуре педагога. Профессионализм личности определяется не только квалификацией и компетентностью, но и уровнем развития профессионально важных качеств субъекта труда, его продуктивной Я-концепцией [3]. К настоящему времени исследователи выделяют в различных сочетаниях и классификациях более семидесяти профессионально значимых качеств личности педагога. Среди них: личностно-этические (гражданская ответственность, гуманизм, сострадание, чуткость, трудолюбие, дисциплинированность, требовательность, принципиальность); индивидуально-психологические (ясность и критичность ума, эмоциональная отзывчивость и устойчивость, наблюдательность, воображение); педагогические (работоспособность, культура и выразительность речи, чувство юмора, стремление к научно-педагогическому творчеству и т. д.). Педагогическая направленность, компетентность, эмоциональная гибкость названы Л. М. Митиной интегральными

характеристиками личности учителя, обуславливающими эффективность педагогического труда в целом [4].

На роль эмоций в учебно-воспитательном процессе обращали внимание Я. А. Коменский, К. Д. Ушинский, Н. И. Новиков и др. По мнению психологов, эмоциональное отношение школьников к учению является одним из центральных, стержневых аспектов учебной деятельности (Л. С. Выготский, А. К. Маркова, С. Л. Рубинштейн); отсутствие у учащихся необходимого эмоционального состояния в учебной деятельности снижает эффективность и притягательность учебного процесса (Л. М. Митина). Для современного педагога, как отмечает А. А. Бодалев, чрезвычайно важной является направленность на других людей, обеспечивающая понимание и глубокое проникновение в другую личность [2]. В исследованиях С. В. Кондратьевой установлено, что по мере повышения уровня понимания детей меняется количественно-качественная характеристика способов общения учителя с этими детьми: уменьшается общее количество воздействий, увеличивается количество положительных оценок личности учеников, независимо от их успеваемости, требования и приказы сменяются советами и просьбами, чаще проявляется умение предвидеть результативность воздействия. Влияние настроения учителя на настроение учащихся установлено Ю. Л. Львовой. По мнению учеников, положительное эмоциональное состояние учителя вызывает у них аналогичные переживания, а плохое настроение учителя отрицательно сказывается на результативности их учебной деятельности [4].

Педагогическое взаимодействие представляет сложный целенаправленный процесс, в котором реализуется единство профессиональных и личностных влияний учителя на ученика, осуществляется обмен ценностями. Характер этого взаимодействия во многом определяет успешность и результативность педагогического процесса. Учитель, воздействуя на внимание, память, мышление ученика, воздействует и на его чувства. Опыт показывает, что учителя, владеющие приемами вербального и невербального проявления чувств и целенаправленно применяющие их в общении с учениками, достигают высокой результативности учебной деятельности, развивают учебную мотивацию школьников, содействуют их личностному развитию. Эмоциональная устойчивость, эмоциональная чуткость, отзывчивость педагога влияет на повышение самооценки ученика, профилактику конфликтных ситуаций и стрессовых состояний в процессе обучения. Важными условиями продуктивности педагогической деятельности выступают: глубокое знание и понимание учителем учащихся; интерес и любовь к избранной профессии, к ученикам и коллегам; направленность на другого человека в процессе общения; способность к социальной перцепции, высокая переключаемость внимания, наблюдательность.

В процессе взаимодействия с участниками педагогического процесса учитель реализует эмоциональное речевое воздействие; эмоциональное управление; эмоциональное прогнозирование результатов педагогической деятельности; создает условия для формирования благоприятной эмоционально-психологической атмосферы. В связи с этим важными характеристиками учителя являются:

- эмоциональная устойчивость (способность успешно осуществлять деятельность в сложных эмоциональных условиях);
- эмоциональная экспрессивность (выразительность движений, жестов, мимики, речи);
- эмоциональная отзывчивость;
- способность к эмпатии.

Педагогическая профессия относится к числу наиболее стрессогенных, напряженных в эмоциональном плане видов профессиональной деятельности, требующих больших резервов самообладания и саморегуляции [1, 4]. Практика показывает, что преимущественная ориентация на предметную сторону деятельности, недостаточное внимание к личности школьника, неумение регулировать свое

эмоциональное состояние приводят к существенным недостаткам в работе учителя. Высокая эмоционально-психологическая, информационная и коммуникативная нагрузка, с одной стороны, и недостаточно сформированная эмоциональная культура, с другой, зачастую приводят к профессиональному стрессу, формированию отрицательных личностных качеств, неудовлетворенности собственной деятельностью. Развивается негативная Я-концепция, при которой учителю присущи неуверенность в правильности принимаемых профессиональных решений, неприятие себя, эмоциональная незрелость, выбор неконструктивных способов взаимодействия, что, в свою очередь, отрицательно сказывается на эффективности реализации педагогом профессиональных функций.

Вышесказаным объясняется внимание исследователей к проблеме эмоциональной компетентности, эмоциональной культуры педагога (В. И. Андреев, И. А. Зимняя, П. М. Якобсон, Г. А. Ястребова и др.). Понятие «эмоциональная культура педагога» сравнительно недавно вошло в научно-педагогическую терминологию, хотя по сути не является новым. В психолого-педагогической теории и практике давно и активно используется словосочетание «культура чувств». В самом общем виде эмоциональную культуру можно рассматривать как высокий уровень развития эмоций, умений и способов их анализа и регулирования. Наряду с понятием эмоциональной культуры в последнее время используется термин «эмоциональный интеллект» – совокупность интеллектуальных способностей к пониманию собственных эмоциональных состояний и эмоциональных состояний окружающих и управлению ими. Эмоциональный интеллект включает самосознание, самоконтроль, эмпатию, навыки отношений, мотивацию (П. Сэловея, Дж. Мейер, Д. Карузо). Аспектами эмоционального интеллекта выступают: внутрличностный (понимание своих чувств, самооценка, самоконтроль, уверенность в себе, ответственность, оптимизм, гибкость); межличностный (коммуникабельность, альтруизм, открытость, уважение к людям).

Рассмотренные выше подходы позволяют представить эмоциональную культуру учителя как интегративное личностное образование, включающее органичное единство взаимосвязанных компонентов: когнитивного, деятельностного, личностно-нравственного.

Когнитивный компонент представлен системой знаний о чувствах и эмоциях, их развитии и роли в педагогической деятельности, способах регулирования.

Деятельностный компонент представляет совокупность умений и способов проявления эмоций, их анализа и управления ими в реальной педагогической практике (устанавливать контакт с детьми и взрослыми; анализировать вербальное и невербальное поведение партнеров по общению; предупреждать и конструктивно разрешать конфликты; регулировать свое эмоциональное состояние, управлять собой в любой ситуации). Очевидно, что для учителя профессионально значимо не только умение понимать собственное эмоциональное состояние и эмоциональное состояние ученика, но и осуществлять управление эмоциями и чувствами.

Личностно-нравственный компонент включает качества личности и их проявление в процессе взаимодействия: эмоциональная открытость, эмпатия, ответственность, мобильность, оптимизм, гуманность, наблюдательность, рефлексивность, креативность, педагогическая толерантность, оказание эмоциональной поддержки обучающимся и коллегам и др.

Изучение уровня сформированности эмоциональной культуры студентов филологического факультета (Мозырь, 2016/2017 уч.г.) показало наличие определенной системы знаний о сущности чувств и эмоций, их роли в педагогической деятельности, необходимых качествах личности. Анализ оценки профессионально-личностных качеств обнаружил, что в группу с высоким уровнем сформированности вошли такие

профессионально-значимые качества, как эмпатия и общительность, доброжелательность и отзывчивость, тактичность и справедливость, порядочность и гуманизм. Средним уровнем сформированности характеризуются педагогическая направленность, творческое отношение к труду, самооценка, оптимизм, самокритичность, рефлексивность, интерес к профессии.

К числу умений обеспечивающих эффективность процесса взаимодействия, студенты отнесли следующие:

- умение координировать совместные действия;
- умение понимать других людей;
- умение понять и принять точку зрения другого человека;
- умение самокоррекции и самоконтроля своего эмоционального состояния. При этом

уровень сформированности названных умений большинство опрошенных студентов (67%) оценили как средний. Высокий уровень развития умения регулировать свое эмоциональное состояние, управлять собой в любой ситуации отметили лишь 15% опрошенных.

Таким образом, эмоциональная культура представляется важным интегральным образованием в структуре личности и профессионализма учителя. Она отражает профессиональную позицию, уровень профессионального мастерства педагога, стиль и способы его деятельности. Высокий уровень развития эмоциональной культуры учителя предполагает:

- сформированность системы знаний о чувствах и эмоциях, формах их проявления, особенностях эмоциональной сферы как собственной, так и ближайшего окружения;
- умение диагностировать как свои, так и чужие эмоциональные состояния;
- умение адекватно выражать свои эмоции с помощью вербальных и невербальных средств;
- умение управлять собственными эмоциями, регулировать эмоциональное состояние учеников;
- способность создавать благоприятный эмоциональный климат в процессе педагогического взаимодействия.

Эмоциональная культура формируется как под влиянием внешних факторов: профессиональной среды, процесса обучения, так и в силу внутренних, субъективных: личностных особенностей, структуры психики и т.д. Условиями, способствующими формированию рассматриваемой культуры в процессе профессиональной подготовки учителя, являются:

- организация учебно-воспитательного процесса как процесса взаимодействия, сотрудничества, диалога преподавателя и студента;
- осуществление личностно-деятельностного подхода к студентам, активное включение их в моделируемую и реальную педагогическую деятельность;
- развитие потребности студентов в личностном и профессиональном самосовершенствовании;
- развитие у студентов интереса к своему внутреннему миру и внутреннему миру других людей.

Список использованных источников

1. Агеева, И. А. Успешный учитель: тренинговые и коррекционные программы / И. А. Агеева. – СПб., 2006. – 208 с.
2. Бодалев, А. А. Психология общения / А. А. Бодалев. – М., 2006. – 256 с.
3. Деркач, А. А. Акмеологические основы развития профессионала / А. А. Деркач. – М., 2004. – 752 с.
4. Митина, Л. М. Психология профессионального развития учителя / Л. М. Митина. – М., 1998. – 200 с.

УНИВЕРСИТЕТ 3.0: МИССИЯ ГУМАНИТАРИЕВ В СВЕТЕ НОВЫХ ВЫЗОВОВ XXI ВЕКА

И. И. Калачёва

(Белорусский государственный университет)

В эпоху цифровой экономики происходят очень быстрые изменения, касающиеся всех отраслей народного хозяйства, производств, бизнеса, конкретного человека. Своевременной представляется постановка вопроса о вкладе гуманитарного знания в процесс развития инновационных технологий и направлений общественных изменений.

Выражение «Университет 3.0» обозначает число миссий университета: университет 1.0 – только образовательный институт, университет 2.0 нацелен на обучение и исследования; в университете 3.0 к двум последним миссиям добавляется коммерциализация знаний. Возникновение системы высшего образования 3.0 связывают с развитием мультикампусных университетов в США.

На итоговой коллегии Министерства образования Республики Беларусь, министр И. В. Карпенко выступил с докладом, в котором акцентировал внимание на *развитие модели «Университет 3.0» и ее роли в совершенствовании системы высшего образования. В частности, он отметил, что в настоящее время ведутся переговоры со Всемирным банком об использовании займов банка для модернизации системы высшего образования. В первую очередь, эти деньги должны быть направлены на создание наукоемких лабораторий, которые позволят нам более серьезно войти в процесс создания модели «Университет 3.0» [1].*

Модель «Университет 3.0» является приоритетным направлением в повышении качества образования молодежи нашей страны, а ее реализация определяет развитие системы образования до 2020 года и на перспективу до 2030-го, согласована с проектом новой редакции Кодекса об образовании, соответствует стратегии «Наука и технологии 2018-2040», принятой на II съезде ученых Республики Беларусь. Реализация модели «Университет 3.0» будет осуществлена в ходе экспериментального проекта Министерства образования, введенном в действие приказом Министра образования Республики Беларусь от 01.12.2017 N757. В приказе ряду ведущих УВО, в том числе и БГУИР, поручено разработать и реализовать мероприятия по созданию на своей базе модели «Университет 3.0».

Какие изменения должны произойти в вузе, чтобы он встал на путь продвижения к версии 3.0? С какой целевой аудиторией ему эффективнее работать? Кого, чему и в каком формате учить? Подобные вопросы являются предметом широкого обсуждения в высшей школе, не только в белорусских вузах, но и в российских [2].

Университет 3.0 – это организация, которая не только занимается подготовкой кадров нового поколения, а является источником предпринимательских кадров для бизнеса. В концепции 2.0 университет считался источником компетенций и исполнителем НИР, инжиниринговых услуг и т. п. Но всё, что называется трансфером технологий, уже давно ушло вперед, и теперь необходимо заниматься управлением интеллектуальной собственностью, лицензированием технологий. Торговля компетенциями – вчерашний день.

Сегодня самое актуальное направление – это когда университет создаёт новые виды бизнеса, инновационные компании и продаёт уже их. Если заглядывать ещё дальше, то университет должен стать центром социального развития – отмечают российские ученые и преподаватели. Со студенческой скамьи студенты должны быть вовлечены в деятельность конкретных предприятий, государственных учреждений, на третьем-четвёртом курсах они должны точно определиться с перспективой в месте работы. Критерий качества университета 3.0 – это процент трудоустройства выпускников.

Для университета 3.0 более важны потребности экономики – отмечает И. Дементьев, декан факультета технологического предпринимательства Московского политехнического университета. В большей степени экономика сегодня требует эффективных команд, которые сами в состоянии создать себе занятость, добавленную стоимость, открыть новый сегмент, новый рынок, выстраивать его и через это развивать экономику. На своём факультете мы полностью перестроили учебный процесс. С первого курса студенты в multifunctional командах создают реальные инженерные проекты. Мы не ставим задачи, чтобы кто-то из них построил

бизнес, будучи студентом. Но хотим, чтобы они приобрели опыт работы в команде, где инженер, промышленный дизайнер, ИТ-специалист, электронщик выполняют проекты по заказу индустрии [2].

Выступая с докладом «Совершенствование инновационной инфраструктуры учреждений высшего образования для реализации модели «Университет 3.0» и развития ИКТ – образования» на коллегии Министерства образования Республики Беларусь ректор БГУИР М.П. Батура отметил, что такая модель позволит в университетах создать интегрированную образовательную среду, обеспечивающую единство системы «образование – наука – инновации – коммерциализация – производство». Ректор подчеркнул, что это особенно актуально в связи с принятием Президентом Республики Беларусь важного и знакового решения о построении в Республике современной цифровой экономики (Декрет N 8). Решение данной задачи потребует наличия достаточного количества высококвалифицированных специалистов, способных не только обеспечивать эксплуатацию существующих современных систем, но и разрабатывать и внедрять инновационные ИКТ, системы и продукты.

Отмечая широкие перспективы развития новых тенденций в университетском образовании, остро стоит вопрос о роли гуманитарного знания и специалистов гуманитариев в осуществлении масштабных задач государства.

Важно не потерять ведущую идею модели «Университет 3.0», которая опирается на подготовку специалиста, способного создать новый продукт и приобрести компетенции в сфере предпринимательской деятельности. Российские коллеги говорят о командном принципе в подготовке такого профессионала. Речь идет о подборе таких команд в процессе обучения, в которые могут быть включены представители всех специальностей, подготовка которых ведется в вузе. Среди них должны быть и представители гуманитарных специальностей. Потому что задача, решение которой они могут обеспечить, должна сводиться к поддержанию важнейших ценностей современности: безопасности, свободы в самореализации, идентификации, миролюбия, толерантности и др. Важная роль в этом отношении отводится и научной подготовке таких кадров: в частности, можно отметить вклад научного альманаха (сборника научных статей) «Современная молодежь и общество», издающегося в РИВШе с 2012 г. Сборник включен в перечень научных изданий Республики Беларусь для опубликования результатов диссертационных исследований по направлениям: культурология, социология.

Научный альманах (сборник научных статей) «Современная молодежь и общество» является инновационным продуктом, цели которого напрямую соприкасаются с теми новыми проблемами, на решение которых будут направлены усилия и государственных и частных структур в ближайшей перспективе.

Концепция издания сложилась таким образом, чтобы соответствовать новым подходам к общественным вызовам, и реагировать на них. В качестве целевой группы избрана молодежь как потенциальный потребитель и как реальная аудитория нашей страны. Именно молодежь, ее потенциал, ее потребности определяют будущее страны, перспективы роста и развития молодого государства, признания его суверенитета на международном уровне. К примеру, вклад молодых ученых в белорусскую науку очевиден: завершившийся 2017 год, который был направлен на презентацию белорусской науки, показал, что отечественные ученые добились известности, предложив инновационные разработки. Это портативный суперкомпьютер, выполняющий до 20 трлн. операций в секунду, это разработка макета электромобиля и малого персонального электротранспорта, это создание системы ДНК-паспортизации человека и др.

Выступая на II съезде ученых страны, А.Г. Лукашенко подчеркнул, что в белорусском обществе накоплен значительный научный кадровый потенциал. Только

в Академии наук Республики Беларусь трудятся более 8 тысяч человек. Среди ученых страны немало молодежи. «Ваш талант, неиссякаемая энергия, опыт и знания служат на благо белорусского народа и нашего молодого суверенного государства», – сказал Глава государства. Принятый на съезде проект «Наука и технологии» определяет будущую модель нашей страны, которая носит название «Беларусь интеллектуальная» с цифровой экономикой в качестве ключевого компонента [3, с. 2].

Разработчики концепции научного сборника «Современная молодежь и общество» (главный редактор Калачева И.И.) полагают, что издание выполняет важнейшую задачу современного этапа – показать роль молодежи в развитии информационного общества и решении проблем цифровой экономики. Однако при этом, основываясь на задачах современного этапа, редакционная коллегия считает, что важнейшей целью является воспитание патриотизма, сохранение исторической памяти и преемственности в диалоге между поколениями. На съезде ученых подчеркивалось, что «своя история и добрые традиции должны служить объединяющей силой... В обществе существует «...необходимость усиления гуманитарной безопасности, формирования своеобразного культурного иммунитета...» [3, с. 4].

Сборник научных статей имеет 6 выпусков, каждый из которых – тематический. Первый выпуск под названием «Демографическая безопасность и репродуктивное здоровье молодежи» вышел в 2012 году. Выпуск второй носит название «Молодежь в обществе рисков и историко-культурных перемен». Выпуск третий – «Молодежь в условиях новых вызовов информационно-коммуникационного общества». Выпуск четвертый – «Молодежь в мире глобализации и межкультурной коммуникации». Выпуск пятый «Образование и инновации: история, традиции и современность». Выпуск шестой – «Историческая память и преемственность. Диалог поколений».

Тематика выпусков сформулирована таким образом, чтобы соответствовать актуальной и социально-значимой проблеме конкретного этапа развития общественных процессов. В каждом из выпусков представлены темы, обеспечивающие не только научное и научно-методическое сопровождение учебного и воспитательного процесса в работе с учащейся молодежью в учебных заведениях страны, но и отвечающие целям социальной политики страны. Сборники посвящены Году культуры, Году молодежи, Году науки и др.

В выпуске 2012 г. авторами поставлена проблема сохранения репродуктивного здоровья молодежи в свете современной демографической ситуации в Республике Беларусь. Акцентируется внимание на том, что в системе высшего образования данная тема не нашла комплексного и всестороннего рассмотрения. Поэтому существует необходимость обобщения практического опыта, накопленного в работе с молодежью по формированию культуры здорового образа жизни.

В выпуске раскрыты не только проблемы репродуктивного здоровья молодежи, но и показаны угрозы, которые являются следствием асоциального поведения; рассмотрены семейно-брачные отношения в контексте исторического опыта; актуальные задачи воспитательной деятельности семьи как условия укрепления ее нравственных основ и традиций; социализирующая роль семейного туризма как средства оздоровления семьи и др.

Социальные проблемы молодежи в условиях новых вызовов информационно-коммуникационного общества и новые явления, связанные с компьютерной безопасностью освещены в выпуске под номером 3. В статьях А. А. Широкановой «Социальные риски молодежи в новых медиа», Т. В. Купчиновой «Молодежь и риски информационного общества», А. В. Кирилловой «Роль религии в обеспечении информационно-психологической безопасности современной молодежи» рассмотрены новые подходы в работе с молодежью, актуализированы проблемы, с которыми сталкивается современная молодежь.

Интернационализация образования требует неуклонного расширения границ межкультурной коммуникации. Проблема взаимодействий молодежи в ракурсе международной и межкультурной коммуникации также стала темой обсуждения на страницах научного альманаха «Современная молодежь и общество». В этом номере нашли отражение такие темы, как специфика молодежи как субъекта социокультурного пространства в условиях глобальной нестабильности, рисков и вызовов; ее включенность в процессы интернационализации высшей школы; роль исторического образования в самоидентификации личности в поликультурном социуме; социальные технологии влияния на ценностный выбор; основные направления идеологической и профилактической работы по преодолению экстремизма и интолерантности в молодежной среде, воспитание культуры мира и педагогики ненасилия.

Одной из областей, где модернизация происходит ускоренными темпами, является образование. Не будет большим преувеличением сказать, что именно образование создало фундамент для модернизации страны. Информационная революция, компьютеризация и информатизация общества меняет не только способы передачи знаний, но и сам формат образовательной деятельности, создавая новые возможности. Тема образования стала одной из актуальных для выпуска под номером 5. В этом номере опубликованы ряд инновационных работ отечественных ученых-гуманитариев, которые сумели поставить ряд вопросов, важных для развития гуманитарного образования в нашей стране. Это такие авторы как А. Осипов, О. Г. Слука, Я. С. Яскевич, Т. Г. Румянцева, И. Р. Чикалова, А. А. Павильч, А. И. Смолик, В. Н. Наумчик, И. В. Титович, М. А. Гулюк, В. Г. Реут и др.

В сборнике представлены важнейшие проблемы современного этапа развития образования: включенность белорусского студенчества в Европейское пространство высшей школы; дана социологическая оценка кадровой политики в образовании; показаны история и становление специалистов нового поколения образования на разных этапах государственного строительства, новые инструменты модернизации преподавания гуманитарных и естественно-научных дисциплин. На дискуссионной площадке обсуждается фундаментальный вопрос перспектив образования, его ценностных основ и приоритетных направлений. В издании опубликовано более 100 статей, авторами которых стали не только белорусские исследователи – историки, социологи, культурологи, философы, педагоги, психологи, но и авторы из России, Украины, Армении, Азербайджана.

Таким образом, «Университет 3.0» – новый тип образовательного учреждения, который участвует в процессах подготовки специалиста, востребованного на рынке труда, учитывая новые вызовы и риски современного периода. А представленный сборник научных статей «Современная молодёжь и общество» уже сегодня является площадкой для научной дискуссии по актуальным вопросам развития информационного общества.

Список использованных источников

1. Модель «Университет 3.0»: по итогам Коллегии Министерства образования Республики Беларусь. – 2018. - Режим доступа: <https://www.bsuir.by/ru/news/101011-model-universitet-3-0-po-itogam-kollegiya-ministerstva-obrazovaniya-respubliki-belarus>. – Дата доступа: 30.03.2018.
2. Университет 3.0 : формирование новых рынков и охота за талантами. – 2018. - Режим доступа: <http://www.unkniga.ru/vishee/7563-universitet-30-formirovanie-novyh-rynkov-i-ohota-zo-talantami.html>. – Дата доступа: 30.03.2018.
3. Наука: сила в развитии. Доклад А. Г. Лукашенко на Втором съезде ученых // СБ Советская Беларусь. – № 241 (25376). 14.12.2017 – С. 2,4.

КАМПАРАТЫЎНЫ АНАЛІЗ ЗАРАДЖЭННЯ СЛУЖБЫ ХУТКАЙ МЕДЫЦЫНСКАЙ ДАПАМОГІ Ў БССР І ЗАХОДНЯЙ БЕЛАРУСІ НА ПРЫКЛАДЗЕ ПАЛЕСКАГА РЭГІЁНА (1919–1939 ГАДЫ)

А. А. Капліеў

(Дзяржаўны архіў Мінскай вобласці)

Гістарычнае развіццё Беларусі ў міжваенны перыяд з’яўляецца ўнікальнай праблемай з пункту гледжання мікрагісторыі і міждысцыплінарных даследаванняў. За невялікі адрэзак часу ў дваццаць гадоў, у частках падзеленай Рыжскай дамовай Беларусі склаўся цэлы шэраг сістэм і падсістэм, сукупнасць якіх у значнай ступені паўплывала на лад жыцця беларускага народа. Адным з найменш даследаваных пытанняў у дадзены перыяд з’яўляюцца асаблівасці станаўлення і развіцця сістэмы аховы здароўя ў межах савецкай і заходняй частак Беларусі. Дададзены артыкул на прыкладзе службы хуткай медыцынскай дапамогі (ХМД) прасочвае характэрныя асаблівасці развіцця аховы здароўя на Палессі ў межах БССР і II Рэчы Паспалітай у 1919–1939 гады.

Заканчэнне Першай сусветнай вайны не прынесла Беларусі міра, а перманентныя баявыя дзеянні працягваліся амаль да сярэдзіны 1920-х гг. У гэтых умовах поўдзень Беларусі стаў адным з найбольш пацярпелых рэгіёнаў краіны, асабліва моцна былі пашкоджаны медыцынскія ўстановы. Напрыклад, падчас польскай акупацыі Мазыра дзве гарадскія лякарні былі амаль цалкам знішчаны, кралі нават шпітальную бялізну і лекарскія прылады [1, арк. 2]. Не лепшай была сітуацыя і ў цэнтры часткі Палесся, якая ў выніку засталася ў складзе Польшчы, – Брэсце. Горад быў амаль цалкам спалены яшчэ ў 1915 г. Гады нямецкай акупацыі і далейшых баявых дзеянняў паміж Польшчай і Расіяй толькі давяршылі разбурэнне горада разам з усімі медыцынскімі ўстановамі [2, с. 93–94].

Аднак найбольш цяжкімі гуманітарнымі наступствамі баявых дзеянняў сталі эпідэміі інфекцыйных хвароб 1919–1922 гг., смяротнасць ад якіх дасягала больш за 10 % [3, арк. 2]. Тыф, халера і дызентэрыя абумовілі неабходнасць рэалізацыі мерапрыемстваў па стварэнні экстранай медыцынскай дапамогі ў выглядзе санітарна-дэзінфекцыйных атрадаў ва ўмовах узаемадзеяння паміж ваеннымі і цывільнымі кіруючымі органамі, што было ўласціва як для савецкай, так і польскай частак падзеленай Беларусі [4, арк. 139 адв.].

Трэба адзначыць, што ў адрозненне ад заходняй часткі краіны, на тэрыторыі савецкай Беларусі ў эпідэмічны перыяд быў выпрацаваны канцэпт падання неадкладнага медыцынскага забеспячэння ў выглядзе “кватэрнай дапамогі”, якая аказвалася ў буйных гарадах у выніку іх падзелу на шэраг зон адказнасці паміж мясцовымі лекарамі, якія ажыццяўлялі наведванне хворых на даму, што было рэалізавана яшчэ напрыканцы 1920 г., напрыклад, у Мазыры [5, арк. 12 адв. – 13]. Пры наведванні хворых лекары нярэдка падвяргалі пагрозе ўласнае жыццё. Так, у Мазыры ў 1919 г. намеснік кіраўніка мясцовага ўпраўлення аховы здароўя (уздраў) Г. Саёт, які, нягледзячы на высокую пасаду, асабіста ажыццяўляў выезды да эпідэмічных хворых як у горадзе, так і навакольных вёсках, заразіўся тыфам і памёр. Крыху пазней у працэсе барацьбы з эпідэміяй загінуў і сам кіраўнік уздрава І. Бабіцкі [6, с. 125].

Разам з заканчэннем вайны і актыўнага перыяду панавання эпідэміі наступіў этап стварэння рэгулярнага медыцынскага абслугоўвання насельніцтва на дзяржаўнай аснове пад кіраўніцтвам Народнага камісарыята аховы здароўя. Ва ўмовах ажыццяўлення Новай эканамічнай палітыкі ў мэтах эканоміі былі зачынены шматлікія медыцынскія стацыянары, паменшаны лекарскі штат, таму забеспячэнне насельніцтва экстранай дапамогай набыло асаблівае значэнне [7, арк. 13]. Аднак арэал распаўсюджвання структур хуткай дапамогі ў пачатку 1920-х гг. на тэрыторыі

Савецкай Беларусі (ССРБ і частка РСФСР) абмяжоўваўся толькі буйнейшымі адміністрацыйнымі цэнтрамі, якімі з'яўляліся губернскія гарады – Віцебск, Гомель, Мінск [8, с. 286]. У меншых гарадах, да якіх адносіўся і Мазыр, адной з асноўных формаў арганізацыі ХМД сталі распаўсюджаныя яшчэ з дарэвалюцыйных часоў начныя дзяжурствы лекараў, якія аказвалі дапамогу пры няшчасных выпадках ці абвастрэннях хранічных хваробаў у начныя часы, калі большасць лячэбных устаноў не працавалі. У Мазыры дадзены тып ХМД з'явіўся ў 1921 г. Было прызначана 7 лекараў з разлікам, каб кожны меў дзяжурства толькі раз на тыдзень. Аднак дадзеныя формы ХМД былі характэрныя толькі для буйных гарадоў, у больш дробных і вясковай мясцовасці дапамога аказвалася участковымі лекарамі і фельчарамі медыцынскіх пунктаў, якія ажыццяўлялі выезды на хату да сялян [9, арк. 7 адв.].

Са зменай тэрытарыяльна-адміністрацыйнага падзелу Беларусі і пераўтварэннем Мазыра ў цэнтр акругі ў другім паўгоддзі 1926 г. гарадская рада ўзняла пытанне аб стварэнні рэгулярнага інстытута ХМД [10, арк. 50]. Аднак сродкі на набыццё спецыяльнай карэты хуткай дапамогі былі выдзелены толькі ў траўні 1927 г., пасля чаго канстатавалася, што для *“...оказания скорой помощи ... в Мозыре выделены специальные врачи и это дело налажено”* [11, арк. 117]. Нягледзячы на аптымістычныя справаздачы, трэба адзначыць, што праца ХМД мела істотныя недахопы, нават у 1930-я гг. перавозка хворых спынялася з-за выкарыстання як маральна, так і тэхнічна састарэлай коннай карэты, а ўласна ХМД аказвалася толькі ў буйнейшым горадзе і яго наваколлі. Разам з тым, да 1941 г. пункт хуткай дапамогі быў пераўтвораны ў паўнаўтасную станцыю, дзе працавалі 5 лекараў і столькі ж сярэдняга медперсаналу, усяго з тэхнічнымі працаўнікамі – 24 чалавекі [12, арк. 11].

У заходняй частцы Палесся, якая ў міжваенны час прыналежыла Польшчы, стварэнне ХМД у межах дзейнасці дзяржаўных ці мясцовых органаў улады не прасочваецца. З 1923 г. у Польшчы было скасавана Міністэрства публічнага здароўя, а арганізацыя медыцыны была раскінута паміж дзяржаўнымі і мясцовымі органамі ўлады, а таксама страхавымі і прыватнымі медыцынскімі ўстановамі [13, с. 26]. У складзе міжваеннай Польшчы адной з найменш забяспечаных у сэнсе аховы здароўя заставалася менавіта тэрыторыя Палесся, дзе на 10 тыс. чалавек насельніцтва даводзілася толькі 20 шпітальных ложкаў (для параўнання, у Сілезыі – 50) [14, к. 5]. Такая ж сітуацыя мела месца і ў кадравым забеспячэнні рэгіёна лекарамі і сярэднім медыцынскім персаналам.

Ва ўмовах адсутнасці зацікаўленасці дзяржавы ў фарміраванні аховы здароўя на “крэсавых” землях, адным з важных сродкаў развіцця медыцыны, у тым ліку і экстранай, была дабрачыннасць. Найбольш уплывовай медыцынскай дабрачыннай арганізацыяй у Польшчы безумоўна з'яўляўся Польшкі Чырвоны Крыж (ПЧК). Прадстаўніцтва дадзенай арганізацыі было створана ў Брэсце яшчэ ў 1919 г., але яго дзейнасць адзначалася пасіўнасцю, выкліканай “абьякаваццю мясцовай грамадскасці”, што часткова было абумоўлена нізкім дабрабытам насельніцтва і, адпаведна, слабой ягонай зацікаўленасцю ва ўдзеле ў дабрачыннасці [15, арк. 12 адв.]. Пашырэнне прадстаўніцтва разам з утварэннем Палескай акругі ПЧК у 1927 г. актывізавалі дзейнасць таварыства, план мерапрыемстваў якога ў 1930 г. уключаў стварэнне санітарных аўтакалон, якія павінны былі выкарыстоўвацца для перавозкі параненых пры няшчасных выпадках [16, арк. 16]. Аднак неўзабаве наступствы эканамічнага крызісу 1929 г. адбіліся і на дзейнасці ПЧК, аднаўленне актыўнасці якога назіраецца толькі ў сярэдзіне 1930-х гг.

Напрыканцы 1933 г. брэсцкі філіял ПЧК нарэшце стварыў уласную хуткую дапамогу. У мясцовай прэсе арганізацыя новай структуры была ўспрынята з запалам, а факт дзейнасці ўстановы ацэньваўся як “даўно неабходны” [17, с. 8]. Нягледзячы на

тое, што ХМД у Брэсце мела вельмі абмежаваны характар і фактычна працавала толькі для перавозкі пацыентаў паміж шпіталямі і месцамі жыхарства, існаванню службы надавалася вялікае значэнне, што пацвярджае яе кіраўнік доктар Скрабялінскі, які адначасова з'яўляўся лекарскім інспектарам Палескага ваяводскага ўпраўлення [17, с. 8].

Пачатак дзейнасці новай установы быў паспяховым: у справаздачы ПЧК за 1934 г. адзначалася пашырэнне дзейнасці ХМД, якая была ўзмоцнена санітарным аўтамабілем, які знаходзіўся ва ўласнасці акругі ПЧК. У перыяд з 1 студзеня па 1 траўня 1934 г. былі выкананы 102 выклікі і ажыццёўлены 27 перавозак пацыентаў. Аднак аператыўнасць развіцця новай службы можна параўнаць толькі з хуткасцю яе згортвання: недахоп сродкаў ва ўмовах працягу наступстваў фінансавага крызісу абумовіў зачыненне ХМД ужо з 1 траўня 1934 г. [18, с. 83]. Кароткатэрміновасць існавання хуткай дапамогі ў такім буйным горадзе як Брэст ілюструе агульную сітуацыю ў сферы аховы здароўя Польшчы ва ўмовах эканамічнага крызісу, а таксама ўплыў апошняга на становішча медыцыны на тэрыторыі Заходняй Беларусі.

Трэба адзначыць, што аказанне ХМД не абмяжоўвалася прыведзеным вышэй прыкладам. ПЧК арганізаваў на Палесці шэраг пунктаў першай дапамогі, санітарных атрадаў, забяспечваў аптэчкамі транспартныя сродкі і інш. У асобных аддзелах ПЧК (напрыклад, у Баранавічах) існавалі ўласныя санітарныя аўтамабілі, якія, дарэчы, вырабляліся ў Польшчы, дазваляючы забяспечыць рэгіёны краіны якасным медыцынскім транспартам, што не было рэалізавана ў БССР [19, с. 17].

Напрацоўкі ПЧК і мясцовых медыцынскіх работнікаў ва ўмовах хранічнага недахопу сродкаў, матэрыяльных рэсурсаў і кадраў заслугоўваюць асаблівай павагі, але калі разглядаць развіццё ХМД у агульным кантэксце і параўнаць з адпаведным перыядам у Савецкай Беларусі, то вылучаецца ў цэлым не вельмі прывабная карціна. Калі ў БССР структуры ХМД у канцы 1930-х гг. распаўсюдзіліся не толькі ў большасці абласных і раённых гарадоў, але і ў вясковую мясцовасць, агульная колькасць устаноў экстраннай дапамогі набліжалася да сотні, то ў Заходняй Беларусі нават па самых аптымістычных падліках, улічваючы ўсе магчымыя формы ХМД, іх колькасць наўрад пераступіць тузіна. Эфектыўнасць савецкай сістэмы арганізацыі ХМД адлюстроўвае факт, што менш чым праз два гады пасля ўз'яднання Беларусі ў верасні 1939 г. у пашыранай Палескай вобласці па афіцыйных дадзеных налічвалася ўжо 17 устаноў ХМД, у тым ліку 4 – у вясковай мясцовасці [20, с. 26].

Вышэйпададзенае на прыкладзе ўстаноў хуткай медыцынскай дапамогі адлюстроўвае агульны стан развіцця аховы здароўя ў межах БССР і Польшчы міжваеннага перыяду. Дзяржаўная сістэма развіцця савецкай медыцыны, нягледзячы на пэўныя складанасці, асабліва на пачатковым этапе яе стварэння, здолела за дваццаць гадоў сфарміраваць на Палесці абсалютна новую для мясцовай медыцынскай сеткі спецыяльную службу. Польшкія ўлады ва ўмовах стратыфікацыі медыцынскай арганізацыі і фактычнай адсутнасці цэнтральнага органа кіравання аховай здароўя ў значнай ступені страцілі кантроль над пабудовай медыцынскімі ўстановамі ў Заходняй Беларусі. Ініцыятывы мясцовых дабрачынных і грамадскіх аб'яднанняў моцна залежалі ад эканамічнай кан'юнктуры, таму іх дзейнасць не заўсёды прыводзіла да значных зрухаў у становішчы аховы здароўя на тэрыторыі Заходняй Беларусі. Аб гэтым сведчыць і вопыт стварэння хуткай медыцынскай дапамогі ў Брэсце.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. Фонды Мазырскага аб'яднанага краязнаўчага музея. – Спр. 284.
2. Троцкий, Л. Д. Моя жизнь : Опыт автобиографии. В 2-х т. / Л. Троцкий. – Берлин, 1930. – Т. 2. – 337 с.
3. Дзяржаўны архіў Брэсцкай вобласці (ДАБВ). – Ф. 5. Воп. 2. Спр. 22.
4. Занальны дзяржаўны архіў у г. Мазыры (ЗДАМ). – Ф. 307. Воп. 3. Спр. 1.

5. ЗДАМ. – Ф. 450. Воп. 1. Спр. 1.
6. Абраменко, М. Е. Здравоохранение БССР – становление советской системы (1917–1941) / М. Е. Абраменко. – Гомель: учреждение образования «Гомельский государственный медицинский университет», 2005. – 236 с.
7. ЗДАМ. – Ф. 88. Воп. 1. Спр. 90.
8. Каплиев, А. А. Основные тенденции развития службы скорой медицинской помощи в Советской Беларуси в 1920-е годы / А. А. Каплиев // Метаморфозы истории : научный альманах. – 2017. – Вып. 10. – С. 281–293.
9. ЗДАМ. – Ф. 88. Воп. 1. Спр. 113.
10. ЗДАМ. – Ф. 54. Воп. 1. Спр. 121.
11. ЗДАМ. – Ф. 60. Воп. 1. Спр. 225.
12. ЗДАМ. – Ф. 268. Воп. 1. Спр. 13.
13. Wasiutyński, B. Ustrój władz administracyjnych rządowych i samorządowych / B. Wasiutyński. – Poznań, 1937. – 160 s.
14. Archiwum Akt Nowych. – Z. 15. Sygn. 509.
15. ДАБВ. – Ф. 2. Воп. 1. Спр. 2484.
16. ДАБВ. – Ф. 5. Воп. 1. Спр. 676.
17. Express Poleski. – 1933. – № 333 (31 listopada).
18. Polski Czerwony Krzyż. Sprawozdanie za rok 1934. – Warszawa : Drukarnia Piotr Pyz i S-ka, 1935. – 186 s.
19. Sprawozdanie baranowickiego oddziału P.C.K. za rok 1931. – Warszawa: Drukarnia Piotr Pyz i S-ka, 1931. – 33 s.
20. Состояние народного хозяйства и культурного строительства Полесской области Белорусской ССР к началу Отечественной войны. – [Б. м.] : Издание Совета Народных Комиссаров БССР, 1942. – 29 с.

ПРОВЕДЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В ОТНОШЕНИИ НЕМЕЦКОЙ ДИАСПОРЫ, ПРОЖИВАЮЩЕЙ НА ТЕРРИТОРИИ МОЗЫРЩИНЫ В 1920–1930-е гг.

И. Н. Колосовская

(Средняя школа № 16 г. Мозыря)

Содержание национальной политики в Беларуси в 20–30-е годы было определено июльским 1924 г. пленумом ЦК КП(б)Б. Пленум разработал конкретную программу по проведению национальной политики партии в Беларуси, главным ядром которой стала политика белорусизации, утвержденная 15 июля 1924 года 2-й сессией ЦИК БССР в постановлении «О практических мероприятиях по проведению национальной политики [1, с. 176].

В августе 1925 года была создана Окружная национальная комиссия, а в январе 1926 года Президиум Окружного исполнительного комитета утвердил план по осуществлению национальной политики в границах Мозырского округа. Белорусизация, коренизация, экономический и культурный подъем национальных меньшинств стали ключевыми направлениями национальной политики в округе.

Одним из важных факторов для поддержки и развития национальных меньшинств явилось решение II сессии ЦИК БССР (1924 г.) о создании национальных советов и судов. В результате реализации этого решения к 1929 году в Мозырском округе было создано 10 национальных советов: 5 еврейских, 3 польских, 2 немецких и 1 украинский сельский совет [2, л. 36].

Главным в деятельности национальных советов было решение вопросов хозяйственного, культурно-просветительного порядка, проблем кооперирования, образования, проведение мероприятий по землеустройству населения, организация судопроизводства среди национальных меньшинств. [3, с. 106]. Также большое внимание уделялось белорусизации, коренизации, экономическому и культурному подъему национальных меньшинств. Данные положения и стали ключевыми направлениями национальной политики в округе [2, с. 180].

Согласно отчету Мозырской Окружной национальной комиссии, к 1930-му году на территории Мозырского округа существовало два немецких сельских совета: имени Розы Люксембург и Клесенский сельский совет» [4, л. 4].

Сельский совет имени Розы Люксембург находился в Каролинском (Ельском) районе и включал населенные пункты: Анзельмовка, Анимановка, Алеское. По сведениям на 1930 год, «население первых двух, почти исключительно немецкое, а третьего белорусско-украинское». Состав населения 70 % – немцев, 30 % – белорусов. Всего дворов в сельском совете 211, количество душ 1065 человек. Работает школа с немецким и белорусским отделениями. Почти все хозяйства разбросаны по хуторам» [4, л. 151].

Клесенский сельский совет находился в Наровлянском районе. Всего в Клесенском сельском совете на 1930 год «имеется пять пунктов колоний: Осиповка, Березовка, Майдан, Антоновка, Красновка. Население всех этих колоний по количеству почти одинаковое. Всего дворов в сельском совете 309, количество душ 1617 человек. Сельский совет состоит из немецкого населения [4, л. 5].

В марте 1930 года инспектором ЦИК БССР Т. Ваицком были обследованы немецкие сельские советы Мозырского округа и сделаны выводы, указывающие на особенности, которые усложняли работу в данных сельских советах и отличали её от работы в других сельских советах.

Среди перечисленных особенностей отмечались: разбросанность обоих сельских советов по хуторам, причем радиус расположения сельского совета достигал 80 верст; преобладание в составе совета немецкого населения, которое требовало специального обслуживания их на немецком языке, что было чрезвычайно затруднительно при недостатке соответствующих национальных работников; в сельских советах имелась значительная культурная отсталость, объясняемая некоторым консерватизмом населения и слабостью ее культурного обслуживания; сравнительно слабое значение в сельских советах развития зернового хозяйства, слабая урожайность земли и сравнительно слабой обеспеченностью населения землей; в сельских советах как основное средство дохода преобладало молочно-товарное хозяйство [5, л. 3–22].

По мнению историка В. Пичукова характер взаимоотношений между немецким населением и иноэтническим «во многом определялся плохим знанием немцами в целом русского и белорусского языков, памятью о разорении местным населением их хозяйств после депортации 1915 г.» [4, с. 281]. Также В. Пичуков отмечает, что «характер отношений к немцам со стороны славянского населения был также неоднозначным – от партнерства до неприязни» [4, с. 280]. Можно предположить, что это связано с различием в культуре, традициях, менталитете двух народов.

Для окружающего населения во многом непривычны были такие черты быта немецких крестьян, как рачительность, стремление к порядку, болезненное чувство собственности и уважительное отношение к собственности чужой, роль и место немецкой женщины в обыденной жизни (женщины не принимали участие в политической жизни, считалось это мужским делом. Роль женщины сводилась к хранительнице домашнего очага, занимающейся работой по хозяйству, организация лютеранских и баптистских школ с оркестрами и хорами) [2, л. 17].

В любом случае общим было одно – признание приоритета немцев в хозяйственной сфере. В. Пичуков приводит пример, что «В информационной сводке ГПУ за 1926 г. отмечалось, что “белорусы и украинцы следуют примеру немцев, всячески стараясь культивировать свое хозяйство. Многие завидуют немцам. Так, гражданин Заяц, осматривая хозяйство немца Лангаса, сказал: «Сдохну я, если за три года не заведу такое хозяйство» [5, с. 281].

Таким образом, можно говорить о том, что немецкое население в сельско-

хозяйственном плане стояло выше по уровню развития, чем белорусское, украинское и др. Несмотря на различные взаимоотношения между немецким и белорусским населением, белорусы признавали высокий уровень сельского хозяйства в немецкой среде. Можно так же говорить о том, что немецкое сельское хозяйство являлось образцовым, несмотря на тот факт, что существовало плохое качество земли и слабая обеспеченность ею крестьян.

Что касается семейных отношений, то браки, за редким исключением, заключались между немецким населением. Тем самым сохранялась немецкая этническая культура, так как традиции, религиозные взгляды, язык передавались из поколения в поколение.

Большое значение в жизни немецкого населения имела религия, которая являлась неотъемлемой частью жизни. Инструктор ЦИК БССР Т. Ваицик в своих отчетах подчеркивал религиозность немецкого населения.

Немецкие колонисты Мозырского Полесья принадлежали к различным религиозным конфессиям. Большинство из них были католиками, лютеранами, баптистами. Немецкие колонисты создавали свои церкви и приходы, богослужение в которых велось на немецком языке [5, л. 64].

Экономическое расслоение немецких крестьян-колонистов присутствовало, но, в меньшей степени, чем в других сельских советах районов. «В сельском совете Розы Люксембург процент бедняцких хозяйств, среди немецкого населения больше, чем у прочего населения и обеспеченность их угодьями меньше, но обеспеченность скотом больше. Процент зажиточных хозяйств у немецкого населения меньше, чем у окружающего, хотя обеспеченность его объектами больше. В Клесенском сельском совете процент бедняков меньше, чем в сельском совете имени Розы Люксембург. Однако обложение налогами четырех деревень: Осиповки, Майдана, Березовки, Антоновки; вызвала миграцию немецкого населения. Почти все они уехали» [4, л. 23].

Одним из важных направлений в работе сельских советов было политическое воспитание населения. Анализируя классовое расслоение в немецких сельских советах, инспектор отмечал, что политическое расслоение среди местного немецкого населения почти не заметно. Причиной тому называлась национальная особенность, которая значительно противодействовала этому расслоению. «Что касается политики, то большинство немецкого населения, по мнению инспектора Ваицика, ею не интересуется. К коммунистам и комсомольцам отношение у немецкого населения – недоброжелательное. Однако антисоветского настроения у немецкого населения не присутствует» [4, л. 19].

Состав органов обоих сельских советов характеризовался как удовлетворительный. Преобладание в сельском совете имела беднота. В обоих сельских советах преобладало в большинстве своем немецкое население.

Одним из главных направлений в деятельности национальных советов было решение вопросов культурно-просветительного порядка.

В культурном отношении население немецких сельских советов характеризовалось как отсталое и неразвитое. Объяснялось это, разбросанностью населения по хуторам, затруднявшее культурное обслуживание местного населения, консервативностью и религиозностью немецкого населения. Негативное влияние на национально-культурное развитие немецкого населения оказывало отсутствие культурных немецких кадров в сельских советах. «Изба-читальня имеется только в одном сельском совете (Клесенском), и то она представляет собой залу для собраний. Квалифицированного избача нет. Неудовлетворительна постановка в немецких сельских советах школьного дела. В частности, количество школ ввиду хуторской системы недостаточно. В сельском совете имени Розы Люксембург имеется одна

немецкая школа. Занятия в ней проходят пять раз в неделю. Точных сведений в сельском совете имени Розы Люксембург о количестве неграмотных не имеется. В Клесенском сельском совете имеется две немецкие школы, занятия проходят шесть раз в неделю. В колонии Антоновка Березовского сельского совета ввиду неимения школ дети не учатся. В неудовлетворительном состоянии и школьные помещения. В Клесенском сельском совете число неграмотных составляет 150 человек. Работы по ликвидации неграмотности проходят только в Клесенском сельском совете» [3, л. 31].

К концу 20-х годов в отчетах уполномоченных по проверке работы местных национальных советов все чаще появляются факты, которые говорят об обратном. К примеру, директива Национальной комиссии ЦИК БССР Мозырскому Окрисполкому от 14 апреля 1930 года по работе с немецким населением предписывала организацию изб-читален, ремонт зданий школ, открытие новых школ, мелиорацию земель национального совета, обеспечение кормами скота и хлебом населения [4, с. 2].

В марте 1932 года Президиум Национальной комиссии ЦИК БССР после обследования Наровлянского района признал работу немецких советов округа и руководящую роль райисполкома в этом вопросе неудовлетворительной [5, с. 180]. То же наблюдается и в обследованном немецком сельском совете имени Розы Люксембург в Каролинском районе. В архивных документах отмечалось, что «сельский совет, будучи организован в 1924 г., имеет некоторые достижения в своей работе. Однако он не отвечает полностью всем тем задачам, возложенным на него партией и Советской властью, как национальный сельский совет» а также отмечалось, что «Сельский совет не пользуется среди населения авторитетом, не является руководителем хозяйственных и других начинаний на его территории, отсутствует инициатива в работе. Сельский совет незнаком с законами совластия» [5, л. 151]. Таким образом, со стороны советской власти наблюдается разочарование в немецких сельских советах и начинается постепенное свертывание их деятельности.

К 1932 году основной задачей в области национальной политики стала консолидация национальных меньшинств на классовой, а не на национальной основе. Вследствие этого работа национальных советов в округе была почти полностью парализована. К 1940 году национальные советы в Мозырском округе были и вовсе ликвидированы [5, с. 124].

Таким образом, в отношении немецкого населения до 1932 г. проводилась национальная политика, направленная на сохранение культурных ценностей немецкой нации, однако к 1940-му году национальные советы в Мозырском округе были и вовсе ликвидированы. Несмотря на положительное отношение немецкого населения к советской власти, советы не перестали видеть в немецком населении СССР «неблагонадежный этнос». Это подтверждает массовая депортация немецкого населения БССР в связи с началом Великой Отечественной войны в глубь страны.

Список использованных источников

1. Курьян, З. Реализация национальной политики в Мозырском округе в 1920–1930 гг. // Беларусь у XX ст. : сб. науч. работ / науч. ред. В. П. Андреев. – Минск, 2003. – Вып. 2. – С. 177–181.
2. Протоколы заседаний президиума Окрисполкома об организации национальных советов // Зональный государственный архив г. Мозыря (ГЗАМ). – Ф. 60. Оп. 1. Д. 708. Л. 22–44.
3. Лейзеров, А. Национальная политика Беларуси в первые годы Советской власти (1920–1939) / А. Лейзеров // Беларусь у XX ст. : сб. науч. работ / науч. ред. В. П. Андреев. – Минск, 2002. – Вып. 1. – С. 104–109.
4. Протоколы заседаний президиума Окрисполкома об организации национальных советов // Зональный государственный архив г. Мозыря (ГЗАМ). – Ф. 60. Оп. 1. Д. 723. Л. 1–55.
5. Протоколы заседаний президиума Окрисполкома об организации национальных советов // Зональный государственный архив г. Мозыря (ГЗАМ). – Ф. 60. Оп. 1. Д. 696. Л. 151–152.

ИЗ ИСТОРИИ ЖЕНСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ НА МОЗЫРЩИНЕ В XIX ВЕКЕ

З. С. Курьян

(Мозырский государственный педагогический университет им. И. П. Шамякина)

Женское образование в городе берет свое начало в I половине XIX века. В фондах Национального исторического архива Республики Беларусь хранится дело «Дело по прошению генерал-майора Готовского об открытии женского пансиона в городе Мозыре». Анализ представленного документа дает возможность представить картину подготовки и процедуру открытия первого женского учебного учреждения в г. Мозыре для благородных девиц дворянского происхождения.

В январе 1835 года генерал-майор и кавалер Готовский обратился к Минскому губернскому предводителю дворянства Ошторну с предложением: «открыть в городе Мозыре пансион для благородных девиц уверяя, что господа дворяне и обыватели Мозырского уезда и смежного Речицкого уезда не откажутся пожертвовать часть денежной суммы для открытия в городе Мозыре пансионата» [1, с. 1].

Вместе с прошением губернатору был представлен примерный проект будущего пансиона. Согласно проекту, первоначально планировалось открыть пансионат на 20 пансионеров. Для этого планировалось собрать от дворян уезда и города сумму в 6000 рублей, которых должно было хватить на предполагаемых по проекту 20 мест, да и для дворян, по мнению Готовского, эта сумма была «весьма не тягостна».

В проекте подробно были расписаны все предполагаемые расходы:

«Наставнице пансиона жалование на год – 1000 рублей;

Двум гувернанткам жалование по 300 рублей – 600 рублей;

Наем дома для пансиона в год – 600 рублей;

Кассиру, он же и эконо. Для ведения книг прихода и расхода – 330 рублей;

На отопление за дрова 25 сажень по 6-ти руб – 148 рублей;

На освещение 6 пудов свечей по 12 руб – 72 рубля;

На наем двух прачек по 60 руб каждой – 120 рублей;

На мыло для белья – 100 рублей;

На стол пансионеркам каждый день по 60 коп. – 1200 рублей;

Повару жалование в год – 150 рублей;

На кухонную посуду – 100 рублей;

Сторожа 2 дня топки печей, рубки дров и чистоты по 100–200 рублей;

Горничной девушке в год жалование – 120 рублей;

На покупку фортепьяно для заведения дворянству – 800 рублей;

На книги и бумагу для пансиона – 200 рублей;

На проезд и прогоны к прибытию наставницы и гувернанток каждой по 200 или по 225 и того – 675 рублей» [1, с. 2].

Далее в проекте отмечалось, что поступившие в пансионат обязаны были вносить уплату за полгода вперед: «на год за воспитание и продовольствие по 300 рублей, а если впоследствии число пансионеров увеличится, то сумма взноса должна была уменьшаться».

Поступающие в пансионат девушки должны были иметь свою одежду и обувь. «При поступлении в пансионат каждая пансионерка должна иметь шесть рубах, шесть салфеток, свою ложку и нож с вилками, а кто желает, и скатерть» [1, с. 3].

Стирка белья самими пансионерками не предусматривалась, так как для этого в пансионат нанимали прачку, и платить ей должны были из общих денег. Пансионеркам разрешалось иметь свой чай или кофе. Наставнице разрешалось иметь двух коров для молока пансионеркам. Сумма 6000 рублей была достаточна для уплаты жалования будущим учителям – Профессорам Мозырского училища, с общего дворянского согласия примерно 3000 рублей, а остальная сумма должна была «прирастать» к

дворянскому пансионному капиталу и пожертвованиям от дворян. В своем ответе на указанную просьбу губернский предводитель дворянства дал согласие на открытие пансионата, указав при этом, что «если дворянство согласится на пожертвования на основанных правилах, не вижу возражения» [1, с. 4].

Проследить дальнейшие события, связанные с открытием пансионата и сам учебный процесс по архивным документам не представляется возможным, из-за отсутствия сведений. Однако, по сведениям И. Зеленского, в 1848 году в Мозыре существовал женский пансион госпожи Оссовской, который, в основном, посещали девицы из дворянских семей. Таким образом, можно предположить, что это и был пансионат, об открытии которого ходатайствовал перед губернатором генерал-майор Готовский. Сохранились сведения о числе учащихся (включая преподавателей, надзирательниц и гувернанток) и учащихся пансиона с 1848 по 1860 года:

Годы	1848	1849	1850	1851	1852	1855	1856	1857	1860
Учащих	10	10	10	11	11	8	8	11	11
Учащихся	29	36	34	43	46	14	23	24	27

В пансионе изучали Закон Божий, русский, немецкий, польский и французский языки, географию, историю, арифметику, чистописание, музыку, пение, танцы и рукоделие [2, с. 431].

По сведениям Минского губернского статистического комитета, в 1863 году в городе Мозыре существовало Мозырское бесплатное женское четырехклассное училище святой Ольги. По некоторым сведениям, в училище был преобразован пансионат госпожи Оссовской. В 1865 году в училище обучалось 29, а в 1866 году 27 учениц. Большинство учениц – 20 были православного, 4 католического и 3 ученицы еврейского вероисповедания.

Отсутствие достаточных сведений о социальном происхождении учащихся женского училища и тот факт, что в училище был преобразован пансионат госпожи Оссовской, дает возможность предположить, что посещали училище девицы из дворянских семей.

На основании Высочайшего утверждения 8 июля 1868 года мнения Государственного совета в 1870 году в Мозыре был открыт частный женский пансион. Он размещался в доме прогимназии на Спасской горе, и содержала пансион Мария Ивановна Яхонтова [3, с. 38].

Отсутствие точных сведений о функционировании пансионата дает возможность предположить, что в городе одновременно существовали и училище, и пансионат. Однако, возможно, что пансионат М. Яхонтовой был открыт на основе училища святой Ольги.

В 1870 году в городе было открыто частное 2-х классное женское училище. Размещалось оно в наёмном помещении и содержалось за счет оплаты за учёбу ученицами и пособие 700 рублей из государственной казны. В 1881-1882 учебном году в училище обучалось 15 учениц. Содержала училище М. И. Мысовская, получившая воспитание в бывшем четырехклассном мозырском женском училище святой Ольги [4, с. 182].

Таким образом, дворянство Мозырского уезда, помимо домашнего обучения, имело возможность обучать и воспитывать своих дочерей в частных учебных заведениях, которые существовали в городе Мозыре с первой половины XIX века.

В 1836 году секретным указом Священного синода священники были обязаны обучать крестьянских детей, а Минская духовная консистория распорядилась создавать, где это возможно, церковно-приходские школы. Таким образом, православное духовенство активно занялось вопросами народного образования на территории своих приходов, и местом народного книжного учения на протяжении XIX

века в городе Мозыре и уезде были церковно - приходские школы и школы грамоты.

В 1835 году в Мозыре было открыто первое одноклассное приходское училище для мальчиков. Ученики изучали Закон Божий, церковное пение, чтение, арифметику. 20 ноября 1865 года при приходском училище впервые была основана женская смена, которую посещало 4 девочки [5, с. 28].

В 1867 году в училище обучалось 25 мальчиков, а женскую смену посещало 5 девочек. Сведения о социальном составе учениц отсутствуют, однако, можно предположить, что это были дети мещан. Мозыряне неохотно посылали девочек в школу, т. к. большинство из них считало «достаточным для девочки домашнего обучения и воспитания».

В 1881–1882 году в Мозырском приходском училище занималось 28 мальчиков и 5 девочек. Учительница женской смены Е.И. Оношко окончила курсы в Московском Елисеевском училище с жалованием 150 рублей. В училище преподавались Закон Божий, русский и церковно-славянский языки, пение, арифметика, гражданская история и чистописание [6, с. 159].

В 1853 году по требованию Управляющего Виленским учебным округом Директор училища Минской губернии обратился в Духовную консисторию с требованием сообщить ему общее количество церковно-приходских школ ведомства Министерства государственных имуществ и других управлений в уездах Минской губернии не подлежащих ведению Министерства народного просвещения.

В архиве сохранилась ведомость «О состоянии при приходских церквях Мозырского уезда Петриковского благочиния учащихся для обучения детей поселян в 1853 году». При семи церквях указанных благочиний обучалось 32 мальчика и только 9 девочек, а в Туровском приходском училище женская смена отсутствовала вообще [7, с. 153].

В 1864 году в Мозырском уезде начали открываться народные училища. Было открыто 18 народных училищ для сельских детей: в с. Буйновичи, м. Давид-Городок, с. Ельск, м. Копаткевичи, м. Лахва, м. Ленин, с. Лядце, с. Лучицы, с. Мелешковичи, с. Макаричи, с. Ольгомель, м. Петриков, м. Ремезы, с. Стодоличи, с. Скородное, с. Сидельники, с. Скрыгалов, с. Симоничи. В 1865 году открыли училища в с. Беседки и с. Михалки. Сохранились сведения о числе учащихся:

в 1864 г. 426 в том числе 398 мальчиков, 28 девочек;

в 1865 г. 700

в 1866 г. 719

в 1867 г. 716, 586 мальчиков 130 девочек [8, с. 41].

Из отчета по управлению Минской Дирекцией народных училищ за 1867 год известно, что в Мозырском уезде было 21 училище (к 20 существующим, по сведениям дирекции народных училищ, еще одно училище было открыто в с. Тонеж в 1866 году), число учащихся мальчиков 586 и 100 девочек [9, с. 1].

Таким образом, разные ведомства дают разные сведения о численности учениц в 1867 году. Согласно «Правилам обучения крестьянских детей», учащихся учили «чтению, церковной и гражданской печати, а желающих и письму». Ученики должны были знать наизусть молитву Господню, Символ веры, 10 заповедей, стихотворение «Богородица, Дева, радуйся», а также уметь объяснять все молитвы и знания согласно катехизису и основным рассказам священной истории.

В 1871 году в Минской губернии действовало 302 церковно-приходские школы, в которых обучалось 4687 мальчиков и 500 девочек. Из них в Мозырском уезде было 22 церковно-приходские школы, меньше – 11 школ, было только в Речицком уезде. Согласно ведомостям, на 276 учеников мальчиков женские смены посещало только 13 девочек. Если учесть, что Мозырский уезд был самым большим по территории, то, следовательно, учениц и учеников, здесь было меньше, чем в других уездах губернии [10, с. 119].

В 1885/86 учебном году в Мозырском уезде действовало 9 церковно-приходских школ и 58 школ грамотности, в которых обучалось 899 мальчиков и 63 девочки. В мае 1896 года инспектором народных училищ С. Квасницким была проведена инспекция Мозырского приходского училища. В 1896 году в нем занималось 53 мальчика и 38 девочек. Согласно инспекции, инспектор должен был проверить состояние учебно-воспитательной работы, хозяйственной части, состав и благонадежность учителей.

Проверив знания учащихся по всем предметам, инспектор отметил хорошие знания у мальчиков, а вот знания девочек по всем предметам кроме чистописания были гораздо хуже. Этот факт инспектор объяснил следующими причинами: «мальчики прилежнее посещали школу, поэтому больше усваивали знаний, законоучитель часто отлучался от занятий по делам прихода, и занятия у девочек отменялись. На наш взгляд, можно выделить еще одну причину: из 38 девочек смены – 20 были еврейской веры. Отсутствие в Мозыре государственных легальных учебных заведений заставляли еврейские семьи отдавать своих детей в приходские училища. Еврейские дети плохо знали русский язык, поэтому процесс обучения для них был очень сложным [11, с. 40].

Только 15 сентября 1900 года – начались занятия в первом казенном еврейском учебном заведении города Мозыря одноклассном народном училище, при котором была открыта женская смена [12, с. 37].

Таким образом, представленные сведения дают очень скудные представления о женском образовании на Мозырщине в XIX веке. Дворянство уезда, помимо домашнего обучения, имело возможность обучать своих дочерей в пансионах и училище, но учебных заведений и обучающихся в них девочек было очень мало. Незначительное количество учениц женских смен при церковно-приходских училищах и школах грамот указывает на то, что женское народное образование на Мозырщине было уделом семьи. Следует отметить, что среди девяти уездов Минской губернии Мозырский уезд практически до конца 19 века занимал последнее место по количеству учебных заведений и соответственно по числу учащихся мальчиков и девочек.

Список использованных источников

1. Дело по прошению генерал-майора Готовского об открытии женского пансионата г. Мозыре / НИАРБ. Ф. 320. Оп. 1. Д. 167.
2. НИАРБ. Ф. 22. Оп. 1. Д. 240.
3. Зеленский И. Материалы для географии и статистики России: Минская губерния. Т. II. СПб., 1864.
4. НИАРБ. Ф. 458. Оп. 1. Д. 10.
5. Отчет по управлению Минской Дирекции народных училищ за 1865 год. Вильно. Тип. А.Г. Сыркина. 1965.
6. ПКВУО на 1881-1882 год. Вильно, 1882.
7. НИАРБ – Фонд 136. – Оп. 1. – Д. 25072. Дело о поселянских училищах состоящих при церквях Минской Епархии за 1853 год.
8. Труды Минского Губернского Статистического Комитета. историко-статистическое описание девяти уездов Минской губернии. Выпуск I. Минск .1870.
9. НИАРБ. Ф. 295. Оп. 1. Д. 1857.
10. ПКВУО на 1881 –1882 год. Вильно. 1882.
11. НИАРБ – Фонд 458.- Оп.- 1.-Д. 51 ч. 1. Ведомость Минской Духовной консистории в Минскую Дирекцию народных училищ.
12. НИАРБ. Ф. 458. Оп. 1. Д. 224.

ЗЯМЛЯ НАШЫХ ПРОДКАЎ – НАРАЎЛЯНШЧЫНА

Л. А. Лісоўскі, Т. С. Кісялевіч

(Мазырскі дзяржаўны педагагічны ўніверсітэт імя І. П. Шамякіна)

Нараўлянскі раён размешчаны на поўні Гомельскай вобласці. Утвораны 17.07.1924 г. Плошча 1,6 тыс км². Да 1986 г. было 74 населеныя пункты, у тым ліку г. Нароўля – цэнтр раёна. Існавала 8 сельсаветаў: Вербавіцкі, Вуглоўскі, Галоўчыцкі, Даўлядоўскі, Дзернавіцкі, Завайцянскі, Кіраўскі і Красноўскі. Пасля катастрофы на Чарнобыльскай АЭС скасаваны 4 сельсаветы: Вуглоўскі (1987), Даўлядоўскі (1987), Дзернавіцкі (1987) і Вербавіцкі (1995). Жыхары Вуглоўскага, Даўлядоўскага, Дзернавіцкага і часткова Вербавіцкага сельсаветаў адселены ў іншыя сельсаветы раёна і г. Нароўлю, а таксама за межы раёна. З карты зніклі 35 населеных пунктаў. Адсяленне працягваецца. На тэрыторыі зоны адсялення (Вуглоўскі, Даўлядоўскі і Дзернавіцкі сельсаветы) створаны Палескі радыяцыйна-экалагічны запаведнік [1, 128].

Нараўляншчына была заселена чалавекам каля 100 тыс. гадоў назад. На паселішчах былі знойдзены рэшткі авальных і прадаўгаватых у плане, заглыбленых у зямлю жытлаў, аснова якіх была складзена з чарапоў і іншых касцей маманта, камянёў. У сярэдзіне жытлаў – рэшкі агнішчаў.

Людзі, якія жылі тут, займаліся калектыўным паляваннем, збіральніцтвам, лоўляй рыбы. Умелі выжываць у суровых умовах прыледніковай халоднай зоны.

Ад Юравіч да Нароўлі – усяго 15 кіламетраў. І, вядома ж, усё тое, чым валодалі і што ўмелі рабіць насельнікі Юравіцкага паселішча, было характэрным і тагачасным жыхарам Нараўлянскага краю. У канцы верхняга палеаліту (12–9-е тысячагоддзі да н. э.) адбылося шырокае засяленне людзьмі паўднёвай і поўднёва-ўсходняй часткі Беларусі, а значыць, і Нараўляншчыны.

Археалагічныя даследаванні сведчаць пра тое, што старажытныя паселішчы і стаянкі канца неаліту і бронзавага веку былі таксама каля вёсак Аляксандраўка, Бярозаўка, Вербавічы, Вяпры, Гута, Даўляды, Дзямідаў, Канатоп, Карпавічы, Мухаеды, Надгачаеўка, Ражава [3, 29].

Менавіта ў перыяд бронзавага веку з’явілася маёмасная нароўнасць. У рэлігійных вераваннях пашыраліся касмаганічныя культы, а таксама культ продкаў.

У пачатку ранняга жалезнага веку тэрыторыю Нараўляншчыны засялялі плямёны мілаградскай культуры (VII–III стст. да н. э., назва ад гарадзішча каля в. Мілаград Рэчыцкага р-на). Для мілаградскай культуры характэрны 2 варыянты: дняпроўскі (помнікі ў басейне Дняпра і Сожа) і палескі – у басейне Прыпяці. Жыхары басейна Дняпра і Сожа мелі гарадзішчы, а басейна Прыпяці – селішчы, якія будаваліся на ўзвышшах па берагах рэк.

У VI–VIII стст. тэрыторыю басейна Прыпяці насялялі славянскія плямёны пражскай культуры. Іх помнікі (селішчы, гарадзішчы-сховішчы, могільнікі) размяшчаліся на месцах былых паселішчаў зарубінецкай культуры. На Нараўляншчыне помнікі такія выяўлены каля вёсак Антонаўка, Белая Сарока, Белы Бераг, Бярозаўка, Бук, Вербічы, Вяпры, Гарадзішча, Грыдні, Даўляды, Дворышча, Дзёрнавічы, Дзямідаў, Дуброва, Завайць, Заракітнае, Карпавічы, Канатоп, Мухаед, Ліхаўня, Надгачаеўка, Ражава, Цешкаў і г. д. Шмат такіх помнікаў і каля Нароўлі.

Асноўны занятак насельніцтва – земляробства, жывёлагадоўля, паляванне, рыбалоўства. Развіваецца бортніцтва. Усё большая колькасць людзей пачынае займацца рамяством, якое ў асноўным звязана з вырабам жалезных прылад працы і зброі, а таксама глінянага посуду. Жытлы былі паўзямлянкавыя і наземныя слупавой ці зрубнай канструкцыі з адкрытымі агнішчамі і печамі-каменкамі. Пахавальны абрад – трупапаленне на бескурганных і курганных могільніках.

Гісторыя паходжання назвы “Нароўля” мае некалькі версій. Адна з іх гаворыць

пра тое, што пасяленне ўзнікла на беразе прытока Прыпяці – вельмі свавольнага нораву рэчкі Нараўлянкі, якая пачынаецца ў балоцістай мясціне. Нораў – Нароўля. Ад старажылаў можна пачуць, што назва Нароўля паходзіла ад таго, што пасяленне ўзнікла на роўнай мясцовасці ў параўнанні з адгор’ямі Мазырскай грады. Узгоркавае ўзвышша Мазырскага правабярэжжа пераходзіць у раўніну на правым беразе рэчкі Салакучы (Ніжні Млынок) і цягнецца раўнінай на ўсім узбярэжжы Прыпяці.

Наступная версія распавядае пра тое, што Нароўля была заснавана каля рова, які некалі ўзвялі, каб выраўняць выгіб Прыпяці і тым самым скараціць на рацэ шлях пры сплаве лесу.

Ёсць і версія наступнага характару. Паходжанне назвы Нароўлі звязана зусім не са штучным ровам, а з натуральным. Нашы продкі выбіралі для селішчаў не толькі найбольш урадлівыя землі, а і асабліва прыгожыя мясціны. Вусце Нараўлянкі з яе былімі дубравамі стварала глыбока прарэзаны роў у высокім правабярэжжы Прыпяці. Кожны, хто выпраўляўся сюды, гаварыў: “Іду на роў”. Тых, хто заснаваў тут паселішча, называлі нараўлянамі. Так і замацавалася на працягу вякоў назва – Нароўля, а мясцовая рачулка стала Нараўлянкай [3, 40].

У другой палове XIV ст. у Вялікае Княства Літоўскае ўвайшла і тэрыторыя сучаснай Нараўляншчыны. Яе насельніцтва не бачыла крыжакоў, затое не аднойчы сутыкалася з мангола-татарамі і шукала ад іх абароны. Так было і ў 1242 г., калі воіны хана Батыя ішлі сюды, накіроўваючыся на Валыншчыну і галіцкія землі.

У 1595 г. жыхары Нараўляншчыны ўдзельнічалі ў паўстанні пад кіраўніцтвам Севярына Налівайкі, якое, пачаўшыся на Украіне, перакінулася неўзабаве на Беларускае Палессе.

Па-сапраўднаму шырокім быў удзел жыхароў нараўляншчыны ў антыфеадальнай вайне 1648–1651 гг. Як сведчаць тагачасная крыніца: “Чэрнь так раз’юшана, што вырашала ці знішчыць шляхту, ці загінуць”. Нямала нашых землякоў узялося за зброю.

Узмацненне ўціску вяло да новага разгортвання сялянскага руху. У 1750–1751 гг. сялянскае паўстанне мела месца каля Нароўлі. Яго актыўнымі ўдзельнікамі сталі жыхары вёсак Вербавічы, Завайць, Смалегаў (Смалігаў).

10 мая 1751 г. ротмістр Францішак Антон Ракіцкі прасіў кіеўскага губернатара аказаць дапамогу супраць гайдамацкіх атрадаў, якія неаднаразова нападлі на шляхецкія ўладанні каля Нароўлі і Чарнобыля. Гайдамакаў актыўна падтрымлівалі мясцовыя сяляне. Калі ж дапамога была атрымана і гайдамацка-сялянскі атрад быў разбіты, то рэшткі ягоныя знайшлі ратунак на рацэ Славечна каля вёскі Антонаў. Да гэтага часу адно з мясцовых урочышчаў называецца Гайдамацкі Алёс.

Сялянскія выступленні, якія на працягу многіх гадоў адбыліся ў Мазырскім павеце, куды ўваходзіла і Нараўляншчына, выклікалі занепакоенасць Рэчы Паспалітай. Вось чаму ў 1764 г. сейм прыняў пастанову, якая абавязвала кіраўніцтва Вялікага Княства Літоўскага забяспечыць у Мазырскім павеце спакой і парадак.

У 1793 г., пасля другога падзелу Рэчы Паспалітай, да Расіі адышла і тэрыторыя сучаснай Нараўляншчыны, якая ўваходзіла ў Мазырскі павет.

Шмат змен адбылося на Нараўляншчыне ў сувязі з зямельнай рэформай прэм’ер-міністра і міністра ўнутраных спраў Расіі П. Сталыпіна. Паводле рэформы сяляне мелі магчымасць выйсці з сельскай абшчыны, замацаваць у асабістую ўласнасць сваю надзельную зямлю.

19 мая 1872 г. Артур Горват прывёз з Курляндскай губерні групу латышоў, палічыўшы, што мясцовыя сяляне – работнікі ненадзейныя. Так на Нараўляншчыне ўзнікла латышкае пасяленне – вёска Фізінка.

Другая палова XIX ст. адметна на Нараўляншчыне значным развіццём

прамысловасці, і ў першую чаргу віна-гарэлачнай. У 1850 г. Горваты пачалі ўзводзіць завод па вырабе віна і спірту ў мястэчку Нароўля. Праз 5 гадоў ён даў першую прадукцыю. У 1861 г. пабудавалі яшчэ адзін такі ж завод, у 1887 г. – трэці. Сваю прадукцыю Горваты прадавалі па ўсім Беларускаім Палессі і не толькі. Згодна з архіўнымі крыніцамі, памешчыкі Горваты мелі дамоўленасць з харкаўскім купцом Разенталем ад 30 верасня 1893 г. аб продажы віна і спірту, атрыманых на заводах мястэчка Нароўля, на Украіне [2, 32].

З запісу ў журнале Мінскай казённай палаты па піцейным аддзяленні ад 25 жніўня 1861 г. бачна: вінакурны завод пабудоваў канатоўскі памешчык Мікалай Іванавіч Брозін, атрымаў ужо 10 тысяч вёдзер віна [2, 35].

У архіўных крыніцах за 1887 г. маюцца звесткі па вінакурным заводзе Маўрыкія Данілавіча Горвата. Гэты завод меў паравы кацёл магутнасцю ў 12 конскіх сіл. Пры заводзе жылі 10 рабочых, з іх 8 – жанчыны. Працавалі яны па 16 гадзін у дзень. Усе работы выконвалі ўручную. За месяц мужчыны атрымлівалі па 7 рублёў, жанчыны – па 5. За год на вытворчасць віна расходвалася 62 580 пудоў бульбы, 4410 пудоў збожжа, 210 складметраў дроў.

М. Д. Горват звярнуўся ў 1893 г. у Мінскае губернскае ўпраўленне з просьбай на дазвол пабудоваць у вёсцы Галоўчыцы яшчэ адзін вінакурны завод. 11 сакавіка на пасаджанні будаўнічага аддзялення губернскага ўпраўлення просьба памешчыка была задаволена, а яго праект новага прадпрыемства ўхвалены. Немалы даход памешчыкі Горваты мелі і ад заводаў па вырабе шкур жывёлы.

Такі ж завод у 1865–1870 гг. пабудоваў нараўлянскі яўрэй Фішман, у 1868 г. – Борух Моўшавіч Розерман. Гэта былі прадпрыемствы зусім прымітыўныя. Так, на заводзе Розермана ў 1887 г. працавалі двое работнікаў па 10 гадзін у дзень. За месяц атрымлівалі па 8 рублёў, вырабілі за год 320 шкур буйной рагатай жывёлы.

У канцы 80-х гадоў XIX ст. насельніцтва мястэчка Нароўля больш як на 70 працэнтаў складалі яўрэі. Паводле закона, падпісанаму Аляксандрам III у 1882 г., ім забаранялася купляць і арандаваць зямлю, працаваць у дзяржаўных установах, паліцыі, на афіцэрскіх пасадах у арміі, на чыгуначным транспарце. Мелі ж права адкрываць лаўкі, лабазы, невялікія прадпрыемствы, працаваць рамеснікамі, возчыкамі. Пераважная большасць яўрэйскага насельніцтва мястэчка з’яўляліся людзьмі надзвычай беднымі, але былі і дробныя ўласнікі, якія мелі лаўкі ці невялікія мануфактуры, – Бушманы, Фішманы, Фрыдманы і інш.

Рос культурны ўзровень насельніцтва Нараўляншчыны. Пачалі адкрывацца царкоўнапрыходскія школы. Першая такая школа была адкрыта ў 1852 г. у вёсцы Мухаеды для дзяцей дзяржаўных сялян. У 1863 г. школы пачалі працаваць у маёнтку Барбароў і вёсцы Вербавічы, у 1864 г. – у маёнтку Белая Сарока. Пазней царкоўнапрыходскія школы адкрыліся ў вёсках Дзёрнавічы, Цешкаў, Вяжышчы. У 1897 г. у мястэчку Нароўля меліся 7 яўрэйскіх малітоўных школ [2, 55].

У 1860–1870-х гг. Барбароўская, Беласароцкая, Вербавіцкая і Мухаедаўская царкоўнапрыходскія школы сталі народнымі вучылішчамі.

На жаль, не знойдзены дакладныя лічбы, якія б паказвалі, колькі сялян выкарысталі магчымасці зямельнай рэформы. Але з’яўленне на Нараўляншчыне такіх хутарскіх пасяленняў, як Акопы, Асінаўка, Гразліва, Злуй, Жарня, Майдан, Свірні (Свіркі), Ціхін – прамы вынік рэформы П. Сталыпіна. Вырашалася пытанне цераспалосіцы, якая спыняла развіццё сельскай гаспадаркі.

Больш прадтрымальныя сяляне прыкупляюць зямлю, набываюць ваўначоскі, веялкі, маслабойні, сеялкі і інш.

Але ж былі такія, што падаліся шукаць шчасця ў малаабжытыя раёны Сібіры, а то і ў Амерыку.

Перасяленцкая хваля, але ўжо іншага характару, мела месца пасля таго, як у 1914 г. успыхнула Першая сусветная вайна. З Валыншчыны, якая знаходзілася ў прыфрантавой паласе, на Нараўляншчыну былі выселены сотні мясцовых сялян, якія па нацыянальнасці былі немцамі (першыя немцы-арандатары з’явіліся ў нашых мясцінах у канцы XIX ст.). На Нараўляншчыне ўтварыліся нямецкія калоніі Антонаўка, Бярозаўка, Дуброва, Хаткі і інш.

У 1906–1909 гг. у вёсках Вяпры, Дзёрнавічы, Канатоп, Красноўка былі адкрыты земскія школы. У 1914 г. у мястэчку працавала бальніца на 15 ложкаў, медыцынскія пункты – у вёсках Дзёрнавічы і Мухаеды.

На Нараўляншчыне было 6 цэркваў, 3 сінагогі, адзін касцёл [3, 55].

Лютаўскія падзеі 1917 г. у Петраградзе прывялі да падзення царскага самадзяржаўя. Вестка пра гэта прыйшла і ў Нароўлю. Рабочыя суднаверфі радысна ўспрынялі гэту падзею.

У першай палове сакавіка ў мястэчку адбыўся мітынг, на якім выступаў начальнік суднабудаўнічых майстэрняў Верхнедняпроўскага басейна генерал Халюцін. Заклікаў рабочых суднаверфі і грамадзян Нароўлі быць вернымі Часоваму ўраду, верыць у перамогу рускай зброі над кайзераўскай Германіяй.

Мітынг завяршыўся манефістацыяй у раёне парку Горватаў. Выступленне генерала не супакоіла рабочых і ваеннаслужачых, якія працавалі на Нараўлянскай суднаверфі. Пачалося дэзерцірства. Падпалкоўнік Гармаш, начальнік суднаверфі, запатрабаваў войскі для нясення каравульнай службы і аховы складоў і майстэрняў. У Нароўлю прыбыла вайсковая каманда, але салдаты не спраўдзілі спадзяванняў падпалкоўніка.

У памяшканні казармы быў адкрыты так званы дэмакратычны клуб. Ён стаў месцам дыспутаў і дыскусій аб вайне, формах улады і ўласнасці, зямлі і г. д. Клуб наведвалі працаўнікі суднаверфі, работнікі маэнтка Горватаў, дробныя саматажнікі, моладзь мястэчка і бліжэйшых да Нароўлі вёсак. У пачатку восені вайскоўцы пакінулі мястэчка. Выехаў і падпалкоўнік Гармаш. Нараўляншчына жыла ў чаканні вялікіх перамен [3, 56].

Вывучэнне краязнаўчых матэрыялаў, падзей, якія адбываліся ў гістарычныя часы ў кожнага на сваёй малой радзіме, мае вялікае значэнне ў патрыятычным выхаванні школьнікаў і студэнтаў.

Спіс выкарастаных крыніц

1. Лісоўскі, Л. А. Прырода роднага краю: Гомельская вобласць / Л. А. Лісоўскі. – 2-е выд., перапрац. і дапоўн. – Мазыр: ТАА ВД “Белы Вецер”, 2004. – 170 [2] с.
2. Лісоўскі, Л. А. Нараўлянскі раён. Гісторыя і геаграфія: В 3-х т. Т.1. / Л. А. Лісоўскі. – Мазыр: РВФ “Белы Вецер”, 1998. – 188 с.
3. Памяць: Гіст.-дакум. Хроніка Нараўлянскага р-на. – Мінск: БЕЛТА, 1998. – 448 с.

ПРЕПОДАВАНИЕ ДИСЦИПЛИНЫ «ИСТОРИЯ ДРЕВНЕГО МИРА» В ГЛАЗОВСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ ПЕДАГОГИЧЕСКОМ ИНСТИТУТЕ ИМ. В. Г. КОРОЛЕНКО

Л. А. Лихачева

(Глазовский государственный педагогический институт им. В. Г. Короленко)

Модернизация российского образования предполагает введение инновационных форм и методов преподавания в образовательных учреждениях. Вместе с тем с утверждением нового в процессе обучения следует бережно сохранять наработанные традиции, формы и методы учебной работы, показавшие эффективность за годы их использования. В Глазовском государственном педагогическом институте им. В.Г. Короленко осуществляется целенаправленная программа качества подготовки специалистов [1]. Данная программа осуществляется в том числе и в ходе реализации

дисциплины «История Древнего мира» на первом курсе историко-лингвистического факультета.

В последние годы в вузе, как и в целом в стране, прослеживается тенденция неуклонного сокращения зачетных единиц и часов контактной работы по дисциплинам Всеобщей истории: в учебном плане 2011 г. история Древнего мира, история Средних веков и Новая и Новейшая история зарубежных стран в совокупности составляли 756 аудиторных часов, в 2014 – 540, в 2016 г. – 378 часов контактной работы [2, с. 219–228].

При таком значительном сокращении часов материал лекций охватывает только самые сложные и проблемные вопросы истории Древнего мира, такие, как: антропогенез в свете новейших данных, особенности функционирования Древневосточных обществ, дискуссия об Азиатском способе производства, полис как тип античной гражданской общины, эллинизм, кризис III в. Римской империи, происхождение христианства и первые этапы его эволюции. Следовательно, значительный объем изучаемого материала выносится на практические занятия, в ходе которых решаются в том числе не столько информационные, сколько иные, значимые для будущего историка-профессионала задачи: выработка умения самостоятельно исследовать и анализировать источник; формирование навыков работы с научной литературой.

В начале практических занятий студентам разъясняется теоретический аспект работы с историческими источниками, раскрываются методы анализа источников. Затем проводится семинар, на котором студенты на практике под руководством преподавателя предпринимают самостоятельный анализ источников по определенной теме. Последующие занятия проходят несколько иначе: студент уже должен дать монологичный ответ по вопросу темы семинара, полностью базируясь на самостоятельном анализе источников, который он проделал при подготовке к семинару. Другие студенты исправляют, дополняют выступление отвечающего, задают ему вопросы. В результате коллективного обсуждения вопроса выявляются достоинства и недочеты ответа, связанные с недостаточно скрупулезной работой с историческими источниками.

План практического занятия предусматривает первым вопросом характеристику источников по теме занятия, которая включает следующие аспекты: определение типа и вида источника, времени и обстоятельств его создания, указание автора (если он есть), его политической позиции, цели написания его труда, перечисление фактов, отраженных в источнике, выявление степени его достоверности, возможности искажения фактов и т. д. Это приучает студентов различать типы источников, критически подходить к ним, с осторожностью относиться к данным, представленным источниками. Таким образом, на первом курсе закладываются основы историка-профессионала, в дальнейшем самостоятельно работающего с различными источниками, на основе которых он будет формулировать собственные выводы о событиях истории.

Другое направление работы с первокурсниками предусматривает цель – научить студентов работать с научной исторической литературой. К практическим занятиям рекомендуется список научной литературы с указанием конкретных страниц текста, что позволяет читающему увидеть самое главное в книге. Также студенты первого курса привлекаются к реферативному исследованию и подготовке докладов, сообщений. Реферативное исследование и подготовка доклада предполагает изучение отдельного вопроса или темы на основе имеющихся в библиотеке института и электронной библиотечной системе научной литературы и статей в научных журналах [3]. Чаще в качестве сообщений на семинарские занятия выносятся наиболее сложные вопросы изучаемой темы, такие, как «Определение категории «мушкенум»

в отечественном востоковедении», «Рабство в древней Индии в оценке современных индологов», «Категории неполноправного населения в Спарте», «Дискуссия о возникновении государства в Риме» и др. Некоторые практические занятия строятся полностью на системе докладов («Религии и религиозно-философские учения Древнего Востока», «Северное Причерноморье в классический и эллинистический периоды» и др.).

Студент самостоятельно подбирает (при необходимости, с помощью рекомендаций преподавателя) литературу, составляет план доклада и в письменном виде излагает имеющиеся в исторической литературе различные точки зрения по данной проблеме. Преподаватель в предварительном собеседовании со студентом определяет задачи докладчика, круг вопросов, которые он должен раскрыть, проверяет текст доклада. Остальные студенты также заранее готовятся к занятию в форме выступления с докладами. Группа делится на более мелкие подгруппы в соответствии с количеством докладов. Каждый член такой подгруппы должен, самостоятельно изучив материал по теме доклада, подготовить вопрос докладчику или сделать дополнение к докладу. Перед заслушиванием сообщения на занятии студентов ориентируют на активное восприятие материала доклада в связи с необходимостью учета этого материала при подготовке к экзамену.

К вдумчивому чтению научной литературы студентов приучает такой вид работы, как реферирование монографии и последующее собеседование с преподавателем по содержанию реферата. Из предложенного в начале семестра списка монографических работ (для первого семестра – по истории первобытного общества и Древнего востока, для второго семестра – по античной истории) студент выбирает одно произведение и реферировать его. В установленный срок в индивидуальной беседе студент, предъявив преподавателю письменно прореферированный и оформленный соответственно требованиям стандарта текст монографии, обязан изложить основные положения работы, концепцию автора и его аргументацию, ответить на вопросы преподавателя. Эта деятельность приучает студентов к научному мышлению, формирует их научный аппарат, умение правильно оформлять мысль, подводит к пониманию неоднозначности и сложности многих проблем истории Древнего мира, а значит, к пониманию истории не как суммы развлекательных рассказов, а как науки со своими проблемами, дискуссиями, нерешенными вопросами.

Будущий учитель истории, конечно же, должен иметь широкий кругозор, знать интересный материал, выходящий за рамки учебника. Содействует расширению кругозора студента в сфере культуры такая форма работы, как коллоквиум. Его можно проводить в разнообразных формах.

Традиционным в ГПИ является коллоквиум по Ветхозаветным преданиям (1 семестр) и коллоквиум по античным мифам, включая знание содержания «Илиады» и «Одиссеи» Гомера (2 семестр). Он проводится в виде индивидуального собеседования по отдельным аспектам темы. Студент, не сдавший коллоквиум, имеет возможность сдать его в следующий раз.

Подобным же образом, с использованием электронных материалов, организуются индивидуальные собеседования по искусству Древней Греции и Рима. Предварительно получив список обязательных к изучению античных произведений архитектуры, скульптуры и живописи с указанием авторов, а также изучив рекомендуемую литературу, студент имеет возможность самостоятельно ознакомиться с изображениями античного искусства в электронном виде (фильмы, виртуальные экскурсии по музеям, электронные энциклопедии). В ходе индивидуального собеседования при демонстрации репродукции произведения искусства студент обязан определить автора и название шедевра.

Литературный коллоквиум предполагает пересказ содержания одного выбранного самостоятельно студентом античного художественного произведения в прозе, а также декламацию наизусть поэтического произведения объемом примерно около страницы текста. Радуется, что часть студентов обязательно выбирают для заучивания наизусть отрывки из поэмы Гомера, хотя гекзаметр – поэтический размер, которым написаны известные поэмы – является сложным для восприятия современной молодежи. Собеседование по реферату, написанному по монографии, и перечисленные коллоквиумы являются обязательными для допуска к экзамену.

Изучение древних языков, которое реализуется у студентов-историков, содействует более полному усвоению знаний по истории Древнего мира, т.к. научная терминология науки базируется в основном на древнегреческом и латинском языках. Выполнение заданий по научной исторической терминологии позволяет более точно понимать и свободно оперировать такими понятиями, как: палеолит, мезолит, неолит, антропогенез, фратрия, homo habilis, ager publicus и др.

Большое значение в ходе проверки усвоения знаний приобретают контрольные работы по истории Древнего мира, которые проводятся в установленные сроки по определенной части курса, либо по всему курсу. Контрольные мероприятия могут проводиться, по усмотрению преподавателя, в разных формах: в виде контрольного среза знаний, творческих контрольных работ, работ тестового характера и др. Так, контрольный срез знаний по основным проблемам истории первобытного общества в виде группового собеседования позволяет проверить уровень усвоения знаний студентов по данному разделу.

Вопросы традиционных контрольных работ имеют проблемный характер, требуя от студента умения проводить сравнительный анализ и обобщать материал. Например, в контрольной работе могут быть такие вопросы: сравнить социально-экономическое развитие древнего Шумера, Аккадского царства и Третьей династии Ура; сравнить восточный и античный тип общества; сравнить становление (кризис) греческого полиса и римской цивитас и др. Творческие контрольные работы выполняются студентами самостоятельно за определенный период времени. Эти работы имеют завершающий характер, т.к. требуют наличия сформированности у студентов умения анализировать исторические источники. Предложенный список тем творческих контрольных работ соотнесен с конкретными источниками по истории Древнего мира. Выбрав тему, студент письменно в отдельной тетради оформляет результаты своей работы – анализ указанного источника. Данный вид контроля формирует навыки самостоятельной работы творческого, поискового характера, способность к самостоятельным суждениям, умение оперировать историческим материалом, аргументированно отстаивать свою точку зрения.

Большую роль в развитии научно-познавательного интереса студентов играет студенческое научное общество [4]. Например, в этом году СНО факультета инициировало проведение мероприятия «Ночь науки», одна из станций которого называлась «Культура Древнего мира».

Таким образом, организация преподавания дисциплины «История Древнего мира» в Глазовском государственном педагогическом институте им. В.Г. Короленко содействует становлению высококвалифицированного, всесторонне развитого, творческого педагога, способного сделать свой учебный предмет интересным для школьников.

Список использованных источников

1. Положение о внутривузовской системе гарантии качества подготовки специалистов в федеральном государственном бюджетном образовательном учреждении высшего образования «Глазовский государственный педагогический институт им. В.Г. Короленко». 06.09.2017. – Режим доступа: http://www.ggpi.org/files/pol_systema_kachesnva.pdf. – Дата доступа: 06.04.2018; Положение о

Комиссии по качеству образования Совета обучающихся ФГБ ВПО «Глазовский государственный педагогический институт им. В. Г. Короленко». 20.10.2014. – Режим доступа: http://uvsr.ggpi.org/data/uploads/docs/polozhenie_komissii_po_kachestvu_obrazovaniya.pdf. – Дата доступа: 06.04.2018.

2. Руденко, О.А. Историческое образование в ГППИ им В.Г. Короленко в 1984–2014 гг. / О.А. Руденко, А.И. Макурин // Материальная и духовная культура народов Урала и Поволжья: история и современность. Материалы Межрегиональной научно-практической конференции (г. Глазов, 11 декабря 2015 г.): сб. статей / отв. Ред. С.Л. Логинов, ГППИ. – Глазов: Аверс, 2016.

3. Научная библиотека ФГБОУ ВО Глазовского государственного педагогического института им. В.Г. Короленко. – Режим доступа: <http://lib.ggpi.org>. – Дата доступа: 21.04.18; Электронно-библиотечная система Znanium.com. – Режим доступа: <http://znanium.com>. – Дата доступа: 21.04.18.

4. Положение о студенческом научном обществе. 25.01.2016. – Режим доступа: http://uvsr.ggpi.org/data/uploads/docs/polozhenie_studencheskogo_nauchnogo_obshchestva.pdf. – Дата доступа: 21.04.18.

«ПИКОВАЯ ДАМА» А.С. ПУШКИНА КАК ФАНТАСТИЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ: ОПЫТ ИЗУЧЕНИЯ

М. Г. Лобан, М. П. Койдан

(Мозырский государственный педагогический университет им. И. П. Шамякина)

В рамках одного из бурно развивающихся художественных методов XIX века, в середине 1820-х годов, начинает активно разрабатываться новый вид повествовательной прозы – *фантастическая повесть*. Творческие эксперименты в данной повествовательной форме проводили многие русские писатели: Н.М. Карамзин, В.Ф. Одоевский, А. Погорельский, А.С. Пушкин, Н.В. Гоголь и др.

Русская критическая мысль оперативно отреагировала на данное поэтическое явление: в теоретических статьях разъяснялось влияние философии Шеллинга на эстетическую систему романтизма, осмыслились исторические источники мистических учений, давались различные трактовки понятию «фантастика», выстраивалась динамика «жанровых регистров», предшествовавших появлению *русской фантастической повести* (сказка, рассказ, баллада, готический роман), анализировались конкретные художественные произведения с целью выявления типичных функциональных приемов создания фантастического хронотопа.

В 1835 году В.Г. Белинский в статье «О русской повести и повестях г. Гоголя» термину «*фантастическая повесть*» дал общеупотребительную трактовку: фантастическое отображение действительности приравнивалось к понятию мистического, сверхъестественного, потустороннего но, по мнению критика, соединенного «с ложным фантастическим» [1, с. 101]. Одновременно в русском литературоведении этого периода существовал и другой подход в определении понятия «*фантастика*»: О.И. Сенковский, автор «Фантастических путешествий барона Брамбеуса» (1835), фантастический элемент повествования отнес к отдельному художественному приему создания определенной занимательной формы – «литературной или общественной, очень неглубокой сатиры» [2, с. 135].

Дальнейшее исследование жанрового своеобразия русских повестей 20–30-х годов XIX века позволило ученым выделить одну существенную особенность фантастической повести. Так, Н.В. Измайлов пишет: «Необходимым условием, лежащим в основе фантастики этого периода, и, следовательно, фантастической повести, является представление, априорно или в силу философско-религиозного мировоззрения принятое автором (как его искреннее убеждение или как литературный прием – это уже другой вопрос, далеко не всегда разрешимый и не всегда имеющий определяющее значение), представление, получившее название *двоемрия*. Оно заключается в том, что якобы независимо от видимого и воспринимаемого человеком мира, независимо от окружающей его действительности и как бы за ней, за ее пределами, существует иной недоступный чувственному восприятию и не постигаемый

разумом сверхъестественный, «потусторонний» мир. Этот второй, «иной» мир может оказывать (и оказывает) таинственное и в конечном счете губительное влияние на человека, его судьбу и окружающую его действительность, по временам вторгаясь в человеческую жизнь» [2, с. 135].

Отношение А.С. Пушкина к фантастической тематике было весьма своеобразным. Н.В. Измайлов справедливо замечает: «Рационалист по своему мышлению и мировосприятию, Пушкин не был расположен к мистике, к признанию «двоемирия», к вере в возможность участия потусторонних, сверхъестественных сил в человеческой жизни. Но как поэт и человек своего времени, притом с ранних лет знакомый с народными поверьями (и суевериями), он придавал большое значение приметам, хорошим и дурным, вещим снам, предчувствиям и предзнаменованиям. О своей вере в приметы он не раз говорит в письмах...» [2, с. 156].

«Пиковая дама» А.С. Пушкина до сих пор остается одним из самых таинственных и дискуссионных произведений. В печати она появилась в 1834 году и сразу вызвала бурные споры: «Каждая сюжетная линия, как и весь психологический процесс, переживаемый Германом, от зарождения до кризиса, развиваются в ней планомерно, не оставляя, как кажется, места для фантастики» [2, с. 157]. Но позднейшие исследования истории создания произведения, художественных образов, соотношения реального и ирреального планов повествования не дали однозначного ответа: «фантастическая» или «нефантастическая повесть» А.С. Пушкина «Пиковая дама» (Г.А. Гуковский).

Так, М.О. Гершензон исследовал психологизм пушкинской повести и отрицал всякие *фантастические мотивировки* поведения персонажей. А.Л. Слонимский настаивал на «*фантастической фабуле*» произведения, мотивируя *фантастическую концовку* «Пиковой дамы», которая и определила весь *фантастический характер* повести. В.В. Виноградов и Д.П. Якубович посредством изучения «символики карт», «кабалистики игры», «значения рока и судьбы в азартной игре» пришли к выводу о том, что фантастика – неотъемлемый элемент сюжета пушкинского повествования. «Н.Л. Степанов, отрицая влияние Гофмана на Пушкина в «Пиковой даме» (в чем он несомненно прав), – пишет Н.В. Измайлов, – отрицает и самую фантастику повести вследствие присущих ей реальных и психологических мотивировок» [2, с. 160].

Подводя итог литературоведческим дискуссиям, Н.В. Измайлов ссылается на цитату Ф.М. Достоевского: «... фантастическое в искусстве имеет предел и правила. Фантастическое должно до того соприкасаться с реальным, что вы должны почти поверить ему. Пушкин, давший нам почти все формы искусства, написал «Пиковую даму» – верх искусства фантастического. И вы верите, что Герман действительно имел видение, и именно соответствующее с его мировоззрением, а между тем в конце повести, т. е. прочтя ее, вы не знаете, как решить: вышло ли это видение из природы Германа или действительно он один из тех, которые соприкоснулись с другим миром, злых и враждебных человечеству духов. Вот это искусство!» [2, с. 160].

Современный школьный энциклопедический словарь (1999) обсуждение проблемы «реального и ирреального в пушкинской повести» переносит в плоскость соотношения других понятий (случайность, необходимость, закономерность). «Сюжет повести основан на игре случайности и необходимости, закономерности. В соответствии с этим каждый из героев связан с определенной темой: Германн (фамилия, а не имя!) – с темой социальной неудовлетворенности, графиня Анна Федоровна – с темой судьбы, Лизавета Ивановна – с темой социального смирения, Томский – с темой незаслуженного счастья...»

Тема случайного социального успеха в своей закономерности лишена рациональной основы. Случай выступает как некая закономерность, а закономерность проявляется как случай, который принимает характер социального автоматизма» [3, с. 197].

А.С. Пушкин в повести «Пиковая дама» сам подталкивает читателей и исследователей-литературоведов к дальнейшим поиском ответа на вопрос, что такое «фантастика», когда при неизвестном стечении обстоятельств вершится судьба его героев: *«Она выбрала три карты, поставила их одну за другою: все три выиграла ей соника, и бабушка отыгралась совершенно:*

– Случай! – сказал один из гостей.

– Сказка! – заметил Германн» [4, с. 190].

Список использованных источников

1. Белинский, В.Г. О русской повести и повестях г. Гоголя / В.Г. Белинский // В.Г. Белинский. Собрание сочинений: в 3 т.; Под общ. ред. Ф.М. Головенченко. – М.: ОГИЗ, 1948. – Т. 1.: Статьи и рецензии 1834 – 1841. – С. 100 – 148.

2. Измайлов, Н.В. Фантастическая повесть / Н.В. Измайлов // Русская повесть XIX века. История и проблемы жанра; Под ред. Б.С. Мейлаха. – Л.: Наука, 1973. – С. 134–169.

3. А.С. Пушкин. Школьный энциклопедический словарь / Сост. В.Я. Коровин, В.И. Коровин; Под ред. В.И. Коровина. – М.: Просвещение, 1999. – 776 с.

4. Пушкин, А.С. Пиковая дама / А.С.Пушкин // А.С. Пушкин. Сочинения: в 3 т. – Минск.: Маст. літ., 1987.– Т.3.: Проза. – С. 188 –211.

ЮРЫДЫЧНАЕ АФАРМЛЕННЕ ДАЧНЫХ ТАВАРЫСТВАЎ У БССР У 1944–1991 гг.

І. І. Лубінскі

(Беларускі дзяржаўны медыцынскі ўніверсітэт)

Дача як заградны аб’ект для адпачынку гараджан стала неад’емнай часткай жыцця беларускага грамадства. Для многіх беларусаў сярод такіх важных прыярытэтаў штодзённай рэчаіснасці, як “дом”, “праца”, “сям’я” дача займае часта не апошняе месца. Аднак гэта адносна нядаўняя з’ява. Пра дачы, іх з’яўленне і развіццё ў Беларусі ў гістарычнай літаратуры няшмат напісана. Гэта звычайна асобныя абзацы у некаторых працах [5, с. 68]. Дачы больш разглядаліся ў савецкі час ў асобных даследаваннях па праву, якія, аднак, увагу звяртаюць звычайна на агульнарасійскія дадзеныя [1, 15]. Таму вывучэнне дачнага пытання ў БССР застаецца белаю плямай у нашай гістарыяграфіі.

Прававы аспект развіцця дачнага руху ў БССР можна прасачыць па асноўных законах, што датычыліся землекарыстання – зямельных кодэксаў БССР. У Кодэксе 1927 г. няма прамых згадак пра такую магчымасць землекарыстання як дачныя ўчасткі. А ўжо ў Зямельным Кодэксе 1970 г. зафіксаваныя як дачна-будаўнічыя кааператывы, так і калектыўнае садаводства і агародніцтва [2, с. 23, 4, с. 153]. Кодэкс аб зямлі 1990 г. фіксуе як дачныя ўчасткі, так і індывідуальнае і калектыўнае садаводства, агародніцтва і жывёлагадоўлю [3, с. 35–36].

У Савецкім Саюзе ўлады стараліся рэгламентаваць любыя формы жыццядзейнасці людзей і дачны рух не стаў выключэннем. Дачнае будаўніцтва рэгламентавалася як пастановамі СНК, а пазней Савета Міністраў (далей СМ) СССР, так і агульнымі нормамаі заканадаўства БССР.

У даваенным СССР дачная маёмасць разглядалася як спосаб узнагароджання за асаблівыя заслугі перад савецкай уладай. Аднак не знік, а нават пашыраўся ў сувязі з недахопам сельскагаспадарчай прадукцыі ў гарадах і агародніцкі прамысел шырокіх слаёў гараджан. Савецкая ўлада часам заахвочвала рабочых да такіх заняткаў, нават 25 снежня 1933 г. была прынята пастанова СНК СССР аб пашырэнні агародніцтва ў асобных рэгіёнах Савецкага Саюза для працы на іх уласнаручна ў свабодны ад вытворчасці час [11]. Індывідуальныя рабочыя агароды разглядаліся як адзін з фактараў паляпшэння матэрыяльных і бытавых умоў рабочых і замацавання іх за прадпрыемствамі [16, с. 4]. Такія агароды можна было атрымаць толькі тым, хто не валодаў іншымі надзелямі зямлі. У далейшым гэта норма заўсёды захоўвалася ў савецкім заканадаўстве і аддзяляла гаспадароў прысядзібных участкаў ад іншых

грамадзян. Аднак Савецкая Беларусь у гэтым дакуменце не ўзгадваецца. Даваенная БССР уяўляла сабой сельскагаспадарчую рэспубліку і таму многія жыхары гарадоў не былі гараджанамі ў вузкім сэнсе гэтага слова, бо валодалі прысядзібнымі ўчасткамі, дзе ў свабодны час забяспечвалі сям'ю прадуктамі харчавання. Ды і суцэльная калектывізацыя павінна была знішчыць любыя формы ўласнасці на зямлю. Тым не менш менавіта гэтыя матывы сталі дамінуючымі ў дачыненні да гараджан ужо ў пасляваенны час.

Дачны рух у нашым грамадстве цесна звязаны з паскарэннем урбанізацыйных працэсаў у БССР пасля заканчэння Вялікай Айчыннай вайны. Для ліквідацыі наступстваў ваенных дзеянняў і адбудовы гарадоў, аднаўлення і развіцця прамысловасці ў БССР прыцягваліся каласальныя матэрыяльныя і людскія рэсурсы. Аднак павелічэнне колькасці гарадскога насельніцтва не суправаджалася паліпшэннем умоў жыцця гараджан. Асабліва адчуваўся недахоп прадуктаў, ежы для шырокіх слаёў гарадскога насельніцтва. І адным з выхадаў з такой складанай сітуацыі стала пашырэнне агародніцтва і сававодства ў БССР сярод гарадскіх жыхароў.

У пасляваенны час працягвалася раздача зямельных участкаў у тым ліку і для індывідуальнага дачнага будаўніцтва найбольш заслужаным перад дзяржавай людзям, дзяржслужачым, генералам і афіцэрам Чырвонай арміі. У 1945 г. у пастанове СМ СССР ад 21 чэрвеня 1945 г. афіцэрам і генералам Чырвонай арміі давалася магчымасць дачнага будаўніцтва, генералы маглі атрымаць больш за гектар зямлі для жыллёвага ці дачнага будаўніцтва, афіцэры – да 75 сотак. Таксама арганізоўвалася дастаўка будматэрыялаў, выдаваліся пазыкі, адмяняліся падаткі на зямлю, а пабудаваныя дамы маглі перайсці ва ўласнасць пасля выплаты пазыкі [12]. Аднак пастанова СМ СССР ад 30 снежня 1960 г. спыняла адвод участкаў пад індывідуальнае дачнае будаўніцтва. Забараняўся гандаль дачнымі ўчасткамі. Хто раней атрымаў участак, то за ім ён заставаўся [10]. Гэтыя меры павінны былі спыніць не ўласцівыя сацыялізму тэндэнцыі пашырэння індывідуальнага землекарыстання.

Сацыялістычнае будаўніцтва прадугледжвала дамінаванне калектывных форм уласнасці, і таму дачнае пытанне вырашалася на калектывнай аснове. Гэта маглі быць ці дачныя кааператывы, у якія ў пасляваенны час маглі ўступіць даволі шырокія слаі насельніцтва, так і калектывнае сававодства і агародніцтва для максімальнай колькасці гараджан. Асноўнай перашкодай для атрымання зямлі ў тым ці іншым таварыстве была наяўнасць прысядзібных участках. Таму дачнікам мог стаць толькі сапраўдны савецкі гараджанін, часам жыхар рабочага ці гарадскога пасёлка.

Два напрамкі развіцця дачнага руху ў пасляваенны час – дачна-будаўнічыя кааператывы і калектывнае сававодства і агародніцтва, увесь час разглядаліся асобна. Прымаліся асобныя пастановы, былі розныя памеры і дазволы, аднак у масавай свядомасці тэрмін “дача” стаў абагульняць існуючыя з'явы. З разумення дачы як даволі прэстыжнай маёмасці дачныя і садовыя ўчасткі сталі неабходнасцю для большасці гараджан, загарадным жыллём у летні перыяд, фактычна адзінай магчымасцю працаваць для гарадскіх пенсіянераў, месцам працы ў выходныя дні для рабочых і служачых. Таму розныя прававыя рэжымы некаторыя стараліся абыходзіць, будуючы на агародных участках домікі, на садовых участках забароненыя законам гаражы, лазні ці разбудоўваючы да незаконных памераў садовыя домікі, незаконна пашыраючы ўчасткі [13].

Асаблівая ўвага на калектывнае дачнае будаўніцтва звяртаецца ў пастанове СМ СССР ад 20 сакавіка 1958 года, дзе даволі падрабязна рэгламентавалася стварэнне і дзейнасць дачна-будаўнічых кааператываў (далей ДБК). Дадзеным актам прадугледжвалася, што ДБК арганізуюцца па хадайніцтвах прадпрыемстваў, устаноў і арганізацый і рэгіструюцца выканкамамі мясцовых Саветаў. Усе зямельныя ўчасткі пад

будаўніцтва дач выдаваліся грамадзянам пасля выплаты пая на аснове членства ў ДБК. Пры гэтым членам кааператыва забаранялася перадаваць дачу іншым асобам [6]. Такім чынам меркавалася спыніць любыя спекуляцыйныя дачнымі ўчасткамі.

Усе ДБК ствараліся па вытворчай прыкмеце і кантраляваліся тымі мясцовымі Саветамі, да якіх належала прадпрыемства. Зямля пад будаўніцтва адводзілася на тэрыторыях звычайна іншых сельскіх Саветаў і фактычна выводзілася з-пад іх юрысдыкцыі. Такім чынам горад “пранікаў” у вёску.

Да 1958 г. ствараліся ДБК і праз адкрытае індывідуальнае членства, аднак у далейшым яны знікаюць і саступаюць месца “вытворчым” кааператывам. Зразумела, што так зручней кантраляваць дзейнасць ДБК, яе асобных удзельнікаў. Паводле заўваг даследчыкаў, такім чынам работнікі прадпрыемстваў не адрываліся ад працоўнага калектыву [14, с. 61]. Як правіла, дачы будаваліся па тыпавых праектах, аднак пайшчыкі маглі ва ўстаноўленым парадку зацвердзіць і індывідуальныя праекты дачных дамоў.

Гэты парадак дзейнічаў да знікнення БССР і стаў своеасаблівым палепшаным варыянтам дачы. Большасць гараджан не маглі сабе дазволіць такія сур’ёзныя грашовыя ўкладанні, ды і не для ўсіх удзел у ДБК быў магчымы.

Для шырокіх слаёў насельніцтва савецкія ўлады прапаноўвалі калектыўнае агародніцтва і садаводства. Адным з першых нарматыўных актаў, што рэгламентавалі такую форму землекарыстання, стала пастанова СМ СССР ад 24 лютага 1949 г. Часцей за ўсё для агародніцтва і садаводства адводзіліся гарадскія землі, землі ляснога фонду, землі адводу аўтадарог і чыгункі. Гэта рабілася для зручнасці садаводаў і агароднікаў, каб тыя змаглі хутчэй дабрацца да сваіх надзелаў.

Зноў, як і з дачнымі кааператывамі, працаваў “вытворчы” спосаб, а ўжо прадпрыемствы, установы, арганізацыі і воінскія часткі заключалі дамовы з мясцовымі распарадчымі органамі на карыстанне зямлёй.

Цікавай нормай выглядае загад прадпрыемствам арганізаваць выпуск прылад для ручной працы – рыдлёвак, грабляў, матык і г. д. [7]. У той час, калі будаваўся трактарны завод у Мінску, адбывалася вяртанне да матыжнага земляробства, што сведчыць пра супярэчнасці і непаслядоўнасць палітыкі савецкіх улад у дачыненні да сельскагаспадарчай вытворчасці. Пры гэтым самі ўдзельнікі таварыства павінны былі распрацаваць участак, высекчы дрэвы і кусты.

Калектыўнае агародніцтва ў першыя пасляваенныя гады стала адной з нешматлікіх магчымасцяў выжыць для гарадскога насельніцтва. Колькасць тых, хто карыстаўся такой магчымасцю, вырасла за першае пасляваеннае пяцігоддзе з 202 346 у 1945 г. да 366 925 чалавек у 1950 г., а плошча пасеваў з 23125 га да 53985 га. [5, с. 61] У наступныя гады агародніцтва скарачалася і саступала месца садаводству.

У Зямельным Кодэксе БССР 1970 г. таксама фіксуецца наяўнасць калектыўнага агародніцтва і садаводства [2, с. 23]. З улікам паправак на 1978 г. можна заўважыць істотную розніцу паміж агародніцтвам і садаводствам. Для агародніцкіх кааператываў выдзяляліся землі сельскагаспадарчага прызначэння, а для садаводства такія землі можна было атрымаць у парадку выключэння, бо асноўнай крыніцай лічыліся землі дзяржаўнага запаса, а таксама лясны фонд. Садаводскае таварыства выгадна адрознівалася ад агародніцкага магчымасцю пабудовы садовага доміка. Таму пасля 1949 г. пачалося, а асабліва пасля пастановы СМ СССР ад 14 верасня 1977 г. [8] пашырылася будаўніцтва на выдзеленых участках домікаў. Гэта таксама фіксуецца ў змяненнях да Зямельнага Кодэкса. У пералік дазволенага відаў дзейнасці таксама трапіла сядзібная жывёлагадоўля (птушка і трусы), а таксама пчалярства [5, с. 91–92].

Далейшае рэгламентаванне калектыўнага агародніцтва і садаводства назіраецца ў пастановах СМ СССР ад 26 снежня 1984 г. і ад 15 мая 1986 г. У гэтых дакументах

выказваецца занепакоенасць парушэннем дачнага заканадаўства, напрыклад, парушэнні пры адводзе зямлі, самавольны захоп участкаў, замест садовых домікаў часам будуецца асабнякі. Таксама гэта пастанова яшчэ раз удакладняла памеры садовых участкаў – ад 0,04, да 0,06 га, памеры агародніцкіх участкаў аддаваліся на зацвярджэнне ў саюзныя рэспублікі. Цікавай выглядае заўвага пра цэнтралізаваныя закупкі лішкаў прадукцыі непасрэдна на месцы, бо памеры ўчасткаў і зацвярджаліся для таго, каб лішняй прадукцыі не было, каб участак мог пракарміць сям'ю з 4 чалавек [9].

Пастанова СМ СССР ад 15 мая 1986 г. удакладняла ўмовы забеспячэння будаўніцтва садовых домікаў, а таксама давала магчымасць дабраахвотнай бясплатнай перадачы лішкаў сельгаспрадукцыі ад саадаваў для дамоў-інтэрнатаў, дзіцячых дамоў і садкоў [13]. Падобная норма дзейнічала для калгасаў і саўгасаў, аднак там працавалі трактары і камбайны, а на садовых участках часцей за ўсё выкарыстоўвалася ручная праца.

Да перабудовы савецкія ўлады як маглі стрымлівалі маёмасныя настроі грамадзян. Аднак і садовыя домікі і ўласна дачы сталі настолькі звычайнай з'явай, што ўспрымаліся многімі як нармальнае жыллё. Ды і ўчасткі, засвоеныя да гэтага часу, часта станавіліся ў разуменні савецкага чалавека асабістым кавалкам свабоды ад савецкай рэчаіснасці. Палітыка перабудовы і ў далейшым развал Савецкага Саюза сталі лагічным штуршком да пашырэння такой формы валодання маёмасцю як дачы. Ды і эканамічныя цяжкасці пачатку 1990 г. вымусілі людзей больш разлічваць на свае сілы, чым на слабую дзяржаву. Гэтая тэндэнцыя стала відавочнай і для ўлады, што бачна з апошняга Кодэкса БССР аб зямлі 1990 г. Згодна з дакументам, павялічваецца памер участка для саадаводства і агародніцтва да 0,1 га, што становіцца роўным дачнаму ўчастку. З'яўляецца магчымасць атрымаць і большы ўчастак. Таксама дадаткова вылучаецца жывёлагадоўчае таварыства. На кожны ўчастак стала магчымым атрымаць Дзяржаўны акт на пажыццёвае карыстанне [3]. Можна меркаваць, што згаданыя ўмовы пры захаванні СССР маглі б знайсці сваё месца ў абноўленай савецкай сістэме. Аднак развал Савецкага Саюза значна пашырыў магчымасці для развіцця дачнага руху, які ахапіў многіх з тых, што пры савецкай уладзе не хацелі, не мелі магчымасці займацца дачнымі справамі.

Пастановы Савета Міністраў СССР, зямельныя кодэксы БССР сталі асноўнай прававой базай для пашырэння ў Беларусі такой з'явы як “дача”. Менавіта ў гэты час дачы сталі неад'емнай часткай жыцця беларускага грамадства. Закананадаўчыя нормы не столькі давалі штуршок дадзенаму працэсу, колькі часта як бы абмяжоўвалі яго, стараючыся стрымаць прыватніцкія імпульсы насельніцтва. Наяўнасць дачы сведчыла аб стабільнасці сям'і яшчэ з першых пасляваенных гадоў, калі калектыўныя агароды дазвалялі гараджанам выжыць.

У далейшым заўважным становіцца матыў выкарыстання дачных участкаў для развіцця сямейнай гаспадаркі, будаўніцтва дадатковага жылля і іншых патрэбных пабудов. Дача дазваляла чалавеку расслабіцца ад сацыялістычнага будаўніцтва, станавілася пэўным аплотам свабоды. Гэта заўважаецца і ў заканадаўстве, дзе выказваецца пераасцярога паглыння савецкага чалавека праз дробнаўласніцкія пажаданні, небяспека для сацыялістычнага развіцця грамадства. Тым не менш станаўленне дачных таварыстваў, пашырэнне такой формы землекарыстання сведчаць пра тое, што гэтыя працэсы цяжка было стрымаць з дапамогай заканадаўства. А са зменамі ў дзяржаве адбылася і паступовая адмова ад абмежаванняў для дачнай дзейнасці.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. Гражданско-правовой режим дачных, садовых и огородных земельных участков: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук: 12.00.03 / Чикильдина Анна Юрьевна. – Волгоград, 2010. – 28 с.

2. Зямельны кодэкс Беларускай ССР. – Мінск : Беларусь, 1971. – 144 с.
3. Кодэкс Беларускай ССР аб зямлі = Кодекс Белорусской ССР о земле : прыняты на трэцяй сес. Вярхоўнага Савета БССР дванацатага склікання 11 снеж. 1990 г. (са змян. і дап. Ад 15 лют. 1991 г.). – Мінск : Беларусь, 1991. – 127 с.
4. Коментарый к Зямельному кодексу Белорусской ССР. – Минск : Беларусь, 1978. – 223 с.
5. Михайлов, А. М. Профсоюзы Белоруссии в борьбе за выполнение четвертой пятилетки в области промышленности / А. М. Михайлов. – Минск : Изд-во М-ва высш., сред. спец. и проф. образования БССР, 1961. – 129 с.
6. О жилищно-строительной и дачно-строительной кооперации [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров СССР, 20 марта 1958 г., N 320 // Библиотека нормативно-правовых актов Союза Советских Социалистических Республик. – Режим доступа: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_5265.htm – Дата доступа: 09.02.2018.
7. О коллективном и индивидуальном огородничестве и садоводстве рабочих и служащих [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров СССР, 24 февраля 1949 г., № 807 // Библиотека нормативно-правовых актов Союза Советских Социалистических Республик. – Режим доступа: http://libussr.ru/doc_ussr/ussr_4736.htm – Дата доступа: 09.02.2018.
8. О личных подсобных хозяйствах колхозников, рабочих, служащих и других граждан и коллективном садоводстве и огородничестве [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров СССР, 14 сентября 1977 г., № 843 // Библиотека нормативно-правовых актов Союза Советских Социалистических Республик. – Режим доступа: http://libussr.ru/doc_ussr/ussr_9425.htm – Дата доступа: 09.02.2018.
9. О мерах по дальнейшему развитию коллективного садоводства и огородничества [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров СССР, 15 мая 1986 г., N 562 // Сейчас.ру. – Режим доступа: https://www.lawmix.ru/docs_ccsr/1775 – Дата доступа: 09.02.2018.
10. Об индивидуальном строительстве дач [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров СССР, 30 декабря 1960 г., N 1346 // Библиотека нормативно-правовых актов Союза Советских Социалистических Республик. – Режим доступа: http://libussr.ru/doc_ussr/ussr_5639.htm – Дата доступа: 09.02.2018.
11. О развёртывании индивидуального рабочего огородничества [Электронный ресурс] : постановление Совета народных комиссаров СССР, 25 декабря 1933 г., N 2758 // Исторические материалы. – Режим доступа: <http://istmat.info/node/39198> – Дата доступа: 09.02.2018.
12. Об улучшении жилищных условий генералов и офицеров Красной Армии [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров СССР, 21 июня 1945 г., N 1466 // Библиотека нормативно-правовых актов Союза Советских Социалистических Республик. – Режим доступа: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_4544.htm – Дата доступа: 09.02.2018.
13. Об упорядочении организации коллективного садоводства и огородничества [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров СССР, 29 декабря 1984 г., N 1286 // Библиотека нормативно-правовых актов Союза Советских Социалистических Республик. – Режим доступа: http://libussr.ru/doc_ussr/ussr_12465.htm – Дата доступа: 09.02.2018.
14. Подсобное хозяйство предприятия. Садоводческое товарищество: сб. ст. / Сост. А. С. Давыдов, Г. И. Тарасов. – М. : Профиздат, 1987. – 125 с.
15. Правовое положение садоводческих, огороднических и дачных некоммерческих объединений граждан: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук: 12.00.03 / Бутовецкий Алексей Игоревич. – Москва, 2010. – 31 с.
16. Советин Н.И. Индивидуальное рабочее огородничество и задачи, стоящие перед ним в 1936 году / Н.И. Советин. – 1936 г. – 20 с.

МАРАЛЬНАЕ Выхаванне дзяцей старэйшага школьнага ўзросту ў музейнай прасторы сродкамі культурна-адукацыйнай праграмы “Музей – дзецям”

В. І. Мазалеўскі

(Нацыянальны гісторыка-культурны музей-запаведнік “Нясвіж”)

Развіццё адукацыйнай дзейнасці музея на сучасным этапе звязана з пераасэнсаваннем выкарыстання традыцыйных форм работы з наведвальнікамі, а таксама прадугледжвае актыўнае прымяненне ў музейнай прасторы педагогічных тэхналогій. Педагогічныя тэхналогіі з’яўляюцца адначасова і мадэллю рэалізацыі адукацыйнай практыкі музея, якая адкрывае магчымасць для фарміравання цэлага

педагогічнага накірунку ў сферы адукацыі. Унутры гэтай галіны фарміруюцца заснаваныя на адпаведных тэхналогіях культурна-адукацыйныя праграмы, разлічаныя на засваенне школьным настаўнікам у творчым супрацоўніцтве з музейным педагогам з мэтай выхавання маральна развітай асобы [4, с. 170].

Культурна-адукацыйная праграма для дзяцей старэйшага школьнага ўзросту вырашае цэлы комплекс задач – ад выхавання маральна развітай асобы да атрымання ведаў па гісторыі і культуры. Культурна-адукацыйная праграма павінна фарміраваць гістарычную свядомасць падлетка, навыкі асэнсаванага ўдзелу ў дакументаванні гісторыі прыроды грамадства, што спрыяла б выпрацоўцы навуковага светапогляду і творчай актыўнасці [1, с. 63].

Неабходна адзначыць значнасць у гэтым працэсе інтэрактыўных музейных тэхналогій, якія дазваляюць узбагаціць новым зместам лекцыі, экскурсіі, выставы, семінары і інш.

Забяспечваючы паэтапнае і паслядоўнае развіццё маральных якасцяў у асобы, музейна-педагогічная праграма з’яўляецца асновай мадэлявання сістэмы ўзаемадзеяння музея і адукацыі. Пры гэтым распрацоўка праграмы вызначаецца:

- мэтай стварэння праграмы і яе задачамі;
- адрасам (на якую аўдыторыю яна разлічана);
- зместам;
- формамі, сродкамі і метадычнымі прыёмамі, прапанаванымі для рэалізацыі праграмы;
- тэрмінамі ажыццяўлення праграмы;
- ацэнкай эфектыўнасці.

У музейнай практыцы тыпалагізацыя культурна-адукацыйных праграм вызначаецца профільнай спецыфікай музея і яго экспазіцыйнымі і інфраструктурнымі магчымасцямі – ад іх залежыць пастаноўка мэтай і задач [5, с. 226].

Цікавым прыкладам удзелу ў гэтым працэсе валодае Нацыянальны гісторыка-культурны музей-запаведнік “Нясвіж”, які распрацаваў культурна-адукацыйную праграму “Музей – дзецям”, арыентаваную на маральнае і патрыятычнае выхаванне, у большасці сваёй, дзяцей старэйшага школьнага ўзросту. Гэты прадукт з’яўляецца вынікам супрацоўніцтва музейных работнікаў і педагогаў. Ён уяўляе сабой праграму насычаную інтэрактыўнымі тэхналогіямі, якая скіравана на ўзбагачэнне навучальнага працэсу падлеткаў, узмацняючы нагляднасць навучання і развіваючы творчую актыўнасць.

Мэта культурна-адукацыйнай праграмы – сфарміраваць стаўленне да музея як да месца, дзе захоўваецца гістарычная і культурная спадчына. Тым самым, падчас знаёмства падлетка з музеем аўтары праграмы робяць акцэнт на фарміраванні гістарычнай свядомасці.

Гэты акцэнт знайшоў сваё адлюстраванне і ў структуры культурна-адукацыйнай праграмы “Музей – дзецям”, якая складаецца з блока тэарэтычных матэрыялаў (у іх разглядаюцца магчымасці партнёрства музея – школа і метадыка правядзення заняткаў), а таксама чатырох тэматычных блокаў “Пазнавальны”, “Развіваючы”, “Інтэлектуальны” і “Вольны час”. Кожны з блокаў уключае распрацоўкі некалькіх узаемазвязаных праектаў.

Напрыклад, тэматычны блок “Інтэлектуальны” складаецца з двух праектаў: інтэлектуальнай гульні “Кубак Старога замка” і алімпіяды па гісторыі горада Нясвіжа “Мой горад – маё каханне”. Праекты арыентаваныя на развіццё інтэлекту ў моладзі і закліканы забяспечыць вопыт каштоўнаснага перажывання, якое захопляе яго асобу цалкам [2, с. 40].

Дзякуючы шырокім метадычным дадаткам да блокаў, праграма дае настаўніку большую свабоду выкарыстання прапанаванага матэрыялу.

Праграма “Музей дзецям” мае шматузроўневую структуру, тым самым вырашае задачы, якія на першым этапе ўключаюць выхаванне якасцяў маральна развітай асобы, а таксама атрыманне ведаў па гісторыі і культуры.

У цэлым на аснове вышэйадзначаных задач культурна-адукацыйная праграма “Музей дзецям” дае магчымасць падлетку набыць наступныя веды і ўменні:

- фармуляванне самастойных меркаванняў;
- асэнсаванне мастацкіх дасягненняў грамадства;
- творчае ўспрыманне навакольнага свету.

Інтэграцыя праграмы ў школьны вучэбна-выхаваўчы працэс абспіраецца на інтэнсіўнае і плённае супрацоўніцтва музейных супрацоўнікаў з настаўнікамі і адміністрацыяй школ.

Кожны з названых блокаў уяўляе сабой унутрана завершаную частку і можа быць рэалізаваны самастойна. Разам з тым, дзейнасць культурна-адукацыйнай праграмы “Музей – дзецям” значна павялічваецца пры паслядоўным выкарыстанні ўсіх яе раздзелаў на аснове пераемнасці.

Укараненне праграмы “Музей – дзецям” паказала, што цэласна адлюстроўваючы свет музейнай культуры, яна стала крыніцай педагагічных інавацый у сістэме адукацыі. Гэта не выпадкова, бо ў яе аснове ляжыць міждысцыплінарны праект, які аб’яднаў на базе Нацыянальнага гісторыка-культурнага музея-запаведніка “Нясвіж” псіхалагаў, мастацтвазнаўцаў, музейных педагогаў, мастакоў і практыкаў устаноў адукацыі. Гэта інтэграцыя не толькі больш выразна выяўляе спецыфіку кожнага з іх, але і дае магчымасць вызначыць шэраг праблем, якія адкрываюць новы этап дадзенай мадэлі. У іх ліку, перш за ўсё, назавём суадносіны прафесійнай свядомасці музейнага і школьнага педагогаў, якія вызначаюцца складанасцю адаптацыі настаўніка да прасторы музея. Дадзеная акалічнасць ставіць пытанне аб неабходнасці прафесійнай падрыхтоўкі музейнага педагога – спецыяліста, здольнага прадуктыўна працаваць як у музеі, так і ў школьным асяроддзі.

Абагульняючы сказанае, адзначым, што культурна-адукацыйная праграма “Музей – дзецям” была пабудавана ў адпаведнасці з педагагічнымі прынцыпамі, адказвае надзённым патрабаванням айчыннай сістэмы адукацыі ў сферы культуры, таму што яна:

- распрацавана на аснове канцэпцыі педагагічнага ўзаемадзеяння музея і сістэмы адукацыі;
- сістэмная ў сваіх задачах, арыентаваных на ўзроставую спецыфіку навучэнцаў (дзедзі старэйшага школьнага ўзросту);
- арыентавана на творчае ўзаемадзеянне музейнага педагога і настаўніка і яго курсавую падрыхтоўку ў музеі, якая дае магчымасць стаць ініцыятарам і арганізатарам зносін падлетка з музеем;
- арыентавана на перспектыву шматгадовай рэалізацыі, бо пабудавана на вывераных дыдактычных прынцыпах;
- патэнцыйна інтэграваная, бо валодае шырокімі магчымасцямі для інтэграцыі з агульнаадукацыйнымі прадметамі;
- забяспечана вучэбна-метадычным комплексам для рэалізацыі музейна-педагагічнага працэсу.

Разглядаючы культурна-адукацыйную праграму “Музей – дзецям” у кантэксце інавацыйнай практыкі і метадыкі адукацыйнай дзейнасці Нацыянальнага гісторыка-культурнага музея-запаведніка “Нясвіж”, адзначым, што яе асноўныя палажэнні выведзеныя з аналізу гісторыі адукацыйнай дзейнасці беларускіх і замежных музеяў.

У ёй актуалізаваны ідэі А. Ліхтварка, Р. Кершэнштайна, Б. Гілмана, А. Бакушынскага, Н. Раманава і іншых навукоўцаў, якія бачылі ў музеі асяроддзе, якое валодае высокай каштоўнасцю для развіцця маральных якасцяў у дзяцей старэйшага школьнага ўзросту.

Разам з тым культурна-адукацыйная праграма “Музей дзецям” адлюстроўвае ўстаноўкі, іманентныя музею як сацыякультурнаму інстытуту, а прыналежнасць яе Нацыянальнаму гісторыка-культурнаму музею-запаведніку “Нясвіж” адлюстроўвае яго вялікі ўклад у эвалюцыю музейнай педагогікі. Адна з асноўных праблем адукацыйнай работы музея-запаведніка, тэматызуецца як “Маральнае выхаванне моладзі”. У гэтым напрамку знаходзяцца і зыходныя сцвярджэнні, пакладзеныя ў аснову фарміравання культурна-адукацыйнай праграмы “Музей – дзецям”:

– агульначалавечыя каштоўнасці спасцігаюцца чалавекам дзякуючы высокаразвітай культуры бачання і разумення, дасягненню якой і служыць дадзеная праграма;

– станаўленню маральнай самасвядомасці вучняў і іх гатоўнасці да адкрытага дыялогу з культурамі розных народаў служыць тэматыка праектаў, якая была ўключана ў культурна-адукацыйную праграму “Музей – дзецям”;

– арганічнаму спалучэнню традыцый і сучаснасці спрыяе выкарыстанне ў праграме поруч з класічнымі інтэрактыўныя формы работы.

Праграма вырашае важнейшую задачу далучэння падростаючага пакалення да музейных каштоўнасцей. У яе рамках склалася паслядоўнасць пераемнасці дыялогу: музей – установа адукацыі – музей. Таму як заняткі ў музейнай экспазіцыі, так і аўдыторныя заняткі ў агульнаадукацыйных установах у роўнай меры ўмацоўваюць і актывізуюць удзел музея ў агульнапедагагічным працэсе па выхаванні маральнага развітай асобы. Пры гэтым практыка яе ўкаранення дазваляе вылучыць шэраг пазітыўных фактараў як для школьнага, так і для музейнага педагогаў.

Культурна-адукацыйная праграма “Музей – дзецям”, увасабляе ў сабе ўсведамленне сучасным музеем сваёй сацыяльнай адказнасці і ролі ў гарманізацыі грамадскіх адносін. Праграма стала крыніцай педагагічных інавацый у выхаванні маральна развітай асобы.

Дзякуючы сістэмнасці пабудовы і тыпалагічнасці педагагічных задач, а таксама варыятыўнасці модуляў прымянення і маніторынгу выніковасці, культурна-адукацыйная праграма “Музей – дзецям” надала супрацоўніцтву музея з навучальнымі ўстановамі ўзаемавыгадны, развіваючы, дынамічны, плануемы і гнуткі характар.

Такім чынам, культурна-адукацыйная праграма “Музей – дзецям”, распрацаваная на прынцыпах міждысцыплінарнасці, сістэмнасці і пераемнасці, стала не толькі мадэллю рэалізацыі сістэмы ўзаемадзеяння музея і адукацыі на ўсіх яе ўзроўнях, але і асновай для інавацыйнай практыкі адукацыйнай дзейнасці музея [3, с. 96].

Спіс выкарыстанай літаратуры

1. Ванслова Е.Г. Музейный всеобуч: научно-практические рекомендации Е.Г. Ванслова. – М.: НИИК, 1989.

2. Музей и образование: материалы для обсуждения / М.Б. Гнедовский, Н.Г. Макарова, Ю.М. Юхневич. – М.: ВНИК «Школа», 1989.

3. Музейная педагогика. Междисциплинарные диалоги: первая тетрадь. – СПб.: СпецЛит, 1998.

4. Столяров, Б.А. Концепция педагогического взаимодействия художественного музея и системы образования / Б.А. Столяров, А.Г. Бойко // Художественный музей в образовательном процессе. – СПб.: СпецЛит, 1998.

5. Столяров, Б.А. Педагогические аспекты образовательной деятельности музея: учебное пособие для музейных педагогов и студентов гуманитарно-художественных вузов. – СПб.: ГРМ, 2013.

ЗАВЯРШЭННЕ ПЕРШАЙ СУСВЕТНАЙ ВАЙНЫ І ФАРМІРАВАННЕ НОВЫХ МІЖНАРОДНЫХ КАНФЛІКТАЎ У ЦЭНТРАЛЬНА-УСХОДНЯЙ ЕЎРОПЕ

М. М. Мязга

(Гомельскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Ф. Скарыны)

З набліжэннем завяршэння Першай сусветнай вайны станавілася ўсё больш відавочным, што па яе выніках у рэгіёне Цэнтральна-Усходняй Еўропы адбудуцца значныя перамены. Германія і Аўстра-Венгрыя набліжаліся да свайго непазбежнага паражэння. Расія была істотна аслаблена з-за рэвалюцыйных падзей і грамадзянскай вайны. Яна вымушана была заключыць з краінамі Германскага блоку вельмі цяжкі Брэсцкі мір, у выніку чаго фактычна страціла статус вялікай дзяржавы. Рэальнай стала пагроза распаду трох вялікіх імперый рэгіёна, што павінна было прывесці да ўтварэння шэрагу новых незалежных дзяржаў. Краіны Антанты на завяршальным этапе вайны абвясцілі забеспячэнне права народаў на самавызначэнне. Ключавое значэнне для змянення карты Цэнтральна-Усходняй Еўропы мела польская праблема. У вядомых “14 пунктах” В. Вільсана гаварылася пра стварэнне незалежнай Польшчы, якая павінна была атрымаць выхад да мора, але ў сваіх этнічных граніцах. 3 чэрвеня 1918 г. лідары Францыі, Вялікабрытаніі і Італіі на сумеснай нарадзе заявілі, што “стварэнне адзінай і незалежнай Польшчы з выхадам да мора стварае адну з умоў трывалага і справядлівага міру і аднаўлення права ў Еўропе” [1, с. 26].

Аднаўленне незалежнасці Польшчы, якое ўяўлялася па выніках вайны непазбежным, ставіла пытанне аб яе граніцах. Барацьба Польшчы за свае граніцы па сутнасці павінна была стаць барацьбой за новую сістэму міжнародных адносін у Цэнтральна-Усходняй Еўропе. Польская палітычная эліта актыўна занялася распрацоўкай праблемы граніц з мэтай аднавіць незалежнасць Польшчы і імкнулася пры гэтым атрымаць належную падтрымку ад дзяржаў Антанты. Адзін з першых дакументаў, у якім былі сфармуляваны тэрытарыяльныя прытэнзіі польскай эліты – дэкларацыя Р. Дмоўскага да міністра замежных спраў Англіі А. Бальфура ад 30 сакавіка 1917 г. У ёй прапанавалася правесці ўсходнюю граніцу Польшчы па лініі Вільна, Дзвінск, Мінск, Пінск, Роўна, Камянец-Падольскі [2, с. 54, 56]. Р. Дмоўскі лічыў прапанаваны ім варыянт граніцы кампрамісным, бо значаная частка “гістарычнай Польшчы” павінна была застацца за межамі Польскай дзяржавы, але пры гэтым яна павінна была ўключыць тэрыторыі правінцыяў, дзе, згодна з яго меркаваннем, заходняя (польская) цывілізацыя пусціла глыбокія карані [3, с. 57]. На думку Р. Дмоўскага, стварэнне Польшчы ў граніцах 1772 г. адпавядала б інтарэсам усіх народаў Усходняй Еўропы, бо абараняла б іх ад нямецкай экспансіі. Але ён адзначаў, што Расія павінна ўтрымаць прыкладна тэрыторыі, якія яна атрымала па раздзелах Рэчы Паспалітай у 1772 і 1793 гадах, а ў склад Польшчы павінны былі ўвайсці губерні Ковенская, Віленская, Гродзенская, большая частка Мінскай, Валынь, два паветы Падольскай [4, с. 48–51]. Пры гэтым Р. Дмоўскі ў якасці аргумента на карысць уключэння беларускіх тэрыторый у склад Польшчы спасылаўся на нізкі ўзровень асветы беларусаў і адсутнасць у іх “выразна акрэсленых нацыянальных памкненняў” [5, с. 36].

27 мая 1918 г. на пасяджэнні ПНК абмяркоўвалася пытанне аб тэрыторыі будучай адроджанай Польшчы. Р. Дмоўскі выказаўся за падзел Беларусі з Расіяй. Па яго словах, калі Польшча захопіць усю Беларусь, то ўсё роўна не зможа яе асвоіць і пры гэтым сапсуе адносіны з Расіяй. Але аддаць усе беларускія тэрыторыі Расіі таксама немагчыма з пункту гледжання польскіх інтарэсаў. У той жа час ён адзначаў, што, “калі мы возьмем толькі частку яе, то трывала і з карысцю для сябе на ёй абаснуемся”. Стварэнне самастойнай Беларускай дзяржавы лічылася нявыгадным для Польшчы, бо яна хучэй за ўсё трапіла б пад чужы ўплыў, ці, калі б стала саюзнікам Польшчы, стварыла б для апошняй складаную знешнепалітычную сітуацыю [5, с. 128]. Больш

дэталёва да пытання аб граніцы Польшчы на ўсходзе ПНК звярнуўся на сваіх пасяджэннях 1–10 кастрычніка 1918 г. Асноўным дакладчыкам выступаў С. Грабскі. Ён прапанаваў пры вызначэнні ўсходняй мяжы Польшчы кіравацца прынцыпам, згодна з якім палякі павінны складаць большасць сярод насельніцтва адроджанай Польшчы і не менш чым за 57 %. Што датычыцца Беларусі, то С. Грабскі заявіў аб неабходнасці адстойваць прынцып, згодна з якім Беларусь у адносінах да Польшчы знаходзіцца “ў тых жа адносінах, што славакі да чэхаў” [5, с. 158]. Рашэнні ПНК па тэрытарыяльнаму пытання 8 кастрычніка 1918 г. былі даведзены да прэзідэнта ЗША В. Вільсана ў спецыяльным мемарыяле. У ім адзначалася, што Польшчы неабходна быць “моцнай дзяржавай”, пры гэтым мець дастаткова аднароднае насельніцтва, каб забяспечыць “унутраную злітнасць”. Тэрыторыя будачай Польшчы павінна была ўключаць на ўсход ад Каралеўства Польскага большую частку Віленскай губерні, Гродзенскую губерню, “дзе палякі ў большасці, або нязначнай меншасці”, большую частку Мінскай губерні, “якая ахоплівае Мінск, Слуцк, Пінск”. Астатнія беларускія землі “павінны былі вярнуцца да Расіі”. Каб апраўдаць адмову ад стварэння беларускай дзяржавы, у мемарыяле заяўлялася, што “беларусы ўяўляюць цалкам пасіўны расавы элемент. Сярод іх няма ніякага нацыяльнага руху...” [5, с. 161–163].

Лагер Ю. Пілсудскага па пытанні польскай усходняй граніцы на момант завяршэння Першай сусветнай вайны быў блізкі да пазіцыі эндэцыі, як гэта паказалі перамовы прадстаўніка ПНК С. Грабскага з Ю. Пілсудскім у Варшаве ў снежні 1918 г. 16 снежня С. Грабскі паведаміў ПНК, што на перамовах начальнік дзяржавы выказаўся за граніцу, якая павінна праходзіць па лініі Ула, Бярэзіна, Случ, Гарынь. Гэта было блізка да “лініі Дмоўскага” і азначала непасрэднае ўключэнне асноўнай часткі Беларусі, Літвы, Усходняй Галіцыі, часткі Заходняй Валыні ў склад Польшчы [5, с. 185]. Адзін з найбольш блізкіх паплечнікаў начальніка дзяржавы Л. Васілеўскі адзначаў, што “ў адносінах усходняй граніцы Пілсудскі ў цэлым пагаджаўся з лініяй, прапанаванай Дмоўскім” [6, с. 172].

У той жа час Ю. Пілсудскі вылучыў план стварэння федэрацыі Польшчы з тымі новымі незалежнымі дзяржавамі, якія павінны былі ўзнікнуць на заходніх ускраінах былой Расійскай імперыі, – Літоўска-Беларускай і Украінскай. Як справядліва адзначае польскі гісторык С. Мацкевіч, Пілсудскі тым самым хацеў аслабіць, адкінуць далёка на ўсход Расію праз яе разчлянненне і значна ўзмацніць пазіцыі Польшчы ў рэгіёне [7, с. 102]. Нам падаецца, што канцэпцыя федэрацыі была яшчэ і адказам Пілсудскага на прапагандуемы Антантай прынцып права нацыі на самавызначэнне, і мела на мэце прыкрыць імперыялістычную палітыку Польшчы ва ўсходнім напрамку. Некалькі пазней Ю. Пілсудскі пісаў: “Я казаў, што ісці гэтым шляхам здаецца мне немагчымым. ... Мы прыходзім са зброяй, што пярэчыць прынцыпу федэрацыі. Зрэшты, я тут не бачыў тых, хто гатовы быў уступіць у гэтую федэрацыю” [8, с. 66].

Рэалізацыя канцэпцыі федэрацыі павінна была выклікаць вялікія цяжкасці. Літоўцы ва ўмовах германскай акупацыі ўжо распачалі дзяржаватворчы працэс. 16 лютага 1918 г. Літва была абвешчана незалежнай дзяржавай са сталіцай у Вільне. Пра федэрацыю з Польшчай гаворка не ішла ў прынцыпе. Літва прад’яўляла прытэнзіі на значныя беларускія ў этнічным плане землі. Беларуская Народная Рэспубліка, Украінская Народная Рэспубліка, Закарпацкая Украінская Народная Рэспубліка таксама былі абвешчаны ў этнічных межах і ўключалі землі, якія польская палітычная эліта мела намер непасрэдна далучыць да Польшчы.

Праблематычным становіцца пытанне, у якой ступені ствараемыя на тэрыторыі былой Расійскай імперыі дзяржавы маглі атрымаць падтрымку Антанты. Яна з аднаго боку абвясціла права народаў на самавызначэнне. Але ў “14 пунктах” В. Вільсана абвешчалася права Расіі самастойна прыняць рашэнне адносна сваёй нацыянальнай

палітыкі (п. 6), што фактычна азначала захаванне яе тэрытарыяльнай цэласнасці. Аднак у каментарыях да “14 пунктаў”, якія былі падрыхтаваны палкоўнікам Хаўзам, гаварылася, што калі для палякаў прызнаецца права на аддзяленне ад Расіі, то такое ж права павінна быць прызнана для “фінаў, літоўцаў, латышоў, а, магчыма, таксама для ўкраінцаў” [9, с. 21].

Пасля прыходу да ўлады большавікоў Савецкая Расія не збіралася адмаўляцца ад тэрыторый, якія ўваходзілі ў склад Расійскай імперыі. Асноўныя напрамкі сваёй палітыкі па нацыянальным пытанні большавікі абнародавалі ў “Дэкларацыі правоў народаў Расіі” 2 (15 лістапада) 1917 г. Яны абвясцілі права ўсіх народаў на самавызначэнне, але гэта права разглядалася аўтарамі Дэкларацыі толькі як інструмент заваявання даверу працоўных розных нацыянальнасцей для дасягнення іх адзінства ў граніцах Расійскай дзяржавы. У Дэкларацыі гаварылася, што палітыка царызму па нацыянальным пытанні “павінна быць заменена палітыкай добраахвотнага і чэснага саюза народаў Расіі”. Стварэнне такога саюза дазволіць аб’яднаць рабочых і сялян народаў Расіі “ў адну рэвалюцыйную сілу, здольную ўстаяць супраць ўсялякіх замахў з боку імперыялістычна-анексіянісцкай буржуазіі” [10, с. 40]. Змест Дэкларацыі дазваляе зрабіць выснову, што савецкі расійскі ўрад праз рэалізацыю права нацый на самавызначэнне зусім не збіраўся дапусціць распаду былой Расійскай імперыі на нацыянальныя дзяржавы. Права на самавызначэнне большавікі прызнавалі толькі за працоўнымі і то тэрэтычна. Наркам па справах нацыянальнасцей І. В. Сталін падкрэсліваў, што савецкі ўрад прызнае права нацый на аддзяленне ад Расіі, але пры яго ажыццяўленні трэба ўлічваць інтарэсы “народных мас як цэнтра так і ўскраін”. А з пункту гледжання гэтых інтарэсаў “патрабаванне аддзялення ўскраін на дадзенай стадыі рэвалюцыі глыбока контррэвалюцыйнае” [11, с. 353–354]. У “Известиях” ад 9 лютага 1919 г. І. В. Сталін тлумачыў права народаў на самавызначэнне ў разуменні большавікоў як “добраахвотны саюз працоўных усіх незалежных савецкіх рэспублік” праз устанаўленне федэратыўнай сувязі з Савецкай Расіяй [11, с. 228]. Відавочна, што большавікі імкнуліся захаваць тэрытарыяльную цэласнасць былой Расійскай імперыі, падначаліць сваёй уладзе яе ўскраіны, у тым ліку і заходнія.

Савецкая Расія, і Польшча прад’явілі свае “гістарычныя” правы на літоўскія, беларускія і ўкраінскія землі. Пры гэтым палякі ў якасці важнага аргумента на сваю карысць разглядалі дэкрэт СНК ад 29 жніўня 1918 г. Ён абвясчаў: “Усе дагаворы і акты, якія былі заключаныя ўрадамі Расійскай імперыі з урадамі каралеўства Прускага і Аўстра-Венгерскай імперыі, якія датычыліся падзелаў Польшчы, у сувязі з іх пярэчаннем прынцыпу самавызначэння нацый і рэвалюцыйнай самасвядомасці рускага народа, які прызнаў за польскім народам неад’емнае права на самастойнае адзінства, адмяняюцца гэтым беззваротна” [5, с. 151]. Тым самым юрыдычна неабгрунтаваным абвясчалася далучэнне да Расіі зямель Рэчы Паспалітай, а ў Польшчы з’яўляліся дадатковыя падставы для абгрунтавання прытэнзій на былыя “крэсы ўсходнія”. Тэрытарыяльная спрэчка рабіла практычна непазбежным польска-расійскі канфлікт.

Непазбежна павінна была ўзнікнуць тэрытарыяльная спрэчка паміж аднавіўшай незалежнасць Польшчай і Германіяй. Польскія патрабаванні граніц на поўначы і на захадзе, якія знайшлі адлюстраванне ў “лініі Дмоўскага”, маглі быць навязаны Германіі толькі сілай, прычым не Польшчы, а Антанты. Гэта павінна было прывесці да фарміравання рэваншысцкіх настрояў у Германіі.

Такім чынам, на завяршальным этапе Першай сусветнай вайны склаліся перадумовы для стварэння ў Цэнтральна-Усходняй Еўропе прынцыпова новай міжнароднай сітуацыі. Яе фарміраванне было звязана з рэзкім аслабленнем, а прымяняльна да Аўстра-Венгрыі і поўным распадам, існаваўшых у рэгіёне імперый і стварэннем у блізкай перспектыве новых незалежных дзяржаў. Складанасць

ажыццяўлення ў рэгіёне этнічнага размежавання павінна была выклікаць тэрытарыяльныя супярэчнасці паміж гэтымі дзяржавамі. У цэнтры гэтых спрэчак павінна была апынуцца Польшча, што ў хуткім часе адбылося на практыцы. На завяршальным этапе Першай сусветнай вайны ў Цэнтральна-Усходняй Еўропе фарміраваліся перадумовы для новых канфліктаў, якія павінны былі ўспыхнуць пасля завяршэння Вялікай вайны.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. Белье пятна – чорныя пятна: Сложные вопросы в советско-польских отношениях: Научное издание / Под общ. ред. А. В. Торкунова, А. Д. Ротфельда. – М.: Аспект Пресс, 2010. – 823 с.
2. Wskreszenie Panstwa Polskiego. Szkic historyczny. T. 2. 1918–1923. – Krakow: Krakowska Supolka Wydawnicza, 1925. – 300 s.
3. Dmowski, R. Politzka Polska i odbudowanie Panstwa. Wydanie drugie / R. Dmowski. – Warszawa: Nakładem księgarni Perzyński, Niklewicz i s-ka, 1926. – 534 s.
4. Czubiński A. Walka J?zefa Piłsudskiego o nowy kształt polityczny Europy Srodkowo-Wschodniej w latach 1918–1921. – Toruń: Wydawnictwo Adam Marczalek, 2002. – 444 s.
5. Беларусь у палітыцы суседніх і заходніх дзяржаў (1914–1991). Зборнік дакументаў і матэрыялаў: у 4 т. – Мінск: «Юніпак», 2008. – Т. 1, ч. 1. – 540 с.
6. Wasilewski, L. J?zef Piłsudski. Jakim Go znałem / L. Wasilewski. – Warszawa: Wyd. “Rój”, 1935. – 235 s.
7. Mackiewicz, S. Historia Polski od 11 listopada 1918 r. do 17 wrześnja 1939 r. / S. Mackiewicz. – London : M.I. Kolin, 1958. – 347 s.
8. Гамулка, К. Паміж Польшча і Расіяй. Беларусь ў канцэпцыях польскіх палітычных фарміраванняў (1918–1922) / К. Гамулка; пераклад з польскай мовы. – Вільня: Выд-ва Еўрапейскага гуманітарнага універсітэта, 2008. – 256 с.
9. История дипломатии: в 3 т. / Под ред. В. П. Потемкина. – М. – Л.: Государственное издательство политической литературы, 1945. – Т. 1. – 884 с.
10. Декреты Советской власти: в 18 т. – М.: Изд-во *полит*, лит-ры, 1957. – Т. 1. – 625 с.
11. Сталин, И. В. Сочинения: в 18 т. / И. В. Сталин. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1947. – Т. 4. – 488 с.

СОСТОЯНИЕ, ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА МОЗЫРСКОГО РАЙОНА

Л. В. Орлов

(Мозырский государственный педагогический университет им. И. П. Шамякина)

Основными нишами малого бизнеса Мозырского района в основном являются торговля, общественное питание, транспорт, строительство. Из создаваемых в последнее время организаций примерно 40 % приходится на торговлю, по 30 % – на платные бытовые услуги и производственную сферу. Наибольшее число предпринимателей занимается торговлей и общественным питанием, что обусловлено быстрой окупаемостью вложенных средств и наиболее стабильным покупательским спросом.

Показатели динамики малого и среднего предпринимательства Мозырского района за последние три года демонстрирует следующая таблица:

	2015 г.	2016 г.	2017 г.
Количество субъектов на начало года, всего:			
на налоговом учёте			
осуществляли хозяйственную деятельность	5535	5545	5309
в % от зарегистрированных			
в том числе:	4787	4598	4426
индивидуальные предприниматели:	86%	83%	83%
на налоговом учёте			
осуществляли хозяйственную деятельность			
в % от зарегистрированных	3669	3678	3487
юридические лица:			
на налоговом учёте	3074	2919	2749
осуществляли хозяйственную деятельность	84%	79%	79%

в % от зарегистрированных			
Создано за предшествующий год организаций, всего	1866	1867	1822
в том числе в производственной сфере	1713	1679	1677
Доля налогов и платежей малого и среднего бизнеса в районном бюджете (%)	92%	90%	92%
	69	38	35
	21	10	8
	19,7	20,3	16,9

Данные таблицы свидетельствуют, что:

1. Удельный вес зарегистрированных юридических лиц, осуществляющих хозяйственную деятельность (90–92 %) выше удельного веса действующих индивидуальных предпринимателей в составе зарегистрированных (79–84 %).

2. Количество создаваемых коммерческих организаций имеет тенденцию к сокращению: в 2015 году их было создано 38 по сравнению с 69 в 2014 году, т. е. почти вдвое меньше, а в 2016 году – 35, т.е. ещё на 8% меньше.

3. В последние три года продолжалась тенденция сокращения количества хозяйствующих предпринимателей: а) индивидуальных предпринимателей – с 3074 до 2919 и до 2749, б) юридических лиц – с 1713 до 1679 и до 1677 соответственно по годам. Индивидуальных предпринимателей всего за три года стало меньше на 11 %, а юридических лиц – на 2,1 %. А за 2017 год количество ИП сократилось ещё на 13 % и составило 2690, юридических лиц – на 10,5 % (1631).

4. К 2017 году начала снижаться доля малого и среднего бизнеса в доходной части районного бюджета: если в начале века она была всего около 7 %, к 2015 году достигла 20,3 %, а в 2016 году упала до 16,9 %.

Малый бизнес обладает рядом преимуществ: гибкость и оперативность принятия решений, адаптивность к особенностям местных условий, более низкие операционные расходы, приспособляемость к специфическим или персональным рынкам и др.

Опыт показывает, что государства, поддерживающие частный бизнес, достигают за короткое время существенных успехов в росте ВВП и благосостояния, тогда как экономическое положение стран, в которых на пути частного предпринимательства ставят препятствия, неизбежно ухудшается. Даже в тех странах, где раньше частный бизнес не поощряли или запрещали, отдавая предпочтение государственной экономике, растёт понимание того, как важно поощрять частное предпринимательство.

Ключевой чертой предпринимательства является *риск*. Однако склонностью рисковать обладают не более 10 % людей. Чтобы начать свой бизнес, всегда требуется *решимость*: а) рисковать своими деньгами, б) выстоять в конкурентной борьбе, в) шагнуть в неизвестное.

Решающую роль в создании условий для развития предпринимательства играют правительства. Таие страны, как Япония и Республика Корея, в которых сегодня частный сектор достиг полного расцвета, добились успеха лишь после того, как были созданы необходимые условия. Эти условия неодинаковы для разных стран, но существуют определённые принципы, которыми следует руководствоваться:

1. Политика, рассчитанная на рыночную экономику и основанная на солидных правовых и административных ресурсах.

2. Программа обучения начинающих предпринимателей.

3. Государственная поддержка предпринимательства, обеспечивающая доступность капиталов для небольших новых фирм.

Ключевую роль в создании благоприятствующей бизнесу обстановки играют государственные учреждения. Они обеспечивают равные для всех условия конкурентной борьбы на рынке, свободу экономической деятельности. Очень важно,

чтобы частный сектор имел возможность привлекать внимание к своим проблемам и участвовать в разработке законов и политики, влияющих на деловую активность. Необходимы также развитие адекватной инфраструктуры и системы вспомогательных служб, свободный доступ к информации, стандарты бухгалтерской отчетности, рыночное ценообразование, рыночные процентные ставки, прочная финансовая система и сбалансированный государственный бюджет, свободная внешняя торговля (как экспорт, так и импорт), свободное инвестирование (как отечественное, так и иностранное, как государственных, так и частных капиталов).

Особого внимания требует малый бизнес, который жизненно необходим для обеспечения разнообразия и гибкости экономики. В ряде важных секторов экономики малые фирмы обеспечивают большую занятость и более быстрое развитие, чем крупные. Но по своей природе они менее стабильны и более подвержены неблагоприятным колебаниям рыночной конъюнктуры.

В последнее время в Беларуси были приняты документы по упрощению предпринимательской деятельности, расширено понятие ремесленничества. Особое значение имеет Декрет № 7 «О развитии предпринимательства», с которым связываются большие надежды. 31 декабря 2010 года была принята президентская Директива № 4 «О развитии предпринимательской инициативы и стимулировании деловой активности в Республике Беларусь».

Таким образом, государство предпринимает определённые законодательные меры по преодолению тенденции снижения деловой активности и развитию предпринимательства. Определённые шаги делают и местные органы власти. Инспекция МНС по Мозырскому району проводит активную информационную кампанию, направленную на развитие предпринимательской активности без регистрации в качестве индивидуального предпринимателя.

ВИЗИТНАЯ КАРТОЧКА ГОРОДА ЖЛОБИНА И РАЙОНА: ТУРИСТИЧЕСКИЕ ВОЗМОЖНОСТИ

Ю. В. Рогова

(Белорусский государственный педагогический университет им. М. Танка)

Туристическая деятельность является одним из источников экономического развития Республики Беларусь. Туристический потенциал страны базируется, главным образом, на многообразии и красоте природы, уникальности историко-культурного наследия и включает более 15 тысяч объектов, имеющих историческую, культурную, архитектурную значимость, а также памятных мест, связанных с именами выдающихся деятелей мировой истории и культуры [1, с. 4].

Важнейшей задачей туристической деятельности в Беларуси является сохранение ценных ресурсов, которые могли бы привлечь внимание потенциального туриста. Активного развития туризма, как и любой другой сферы деятельности, можно добиться, уделив большое внимание этой отрасли. Во-первых, следует использовать природные зоны, которые находятся в хорошем экологическом состоянии. Возможна организация санаториев для привлечения туристов в оздоровительных целях, так как на территории нашей страны хорошо сохранились лесные, лесо-озерные и лесо-речные комплексы. Организация исследовательских групп для приезжих, в целях ознакомления с природными ресурсами и биологическим разнообразием видов растений, животных, будет приносить хороший доход государству.

Не только областные центры нашей страны могут гордиться своими достопримечательностями. Малые города Беларуси также имеют богатую древнюю историю, обладают ценным историко-культурным наследием, природными ресурсами, позволяющими развивать их как центры туризма. В городах и сельской местности

находится 1834 памятника археологии, 1597 – архитектуры, 1131 – истории, 122 – искусства, около 100 центров народных промыслов и ремесел, десятки локальных районов традиционного ткачества и вышивки, гончарства, плетения, шорного промысла и т. д [1, с. 4; 2, с. 121].

Каждый город нашей страны имеет свою историю: своё прошлое, своё настоящее, своё будущее. История абсолютно любого города – это его богатство, которым он делится не только со своими жителями, но и с туристами. В туристическом плане всегда один город имеет ряд отличий от других. Эти отличия определяются историей города, географическим расположением, достопримечательностями и центрами развлечений, выдающимися личностями, а также учреждениями образования и промышленными предприятиями. Это и есть критерии, по которым туристы могут планировать свой маршрут. Однако следует отметить, что это не показывает преимущество одного города над другим: одному человеку интересна история, другой выбирает маршрут по удобному географическому положению, поэтому каждый город индивидуален, как человек, привлекает чем-то своим.

Организацией туристического маршрута, как правило, занимаются опытные турфирмы. В Жлобине находятся такие туристические организации, как «АлатанТур», «География», «ОлАн-тур» и др. Туристическая компания «ОлАн-тур», например, занимается не только организацией отдыха в зарубежных странах, но и проведением экскурсий по историческим уголкам Беларуси и природным заповедникам. В 2008 году в Гомельской области был разработан первый туристический маршрут с посещением старинной усадьбы и мемориального комплекса «Красный берег», а также аквапарк в Жлобине.

При первом посещении города гид представляет туристу визитку местности. Визитку любого города следует начинать с его краткой истории. Жлобин – один из примечательных городов нашей страны, возник на историческом торговом пути «из варяг в греки». Древнейшие остатки поселений этого города относятся к бронзовому веку. Уже в V–IX веках места, где изначально жили балтские племена, стали обживать радимичи и дреговичи [3, с. 26].

Первое упоминание о Жлобине датируется 1492 годом, тогда в народе это местечко называлось Хлепень. Жлобинские старожилы и краеведы хорошо знают то место, где ручей Чернушка впадал в Днепр. На современных картах его уже нет: ручей буквально «съела» жилая и промышленная застройка. Но остатки его засыпанного русла опытный глаз исследователя рассмотрит даже на фоне современного городского пейзажа. Именно здесь, на правом берегу Днепра, в ста метрах от впадения в него ручья, появился замок, вокруг которого возникло поселение.

Древняя легенда связывает строительство замка с дохристианскими временами, когда на берегу Чернушки существовало поселение людей, поклонявшихся богу-громовержцу в славянской мифологии, покровителю князя и дружины в древнерусском языческом пантеоне – Перуну. Жили они в труде и счастье, пока однажды из зловонных болот на севере от местности не вылез и не напал на поселение двенадцатиголовый «цмок». Ужас напал на людей, когда он потребовал, чтобы на завтрак и ужин ему отдавали по одному человеку. Не успели они опомниться, как цмок схватил самую красивую молодую девушку и исчез в болоте. Когда на следующий день он опять появился, в бой с ним вступил молодой силач Петрок, чью жену утащило чудовище. Мстя за жену и осиротевшего сына, защищая земляков, он бился с цмоком до тех пор, пока последняя из двенадцати голов чудовища не покатила по земле, успев все же смертельно ранить и смелого воина. Зловонное тело и головы цмока люди закопали в болотах, а героя похоронили на высоком берегу Днепра. Место это стало священным для многих поколений людей, и именно здесь некий князь велел основать

замок и дал ему имя «Злобин». Название это будто бы связано с опасностью речного водоворота у слияния Днепра и Чернушки или же со старославянским названием высокого места [4, с. 9]. Со временем на месте замка появился город, который получил новое название – Жлобин. Около трёх с половиной столетий Жлобин входил в состав Великого Княжества Литовского и Речи Посполитой. С 1793 г. Жлобин находился в Рогачёвском уезде Могилёвской губернии. В конце XIX в. местечко Жлобин интенсивно развивалось в связи с строительством Либаво-Роменской и Петербургско-Одесской железных дорог. В 1925 г. Жлобин официально получил статус города [5, с. 14].

Жлобин находится в Гомельской области Беларуси, располагается на красивом берегу реки Днепр, в живописном Полесье. 162 – такое количество населенных пунктов находится на сегодняшний день на Жлобинской земле [5, с. 104].

Городу есть что показать своим гостям. Современные строения привлекают туристов: гостиницы, Центр олимпийского резерва по хоккею с шайбой и плаванию, кинотеатр «Родина», Дворец культуры металлургов, республиканский ландшафтный заказник «Смычок», краеведческий музей, городской Дом культуры, зоопарк, библиотеки. В память о героических днях Великой Отечественной войны на центральной площади города – площади Освободителей – благодарные жлобинчане установили обелиск.

Главный туристический маршрут области «Золотое кольцо Гомельщины» проходит по территории Жлобинского района: в деревне Красный Берег сохранился уникальный памятник дворцово-парковой архитектуры конца XIX века – настоящая жемчужина Гомельщины, соединяющая в себе черты готики и французского ренессанса. В этом же населенном пункте открыт единственный в Беларуси и Европе мемориал детям, погибшим в годы Великой Отечественной войны. Архитектурно – культовое наследие края представлено Свято-Покровской церковью в г.п. Стрешин, церковью всех святых в д. Перевичи, являющейся в настоящее время одним из ярчайших образцов архитектуры «московского» стиля [4, с. 4].

Образование нашего города сегодня – это Жлобинский государственный металлургический колледж, Жлобинский государственный профессионально-технический колледж, 9 общеобразовательных школ и 2 гимназии, детско-юношеская спортивная школа, музыкальная школа и школа искусств.

Жлобинская земля богата на выдающихся людей. Бесстрашие, высокую человечность и мужество проявила в годы Великой Отечественной войны наша землячка, простая женщина, связанная партизанского отряда – Тина Васильевна Маковская. Она, рискуя своей жизнью, спасала от расстрела еврейских детей. Тине Васильевне присвоено уникальное почётное звание – Праведник народов мира.

В деревне Заградье Жлобинского района родился и жил Герой Советского Союза Василий Иванович Козлов – партийный и государственный деятель БССР, один из организаторов и руководителей партизанского движения в годы Великой Отечественной войны на территории Беларуси. Наш земляк – святой праведный Иоанн Кормянский (Гошкевич) родом из Стрешина – самого древнего населённого пункта Жлобинского района. Выдающимся учёным-физиком в годы СССР был Антон Нечипорович Севченко, родившийся в деревне Денисовичи Жлобинского района. Одним из выдающихся советских спортсменов с мировым именем был метатель молота, жлобинчанин Василий Васильевич Руденков [5, с. 6–8].

Посетив Жлобин, каждый имеет возможность прогуляться по улицам, названным в честь В. Г. Белинского, В. Н. Волкова, Ю. А. Гагарина, Н. Ф. Гастелло, Н. В. Гоголя, М. Горького, А. А. Губарева, Ф. М. Достоевского, Я. Коласа и др.

Значительный интерес для потенциальных туристов могут представлять местные производственные и промышленные предприятия. Сегодня Белорусский металлургический завод (БМЗ) является неотъемлемой частью жизни города Жлобина. БМЗ – одно из крупнейших промышленных предприятий нашей страны, которое известно не только на всем постсоветском пространстве, но и за его пределами. Металлургический завод был отмечен тремя наградами по итогам конкурса «Лучшие товары Республики Беларусь» 2017 г. Металлопродукция завода поставляется более чем в 50 стран мира [6].

В Жлобине работают фабрика «Белфа» – крупнейший производитель искусственного меха в Европе, мясокомбинат, молочный завод, швейная и мебельная фабрики, железнодорожный узел, которые вносят огромный вклад в развитие города.

В настоящее время наш город является одним из старейших городов Беларуси. Он живёт своей жизнью и пишет свою биографию: предложение за предложением. А это значит, что жизнь города и района в целом не стоит на месте: город и район благоустраиваются, создаются новые объекты, которые обязательно станут интересными для наших гостей. В Жлобине любой турист может поселиться в комфортабельной гостинице, посетить аквапарк, зоопарк, сыграть в боулинг или просто прогуляться по городу, который обязательно оставит в его памяти приятные впечатления. Для увеличения посещаемости нашего города и Жлобинского района туристами и получения от этого прибыли следует разрабатывать больше туристических маршрутов и мероприятий, турпоходов, оборудовать город специальными учреждениями для отдыха и обязательно учитывать замечания и предложения туристов, которые помогут совершенствовать туристическую инфраструктуру Жлобина и района.

Список использованных источников

1. Туризм в Республике Беларусь: библиографический список литературы / Гомельский государственный университет им. Ф. Скорины. – Гомель: ГГУ им. Ф. Скорины, 2013. – 32 с.
2. Потаева, Г. Р. Туристский потенциал малых городов Беларуси и тенденции его освоения / Г.Р. Потаева, Т.А. Федорцова // Вестник БГУ. Сер. 2. – 2006. – № 3. – С. 121–126.
3. Памяць: Гіст. – дакум. хроніка Жлобіна і Жлобінскага раёна. – Мінск, 2000. – 752 с.
4. Новак, В. С. Свято каштоўнасцей духоўных. Жлобінскі край: мінулае і сучаснасць / В. С. Новак, А. А. Станкевіч. – Гомель: Полеспечать, 2009. – 544 с.
5. Пархоменко, Г. О Жлобине, земляках и не только.: документально-художественный сборник / Г. Пархоменко. – Гомель: Сож, 2010. – 208 с.
6. БМЗ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://belsteel.com/press/novosti.php?id=1120>. – Дата доступа: 30.01.2018.

ГОСПИТАЛИ В РИМСКИХ ВОЕННЫХ ЛАГЕРЯХ

Е. И. Рублевская, С. В. Телепень

(Гомельский государственный медицинский университет;

Мозырский государственный педагогический университет им. И. П. Шамякина)

Античные авторы сообщают не слишком много о госпитальной службе, как и вообще об организации медицинского дела в римской армии. Однако ряд современных историков полагает, что некие пункты оказания стационарной медицинской помощи в римских военных лагерях – как стационарных, так и полевых, т. е. временных, – имелись [1, р.164], [2, р.126], [3, р.70]. Вопрос разбирался главным образом на примере лагерей вспомогательных частей – ауксиларий, поскольку здесь, как считается, валетудинарии (лат. *valetudinaria* – усл. «госпитали») имели легко распознаваемую (средствами археологического изучения) планировку [1, р.163–164]. После того, как было обнаружено, что валетудинарии даже в ауксиларных лагерях не имели единой планировки, был поднят вопрос о существовании подобных «госпиталей» в лагерях легионов.

Указанием на существование особых госпитальных учреждений в местах дислокации легионов являются инскрипции, сделанные «валитудинарными опционами» (лат. *optiones validinarii* – вероятно, служащие данных учреждений). Две такие надписи были найдены в Ламбезисе (Северная Африка) (CILVIII 2553, 2563) и одна – в Италии (CILVI 175). Известна также подобная надпись из Бонны (совр. Бонн) (CIL XIII 8011) и две – из Аквинка (совр. Будапешт) (AE 1937 181) [4, s.217]. Однако единственной надписью, которая имеет надежную привязку к предположительно госпитальному зданию, является лишь одна из двух надписей из Аквинка (AE 1937 181). Как полагает Вильманнс, остатки здания, на территории которого найдена надпись, – это бесспорно валитудинарий [4, s.214].

Мы располагаем также несколькими надписями, которые, как представляется, могли бы рассматриваться на наличие в римской армии госпитальной службы. С другой стороны, данные надписи скорее указывают на наличие в местах расположения римских войск военных врачей, а не госпиталей. Две из этих надписей были найдены в Деве (совр. Честер, Англия) (RIB 461; AE 1969/1970 291).

Более надежным свидетельством о медицинских пунктах в римских военных лагерях является папирус, обнаруженный в ходе раскопок в Египте и датированный 138 г. (BGU 1564=SP 395). В этом фрагменте содержится запрос на поставку белых шерстяных одеял в один из кападокийских лагерных валетудинариев. В запросе особо оговаривается, что одеяла должны быть чистыми, неокрашенными, подшитыми и без повреждений. Указанный текст заставляет задаться вопросом о наличии некоего стандарта в поддержании санитарного режима в римских армейских лечебницах. Однако стоит заметить, что ни Гигин, ни другие древние авторы не пишут прямо о требованиях к поддержанию чистоты в лечебных учреждениях.

Известный римский теоретик строительного дела Гигин (годы жизни: около 64 г. до н. э. – 17 г. н. э.) в своем трактате *De munitionibus castrorum* («О строительстве лагерей») говорит о местоположении валитудинария в лагере. Согласно этому автору, «санчасть» находилась позади претория, или квартиры командира (Hug. 4). Для обеспечения больным и раненым необходимого покоя этот автор предлагает располагать мастерские (*fabricae*) и места содержания скота (*veterinaeium*) не ближе чем в 70 футах (римский фут – около 29,6 см.) от валетудинария. Во всяком случае, лечебницы могли располагаться достаточно близко к солдатским баракам, т. е. к местам расположения основных солдатских контингентов, следует также брать в расчет, что Гигин пишет об организации походного лагеря, возводившегося в виде комплекса временных строений. Вполне возможно, что постоянный лагерь (лат. *castra stativa*) мог иметь иную систему расположения зданий, в том числе функционально связанных с размещением и лечением воинов.

Необходимо отметить, что наши знания об организации госпитальной службы в римской армии зачастую основываются на тех сообщениях античных источников, которые содержат рассказ о той или иной военной кампании (а не о стандартном квартировании войск – в условиях мирного времени). Примером здесь является эпизод, представленный в биографии императора Адриана, помещенной в сборник IV в. «Жизнеописания Августов». В этой биографии императора представлен эпизод, когда Адриан в ходе военных действий посещает раненых солдат: «Навещал раненых воинов в их госпиталиях» (SHA *Hadr.* X. 6 – перевод наш, так как перевод С.Н. Кондратьева [5, с. 349] не отражает факт использования Спартианом слова *hospitium*, имевшего у римлян широкое значение). Здесь важно отметить, что Адриан посещал воинов в госпиталиях, а не валетудинариях. Латинское слово *hospitium* соответствует греческому *ξενοδοχείον* и может быть переведено в качестве понятия, обозначающего место размещения иноземцев, буквально – место оказания гостеприимства. Как

интерпретирует это сообщение Спартиана Р. Дэвис, в указанном отрывке содержится намек на то, что воины в условиях продолжавшихся военных действий могли получать медицинскую помощь не только в вальтудинариях, но и в других учреждениях военного лагеря [20].

Жизнеописание Александра Севера, также помещенная в «Жизнеописания Августов», тоже показывает правителя посещающим страждущих воинов в их палатках: «Больных воинов, даже самых младших, он (император – Е.Р., С.Т.) сам навещал в палатках» (SHA Sev. Alex. XLVII. 2 – перевод С.Н. Кондратьева). Сходство с эпизодом из биографии Адриана позволяет предположить, что речь идет об обычной практике поведения полководца. Поскольку автор использует слово *tentoria*, т.е. «палатки», то возможно в данном случае подразумевается не специальное место размещения раненых и больных воинов (хотя нельзя исключить и функционирования госпитальных учреждений, имевших вид группы палаток), а обычные палатки походного лагеря, где больные и раненые могли размещаться рядом со здоровыми воинами. Последнее может следовать из сообщения Тацита: «В палатках перевязывали раны – брат брату, родственник родственнику» (Tac. Hist. II. 45 – перевод Г. С. Кнабе).

Вполне допустимо предположить, что когда войско или отряд были на марше, то времени для организации военного госпиталя могло не быть. Юлий Цезарь пишет в своих записках, как в ходе завоевания им Галлии (середина I в. до н.э.) раненые и убитые существенно сковывали движение его войска. «Наши были целых три дня заняты ранеными и погребением убитых и потому не могли их (врагов – Е.Р., С.Т.) преследовать» (Caes. B. G. I. 26 – перевод М. М. Покровского). Показательным является другое место из записок Цезаря, где говорится о том, как уже во время разгоревшейся гражданской войны один из командиров антицезарианских сил Лабием решал данную проблему: «Лабием распорядился перевязать и доставить на вьючных животных и повозках в Адрумент раненых, которых у него оказалось очень много» (Caes. B. Afr. 21) – перевод М. М. Покровского). А в жизнеописании императора Александра Севера сообщается, что в тех случаях, когда солдаты не успевали выздороветь, император приказывал направлять их к наиболее надежным домовладельцам или наиболее уважаемым матронам, проживавшим в городе или сельской местности вблизи лагеря: «Если они (воины – Е.Р., С.Т.) заболели очень тяжело, он (Александр Север – Е. Р., С.Т.) распределял их у наиболее уважаемых отцов семейств и безупречных матрон» (SHA Sev. Alex. XLVII. 3 – перевод С.Н. Кондратьева).

Имевшая, очевидно, место практика размещения раненых не исключает того, что вальтудинарии могли устраиваться даже в условиях похода. В частности, в качестве такого «походного госпиталя» расценивает археологически изученную группу палаток, обнаруженную на месте временного римского лагеря в районе современного Хальтерна (северо-западная Германия), В. Наттон. Однако сам же Наттон предполагает, что причиной такой ситуации в данном случае было отсутствие у римлян достаточной поддержки среди местного населения, скорее всего германского [6, p. 49].

Любопытную информацию содержит найденный в ходе раскопок на севере Англии рапорт из римского стационарного лагеря Виндоланды (эпоха принципата), в котором представлен список отсутствовавших в строю солдат, причем указываются на причины, по которым тот или иной солдат отсутствовал. 10 % отсутствовавших значатся в рапорте больными [7, p.62, 65]. Таковые подразделяются на три категории: получившие ранения, страдающие глазными недугами, имеющие другие заболевания. Можно сделать допущение, что основанием для подобного деления был различный принцип размещения [8, p. 155]. Так, те, кто принадлежал к третьей из названных категорий, могли быть оставляемы в обычных солдатских бараках. Основанием для последнего предположения служит фрагмент одного египетского папируса, который

является частью письма солдата, писавшего своим родителям. Солдат, несший службу в Египте, сообщает, что заболел, отравившись испорченной рыбой. В своем письме он пишет, что пользуется помощью товарищей по бараку [9, p. 130]. Если бы солдат находился в валеутудинарии, то он упомянул бы врача или кого-либо из медицинского персонала. В то же самое время это сообщение может говорить о том, что воины поддерживали своих заболевших товарищей как оставшихся в солдатском бараче, так и находившихся на излечении в учреждениях госпитального типа, беря на себя часть обязанностей условно младшего медицинского персонала.

Вывод, который может быть сделан из вышеизложенного, заключается в том, что хотя наличные источниковые данные не позволяют с полной уверенностью говорить о наличии у римлян настоящей госпитальной службы в ее современном понимании, но по крайней мере в эпоху ранней Империи римская армия имела определенную систему оказания стационарной медицинской помощи раненым и больным воинам. Само понятие валеутудинария говорит о том, что специально организованное пространство, приспособленное для выхаживания раненых и больных воинов, в рамках военного лагеря у римлян было. Однако вопрос о степени регламентированности этого ухода, профессионализме и организованности медицинского персонала пока остается открытым.

Список использованных источников

1. Bidwell, P. Book of Roman forts in Britain / P. Bidwell. – London: B. T. Batsford / English Heritage, 1997. – 266 p.
2. Johnson, A. Roman forts / A. Johnson. – London: Adam and Charles Black, 1983. – XIV, 368 p.
3. Press, L. Valetudinarium at Novae and other Roman Danubian hospitals / L. Press // *Archeologia*. – 1988. – Vol.39. – P.69–89.
4. Wilmanns, J.C. Der Sanitätsdienst im Römischen Reich. Medizin der Antike / J.C. Wilmanns. – Hildesheim – Zürich – New York: Olms Weidmann Wilmanns, 1995. – 302 s.
5. Властелины Рима // Светоний Гай Транквилл. Жизнь двенадцати цезарей; Властелины Рима: биографии римских императоров от Адриана до Диоклетиана. – М.: Изд. АСТ; Ладомир, 1999. – 944 с.
6. Nutton, V. Roman medicine, 250 BC to AD 200 / V. Nutton // *The Western Medical Tradition*. – Cambridge: Cambridge University Press, 1995. – XIV, 556.
7. Bowman, A.K. A military strength report from Vindolanda / A.K. Bowman, J.D. Thomas. // *Journal of Roman Studies*. – 1991. – Vol. 81. – P. 62–73.
8. Bowman, A.K. The Vindolanda writing tablets (Tabulae Vindolandenses II) / A.K. Bowman, J.D. Thomas. – London: British Museum Press, 1994. – 408 p.
9. Davies, R. The Roman military diet / R. Davies // *Britannia*. – 1971. – Vol. II. – 122–142.

SILVA RERUM ЯК СРОДАК РЭТРАСЛЯЦЫ ШЛЯХЕЦКАЙ КУЛЬТУРЫ

Н. В. Стахно

(Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт)

Silva rerum (ці яшчэ можна сустрэць назву *miscellanea*) – гэта адна з тыповых форм рукапісных кніг эпохі Барока. На жаль, у беларускім крыніцазнаўстве і гістарычнай навуцы ў цэлым дадзены тып крыніц дагэтуль не заняў свайго пачэснага месца. Пра згаданыя кнігі часта забываюцца, не выкарыстоўваюць пры напісанні дысертацыйных даследаванняў і манаграфій. Наша мэта даследавання – азначыць, што такое *silva rerum*, вызначыць для вырашэння якіх пытанняў можна выкарыстаць дадзены тып крыніц, а таксама высветліць, якую ролю сілвы адыгрывалі ў перадачы шляхецкіх традыцый і культуры ад пакалення да пакалення.

Як ужо адначалася вышэй, сілвы – рукапісныя кнігі. Яны ўтрымліваюць збор матэрыялаў з розных галін ведаў, запісаныя без сістэмы. Першыя сілвы з’явіліся, паводле меркавання польскай даследчыцы Марыі Захары, у часы першага бескаралеўя, калі пры недахопе друкаваных крыніц шляхта спрабавала асэнсаваць стан, што склаўся ў грамадстве [5, с. 199]. Польскія даследчыкі выказвалі розныя ідэі, чаму з’явіўся такі тып крыніц. Так, напрыклад Глогер, бачыць прычыну з’яўлення ў актыўнай палітычнай

дзеінасці шляхты пры адсутнасці прэсы, а Брукнэр – у неабходнасці якаснага падтрымання шматлікіх публічных стасункаў [3, с. 12]. У. Канапчыньскі выказаў мярканне, што сільвы ўзнікаюць і распаўсюджваюцца з-за цензуры, якая панавала ў палітычным друку і рабіла немажлівым публікацыю свавольных шляхецкіх думак, таму іх даводзілася пакідаць у сямейным архіве [2, с. 269]. Росквіт эпохі сільваў прыходзіцца на XVII і XVIII ст. Развіццю дадзенага жанра спрыялі: па-першае, рост адукаванасці, у тым ліку значны ўплыў школ, заснаваных езуітамі і піярамі, у якіх вучылі карыстацца ўжо створанымі прыкладамі, а не выдумляць нешта новае, таму сільвы станавіліся зборнікамі прыкладаў – прамоваў, лістоў і г. д.; па-другое, заняпад друкарскай справы звязаны з войнамі і дарагавізнай кніг; і па-трэцяе, асяданне простаі шляхты на вёсцы, дзе было мала інфармацыі і значная колькасць часу – позняя восенню і зімой. Калі першыя сільвы ўтрымліваюць у асноўным палітычную палеміку, звязаную з разнастайнымі здарэннямі нахштальт рокаша Зебжыдоўскага, то больш познія аналагі складаюцца з разнародных крыніц. Перш за ўсё, яны ўтрымлівалі разнастайныя прыклады для напісання афіцыйных лістоў, прыклады прамоваў на розных мерапрыемствах – на соймках, трыбуналах, у сенаце, на вяселлях і на пахаваннях. Важнай часткай былі практычныя парады, звязаныя з медыцынскай галіной, ветэрынарыяй і астралогіяй. Сільвы дэманструюць надзвычайную сінкрэтычнасць светапогляду шляхціца XVII стагоддзя, які быў з аднаго боку надзвычайна набожным і ва ўсіх сваіх справах і праблемах звяртаўся да Стваральніка, але з іншага боку, ён не ігнараваў і дасягненні сучаснай яму медыцыны і навукі. Калі першае і другое не дапамагала, шляхціц звяртаўся да традыцыйных вераванняў са шматлікімі замовамі і абярэгамі. Значную ролю ва ўкараненні сільваў адыгралі друкаваныя календары з месцамі для ўласнаручных допісаў. Тут шляхціцы рабілі кароткія заўвагі пра палітычныя і сямейныя падзеі. Сучасны чалавек, які будзе чытаць сільвы ці дыярыушы шляхты часоў Рэчы Паспалітай, хутчэй за ўсё задасць пытанне: чаму запісы пра нараджэнне дзяцей, шлюб і смерць блізкіх былі вельмі сціплымі і безэмацыйнымі? Паводле выказвання С. Рошака, гэта адбывалася не з-за эмацыйнай скупасці, не з-за праблем у сям’і і не з-за замірэння з ідэяй няўхільнасці смерці, якая дыктавалася хрысціянскай традыцыяй. Гэта адбывалася з-за таго, што сваеасаблівым прыкладам для стварэння такога кшталту запісаў былі касцёльныя метрыкі, якія проста адзначалі дадзеныя падзеі без усялякіх эмоцый [3, с. 143–144].

У XVIII стагоддзі ўзрастае роля і значнасць гістарычных твораў, якія ўключаліся ў склад рукапісных шляхецкіх архіваў. Дадзеная тэндэнцыя была прадиктавана неабходнасцю захавання палітычнай і гістарычнай спадчыны Рэчы Паспалітай, якая апынулася перад вайной, падзелама і знішчэннем.

Трэба звярнуць увагу на тое, што сільвы не толькі ўтрымлівалі інфармацыю практычнага характару, але мелі і сімвалічны сэнс – яны дэманстравалі сувязь сям’і і сармацкіх традыцый. Гэта была сваеасаблівая, недрукаваная літаратура, якая станавілася архівам родавай памяці – зборнікам успамінаў, калекцыяй тэкстаў даўняй эпохі.

Вельмі часта польскія даследчыкі аналізуюць *silva regum* як феномен польскай культуры і адзначаюць, што такога кшталту дакументы характэрны выключна для Польшчы і нідзе больш не сустракаюцца [4]. Але гэта далёка не так. Падобныя да сільваў дакументы былі распаўсюджаны амаль па ўсёй Еўропе ў раннемадэрны перыяд. Яны, канешне, адрозніваюцца, але рукапісная кніга – гэта агульнаеўрапейская традыцыя. У Францыі існавалі *livres de raison*, што ўтрымлівалі разнародныя тэксты, якасць якіх залежала ад адукацыі і культурнага ўзроўню іх стваральнікаў. У нямецкамоўнай прасторы значную ролю адыгралі гуманізм і Рэфармацыя, якія прывялі да ўзнікнення кніг Hausbacher. Часцей за ўсё гэта былі некалькі старонак,

уклееныя да Бібліі і запоўненыя бацькам, яны ўтрымлівалі самыя важныя звесткі з жыцця сям'і – нараджэнне, шлюб, смерць. З другой паловы XVII стагоддзя ў адзначаным рэгіёне ўзнікаюць друкаваныя календары, у якіх занатоўвалася не толькі важная хатняя інфармацыя, але і фінансавыя справы, копіі лістоў і дакументаў, таксама падарожныя нататкі і разнастайныя разважанні [3, с. 19]. На Апенінскай паўвыспе падобнага тыпу творы мелі назву *ricordanze*, *ricordi di famiglia*, *memorie della famiglia* і з'яўляліся адной з формаў легітымацыі шляхецтва ў рэгіёне [3, с. 22].

Што датычыцца сільваў, створаных на нашых тэрыторыях, то мы звернемся да двух прыкладаў XVII і XVIII ст. У Нацыянальнай бібліятэцы Беларусі захоўваюцца дзве рукапісныя кнігі тыпу сільвы, якія належаць сям'і Слізняў, аўтарамі якіх з'яўляюцца Стэфан Ян і яго сын Міхал. У архіве, сабраным Стэфанам Янам Слізнем, утрымліваюцца лацінамоўныя вершы, выпіскі з гістарычных твораў, разнастайныя прамовы на соймах, шлюбах, пахаваннях, соймавыя інструкцыі, выпіскі з лацінамоўных трактатаў па медыцыне і ветэрынарыі, рэцэпты і парады, рахункі, розныя лісты, цытаты і крылатыя выслоўі, вершаваныя творы на тэму смерці, набожнага жыцця, разважанні на тэму сапраўднай рэлігіі, творы прысвечаныя жонцы, эпітафіі, загадкі, анекдоты, розныя смешныя гісторыі і гэтак далей [6, с. 64–78].

Другім прыкладам для нас будзе *silva rerum* Ганны з Сангушкаў Радзівіл, якая захоўваецца ў Галоўным архіве старажытных актаў у Варшаве. Яна дэманструе наколькі шырокім было кола зацікаўленасцяў гэтай прадстаўніцы магнатэрыі Рэчы Паспалітай. Збор яе дакументаў ахоплівае толькі два апошнія гады яе жыцця – 1745 і 1746, але адрозніваецца разнастайнасцю і значнымі памерамі – тут прысутнічаюць і традыцыйныя прамовы, зробленыя яе сучаснікамі на пахаваннях і вяселлях членаў яе сям'і, таксама шматлікая карэспандэнцыя з прадстаўнікамі адміністрацыі па гаспадарчых пытаннях, перапіс пазыкаў, кароткія запісы аб значных падзеях сям'і. Асабліва цікавымі і незвычайнымі з'яўляюцца вытрымкі з гістарычных твораў, прысвечаныя часам патопу, вытрымкі з юрыдычных дакументаў, напрыклад са Статута Вялікага Княства Літоўскага, копіі лістоў і прамоваў на розных мерапрыемствах, якія зрабілі прадстаўнікі роду Радзівілаў яшчэ ў XVII ст., разнастайныя літаратурныя творы, якія апавядаюць аб тым, якім павінен быць шляхціц, якую трэба выбіраць жонку, а таксама рэестр выстаўленых коняў і ваяроў са сваіх маёмасцяў і велікая колькасць інфармацыі, прысвечаная вайскавай справе і разнастайным пастраенням вайсковых сіл [1].

Зыходзячы з вышэйапісаных прыкладаў, можа ўзнікнуць пытанне: чаму сільвы былі настолькі разнароднымі? Усё тлумачыцца тым, што шляхціц мусіў цікавіцца рознымі рэчамі і аб'ядноўваць у сабе цэлы шэраг этасаў. Ён павінен быў быць як добрым землянінам-гаспадаром, які сочыць за рахункамі сваіх уладанняў, апякае сваю жывёлу і сваіх слуг, з'яўляецца галавой сям'і; быць красамоўным грамадскім і палітычным дзеячам, які можа зрабіць прамову на пахаванні значнай дзяржаўнай фігуры, напісаць добры ліст з правільна сфармуляванымі прапановамі ці патрабаваннямі, а таксама адстаяць інтарэсы свайго савета на сойме; быць сарматам-рыцарам, які змагаецца за незалежнасць сваёй краіны і з'яўляецца абаронцам хрысціянскай рэлігіі. Пры ўсім гэтым, шляхціц заставаўся чалавекам, які хацеў праяўляць пачуцці да сваіх блізкіх, распавесці анекдот у кампаніі сяброў, паразважаць над пытаннямі сэнсу жыцця і г. д. Для задавальнення ўсіх гэтых сацыяльных роляў неабходна было азнаёміцца з даволі вялікай колькасцю літаратуры, якое і ўтрымлівала ў сабе *silva rerum*.

Якую інфармацыю мы можам атрымаць з *silva rerum*? Перш за ўсё, мы можам сцвярджаць, што шляхта Рэчы Паспалітай была шматбакова развітай і цікавілася гаспадарчымі, вайсковымі, палітычнымі і гістарычнымі пытаннямі. Акрамя

таго, можна адзначыць высокі ўзровень адукаванасці шляхты, якая ведала некалькі моў (перш за ўсё лацінскую, а ў XVIII ст. распаўсюдзілася мода на веданне французскай). З дапамогай сільваў можна пацвердзіць тэзіс аб паланізацыйных працэсах у Вялікім Княстве Літоўскім за часы Рэчы Паспалітай, бо пішуща яны па-польску. З іншага боку, сільва была сродкам перадачы традыцыйных сармацкіх каштоўнасцяў, таму мы можам з іх дапамогай выявіць вольнасць і роўнасць шляхты, этас земляніна-гаспадара, культ продкаў, абарону сапраўднай веры, служэнне Айчыне. Дадзены тып дакументаў з'яўляецца скарбніцай мудрасці тагачаснага шляхціца.

Такім чынам, *silva rerum* – гэта рукапісны твор, які быў распаўсюджаны ў раннемадэрновы час па ўсёй Еўропе. Ён адносіцца да эга-дакументаў і адлюстроўвае канструюе суб'ектыўны свет сармацтаў. Такі тып дакументаў можа не мець аўтабіяграфічных сведчанняў, але пры гэтым раскрывае інтарэсы і погляды свайго стваральніка. Дзякуючы яму гісторык адкрывае суб'ектыўны свет чалавека мінулага, яго ўяўленні, пачуцці, каштоўнасці. Сільвы могуць дапамагчы знайсці адказ на вялікую колькасць пытанняў і стаць асновай для вывучэння менталітэту шляхты Рэчы Паспалітай.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. Archiwum Główny Act Dawnych. – F. 354. Archiwum Radziwillow. – Dział II. – Księga 51.
2. Konopczyński, W. Polscy pisarze polityczni XVIII wieku (do Sejmu Czteroletniego) / Władysław Konopczyński. – Warszawa : Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1966. – 451 s.
3. Roszak, S. Archiwa sarmackiej pamięci : funkcje i znaczenie rękopism. ksiąg silva rerum w kulturze Rzeczypospolitej XVIII wieku / Stanisław Roszak. – Toruń : Wydaw. Uniw. M. Kopernika, 2004. – 285 s.
4. Tazbir, J. Książka rękopiśmienna w Polsce i w Rosji XVI–XVIII w. // Przegląd Historyczny. – Warszawa, 1986. – T. 77, zesz. 4. – S. 657–683.
5. Zachara, M. Sylwy — document szlacheckiej kultury umysłowej w XVII wieku // Z dziejów życia literackiego w Polsce XVII–XVIII wieku. – Wrocław-Warszawa-Kraków-Gdańsk, 1980. – S. 198–219.
6. Віцько, Д. В. *Silva rerum* Стафана Яна Слізня XVII-XVIII стст. з успамінамі Аляксандра Слізня за 1561–1649 гг. (са збораў Нацыянальнай бібліятэкі Беларусі) // Здабыткі. Дакументальныя помнікі на Беларусі. Вып. 11. – Мінск, 2009. – С. 62–88.

ГРАЖДАНСКО-ПАТРИОТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ БУДУЩЕГО УЧИТЕЛЯ (ИЗ ОПЫТА РАБОТЫ ФИЛОЛОГИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА УО МГПУ ИМЕНИ И.П. ШАМЯКИНА)

И. Л. Судибор

(Мозырский государственный педагогический университет им. И. П. Шамякина)

На филологическом факультете осуществляется подготовка студентов по следующим специальностям: «Белорусский язык и литература», «Русский язык и литература», «Русский язык и литература. Иностранный язык (английский)», «История и обществоведческие дисциплины», «Иностранные языки (английский, немецкий)», «Иностранные языки (немецкий, английский)». Содержание образования по специальностям филологического факультета направлено на формирование системы идеалов, ценностей, интересов, гражданской позиции будущего учителя (история, культурология, этнография, литература, история мировой культуры, краеведение и др.).

Профессиональная подготовка учителя-филолога, учителя-историка органично включает в себя не только процесс передачи и усвоения знаний, но и создание условий для формирования мировоззрения, гражданской позиции, социальной активности, профессионально значимых качеств личности. Главной социальной функцией специалистов данного профиля является приобщение школьников к истории, искусству и культуре родной страны, опыту человеческих отношений, а также создание условий для восприятия и переживания студентами отношений, заключенных в произведениях искусства, формах общественного сознания. В связи с этим на факультете приоритетное внимание уделяется воспитанию будущего учителя, формированию его

политической культуры, гражданственности, патриотизма. При организации работы по воспитанию будущих учителей особое внимание уделяется использованию активных форм, имеющих личностно ориентированный характер (дискуссионные клубы, заседания круглых столов, организация научно-практических семинаров и конференций, поддержка студенческих творческих проектов, молодежных акций и т. д.).

Система работы по гражданско-патриотическому воспитанию включает:

– **международные научно-практические конференции** «Мозырщина: люди, события, время», Шамякинские чтения «Писатель – Личность – Время»;

– **экскурсии** по культурно-историческим местам Республики Беларусь, стран СНГ (Украина, Россия), г. Мозыря;

– **кураторские часы, диспуты, тематические беседы, круглые столы** по темам: «Жыву ў Беларусі і тым ганаруся: я і мая радзіма», «Мазыр: мінулае і сучаснае», «Мне сняцца сны аб Беларусі: патрыятызм паэзіі Я. Купалы і Я. Коласа», «І.П. Шамякін: чалавек, мастак, грамадзянін», «Пад зоркай Ф. Скарыны: славянская пісьменнасць і культура», «Филологический факультет: традиции и перспективы развития», «Архитектурные и исторические достопримечательности г. Мозыря», «Мазыр у гады Вялікай Айчыннай вайны»;

– **конкурсы творческих работ** студентов «Квітней, родная Беларусь», «Пожелай родной стране», «Любимому факультету посвящается...», «Учитель, перед именем твоим...», «День Победы в летописи моей семьи», «Воины Победы», «Звонят колокола Хатыни»;

– **научно-практические семинары** «Мазыр – цэнтр культуры і духоўнасці Палесся», «Мазыршчына ў імёнах і падзеях», «Октябрьская революция 1917 года и современное общество», «Хатынь – символ национальной памяти» и др.;

– **фотовыставки** «Мазыр – горад майго студэнцтва», «Зодчество Беларуси» и др.;

– **литературно-музыкальные композиции** «Поклонимся великим тем годам...», «О, край родны, край прыгожы!», «Квітней, родная мова!», «Бацькаўшчына светлая мая» и др.;

– **фестивали** «Созвездие языковых культур», «Мы молодые – надежда страны».

– **студенческие проекты** «Филфак! Мы вместе!», «Мы выбираем филологический!», «2018 – год малой родины в Беларуси», «Время первых».

Традиционно значимое место в работе факультета занимает военно-патриотическое воспитание молодежи. Так, в соответствии с разработанным планом мероприятий, посвященных Дню Победы в Великой Отечественной войне, на факультете постоянно проводятся следующие мероприятия:

– Вахта Памяти;

– презентация книги «Солдаты Победы»;

– конкурс стенгазет «Навечно в памяти народной»;

– конкурс творческих работ студентов «Память в сердце живёт», посвящённый Дню Великой Победы;

– выставки-презентации «Великая Отечественная война глазами художников»;

– уроки мужества «Этот день мы приближали как могли» (встречи студентов с ветеранами ВОВ);

– гражданско-патриотические проекты «Звезда Победы», «Наш герой Победы», «Передай другому: Я люблю Беларусь».

На филологическом факультете важное место занимает работа по литературному и историческому краеведению. Мозырская земля и сегодня сохраняет память о своих земляках – героях Великой Отечественной войны. Преподавателями и

студентами факультета подготовлен и проведен литературно-театрализованный проект «Наш герой Победы», посвященный Герою Советского Союза **Михаилу Павловичу Котловцу**.

Предлагаем фрагменты сценария данного мероприятия:

Ведущий 1: *Тем, кто шел в бой за Родину, выстоял и победил...*

Тем, кто был сожжен в бухенвальдских печах,

Ведущий 2: *Тем, кто на речных переправах шел, словно камень, ко дну.*

Тем, кто навек безымянный канул в фашистском плену,

Ведущий 1: *Тем, кто ради правого дела сердце отдать был готов,*

Тем, кто под машины ложился вместо понтонных мостов.

*Всем тем, кто ушел в бессмертие и победил, **посвящается...***

Ведущий 2: Михаил Павлович Котловец родился и вырос в деревне Лешня Мозырского района, которая находится в пяти километрах от Скрыгалова. Учился в начальной школе в деревне Лешня, а затем в Слободе. Он имел большие способности к учебе, был старательным и организованным, отличался физической силой, всегда говорил правду.

Ведущий 1: Закончив Слободскую среднюю школу, он успешно поступил в Минский педагогический институт, после окончания которого работал учителем истории в Смолевичах. Там же женился. В ряды Красной Армии был призван в 1941 году. Воевал бесстрашно и мужественно, славным боевым путем прошел Михаил Павлович от Западной границы до Сталинграда, от Сталинграда до Венгрии, от рядового бойца до капитана, командира танкового батальона.

Ведущий 2: Начало октября 1944 года, город Тирасполь, Молдавия. Танковый батальон Котловца знал только одно направление – вперед! Шли тяжелые кровопролитные бои, победа была близка, Михаил Павлович Котловец был всегда впереди.

Миниатюра «Ночь перед боем»

(4 бойца, санитарка, Михаил Павлович Котловец)

Звучит песня «В землянке»

Котловец: – Товарищи бойцы, завтра для нас самый тяжелый и ответственный бой (*разворачивает карту*), сверим свои позиции и позиции противника. Вот здесь, на берегу Днестра, будут разворачиваться основные боевые действия. На нас «попрут» тигры!

Первый боец: – Что, танки на нас свои силы будут пробовать? (*с возмущением*)

Второй боец: – Тише ты... Парень с головой! Знает, что делает! (*толкает локтем предыдущего*)

Котловец: – Приказ главнокомандующего армией держаться до последнего бойца и не сдавать позиций, танки должны бить прямой наводкой. Я надеюсь на вас, товарищи танкисты.

Третий боец: – Да, народ в нашем батальоне бывалый, все коммунисты, комсомольцы! Не один бой за плечами!

Четвертый боец: – Мы устоим, ведь наша родная земля за нами!

Котловец: – Старшина Трофимов, вам необходимо наладить связь с соседней артиллерией для поддержки танковой атаки.

Второй боец: – Есть!

Котловец: – Все всем ясно? Отдыхайте, надо сил набраться. Завтра, на рассвете, в четыре утра наступление.

Миниатюра «Письмо жене» (М.П. Котловец пишет письмо жене и фрагменты письма читает вслух)

Звучит музыка «Случайный вальс», появляется фигура жены М. Котловца.

Она держит письмо-треугольник и танцует вальс с письмом.

Последнее письмо Михаила Котловца любимой жене Глафире

29.6.44 г.

Здравствуй, любимая Глашенька!

Во-первых, поздравляю с днем освобождения от немецких оккупантов. Во-вторых, сообщаю, что я пока жив и здоров и воюю уже 4ый год. Глашенька! Три года тяжелой войны, три года разлуки с тобой и родными, три года физического и душевного напряжения, прошли как три столетия.

Думал ли я в 1941 году писать тебе письмо под конец войны, даже сам теперь не могу сказать, думала ли ты получить сообщения от меня остаться? Вчера по радио услышал, что наши части освободили Осиповичи, и вот я решил написать тебе, пусть письмо продвигается вместе с частями Красной Армии.

Глашенька! За эти три года я был три раза ранен, одно было тяжелое ранение, но со здоровьем чувствую себя хорошо.

За эти три года имею три награды: орден боевого Красного знамени, орден «Красной звезды» и медаль за оборону Сталинграда, а также на гимнастике знак гвардия. Военное звание имею на сегодняшний день гвардия капитан, команду танковым батальоном. За эти три года значительно постарел внешне, но чувствами к тебе молод.

Вот вкратце о себе и все. Глашенька! Меня интересует вопрос, я только муж твой или и отец своего ребенка? Прошу, если ты получишь это письмо, так опиши все подробно о своей жизни.

С родными я связь установил, получил от них несколько писем, выслал им несколько тысяч денег, но теперь их от фронта эвакуировали, а куда – пока не знаю. Коля, помнишь маленького, был партизаном, с братом Володей переписки не имел тоже на протяжении трех лет и теперь не знаю что с ним, так жене, отцу он тоже не пишет, возможно, и нет живого.

Коля теперь работает на железной дороге на ст. Калинковичи. Деревню, где жил отец, сожгли немцы, а они жили в лесу в землянке, сестренку Любу немцы угнали в Германию, вот такое положение.

В данный момент я нахожусь на втором украинском фронте, пока все тихо и спокойно.

Пиши как мама, отец, Инночка и, а что «и» сам не знаю, кого мы имели, если имели плоды своих трудов – целуй его или ее за меня и говори, что это поцелуй отца.

На этом все.

Ты жди меня и я вернусь.

Целую крепко, твой муж Михаил.

Мой адрес: Полевая почта 25621 Котловцу Михаилу Павловичу

Глашенька! Я не имею ни одной фото, все сгорело в танке, вышли. Целую, твой М. Котловец.

Миниатюра «Взрыв»

Фигура жены в черном платке с похоронкой в руках

Ведущий 2: Это был последний бой М.П. Котловца.

Ведущий 1: За мужество и героизм, проявленные в боях с немецко-фашистскими захватчиками, Указом Президиума Верховного Совета СССР от 24 марта 1945 года капитану Михаилу Павловичу Котловцу присвоено звание Героя Советского Союза (пауза) **Посмертно** (отстукивает метроном).

Минута молчания

Помните!

*Через века, через года, – помните!
О тех, кто уже не придет никогда, – помните!
Не плачьте!
В горле сдержите стоны, горькие стоны.
Памяти павших будьте достойны!
Вечно достойны!*

Ведущий 1: В сердце каждого – свой герой Победы. Мы всегда будем помнить о всех тех, кто победил в этой страшной, кровопролитной войне. Они живы – пока мы помним (*на сцене студенты с фотографиями своих героев*).

Песня «Журавли»

Ведущий 2: Мы всегда будем помнить о Героях Великой Отечественной войны. Они – в наших сердцах.

Таким образом, на филологическом факультете существует целенаправленная работа по гражданско-патриотическому воспитанию будущего учителя, которая нацелена на формирование ценностного отношения к истории, культуре, народу Республики Беларусь, к родному университету, к профессии педагога, стойкой гражданской позиции и социальной активности.

ГРАМАДЗЯНСКА-ПАТРЫЯТЫЧНАЕ ВЫХАВАННЕ МОЛАДЗІ СРОДКАМІ МАСТАЦКАЙ ЛІТАРАТУРЫ

А. У. Сузько

(Мазырскі дзяржаўны педагагічны ўніверсітэт імя І. П. Шамякіна)

Адной з найважнейшых задач, якая стаіць перад сучасным грамадствам, з’яўляецца грамадзянска-патрыятычнае выхаванне моладзі, прывіццё ёй павагі да нацыянальнай гісторыі і культуры. Значная роля ў гэтым працэсе належыць вывучэнню мастацкай літаратуры, у прыватнасці твораў на гістарычную тэматыку. Зварот да гістарычнага мінулага ўплывае не толькі на фарміраванне грамадзянска-патрыятычных пачуццяў школьнікаў і студэнтаў, але і на складанне актыўнай жыццёвай і грамадзянскай пазіцыі моладзі. Судакрананне з айчыннай мінуўшчынай, увага да гераічных здзяйсненняў і перамог продкаў, да іх радасці і болю абумоўлівае выхаванне асобы, якая адчувае сваю моцную сувязь з продкамі і клопаціцца пра будучыню сваёй краіны.

Значную цікавасць у плане мастацкай рэканструкцыі слаўнай і трагічнай беларускай гісторыі ўяўляюць творы В. Іпатавай, у якіх адлюстравалася не толькі гісторыя нашай краіны перыяду Полацкага княства і Вялікага Княства Літоўскага (“За морам Хвалынскім”, “Залатая жрыца Ашвінаў”, “Вяшчун Гедзіміна”, “Альгердава дзіда”, “Знак Вялікага магістра” і інш.), але і гісторыя фарміравання нацыянальнага духу, нацыянальнай ментальнасці. Гэта таксама адзін з важных фактараў фарміравання талерантнай асобы, якая ведае культуру свайго народа і паважае культуры іншых народаў.

Гісторыя ў мастацкім адлюстраванні В. Іпатавай з’яўляецца сродкам выяўлення нацыянальнага менталітэту, нацыянальнага характару і стылю жыцця. Пісьменніца ў сваіх творах звяртаецца да вызначальных, асноватворных у фарміраванні нацыянальнай ідэнтычнасці, нацыянальнай самабытнасці і адметнай філасофіі быцця гістарычных падзей, як, напрыклад, да гісторыі Полацкага княства ў такіх творах, як “Прадслава”, “За морам Хвалынскім”, гісторыі перыяду Вялікага Княства Літоўскага ў апавяданні “Давыд Гарадзенскі”, гістарычнай трылогіі “Гаспадары Вялікага княства Літоўскага”, рамане “Знак Вялікага магістра” і інш. Менавіта ў гэтыя гістарычныя часы, паводле В. Іпатавай, адбывалася станаўленне нацыянальнай карціны свету, адметнай беларускай светабудовы і характэрнага беларускага тыпажу. Духоўная і маральна-

этычная структура нацыянальнага этнацыпа, паводле твораў пісьменніцы, грунтуецца на арганічным суіснаванні двух светапоглядных пачаткаў: язычніцкага і хрысціянскага. Таму невыпадкова дзяржаўныя дзеячы, вобразы якіх створаны ў мастацкіх тэкстах В. Іпатавай (князь Брачыслаў, князь Усяслаў Чарадзеі, Міндоўг, Гедзімін, Альгерд, Вітаўт і інш.), усведамляючы важнасць аб'яднання краіны з дапамогай прыняцця адзінай веры, што распаўсюдзілася па ўсёй цывілізаванай Еўропе і ўзмацніла сярэднявечныя еўрапейскія дзяржавы, не знішчаюць старажытныя язычніцкія святыні і паважліва ставяцца да веры продкаў. Такім чынам, верацярпімасць, талерантнасць беларусаў былі, на думку В. Іпатавай, сфарміраваны ў пераломныя моманты будаўніцтва беларускай дзяржаўнасці і выхаду яе правобразаў (Полацкага княства, Вялікага Княства Літоўскага) на агульнаеўрапейскую палітычную, культурную і быццёва-светапоглядную прастору. Падобнае мастацкае рашэнне В. Іпатавай, на нашу думку, з'яўляецца карысным як для настаўнікаў-філолагаў у тлумачэнні адметнай беларускай нацыянальнай карціны свету, так і для настаўнікаў, што выкладаюць асновы айчынай і сусветнай культуры падчас факультатыўных заняткаў, паколькі, напрыклад, у раманах “Залатая жрыца Ашвінаў” пісьменніца звяртаецца да самага старажытнага – індаеўрапейскага – кампанента беларускай культуры і сцвярджае, што айчынная мастацка-духоўная спадчына з самага пачатку свайго ўзнікнення была арганічна далучана да агульначалавечай культурнай спадчыны. І, разам з тым, творы В. Іпатавай даюць многа фактычнага матэрыялу для разумення таго, як паступова і арганічна на беларускія землі прыйшло і стала сваім, родным хрысціянства. Так, у словах княжыча-манаха Войшалка з рамана “Залатая жрыца Ашвінаў” увасоблена гістарычная праўда і разгадка спецыфікі беларускага духу, калі ён у размове з Жывенай разважае аб тым, што яднанне людзей у новай дзяржаве павінна адбыцца на аснове адзінай рэлігіі, але з умовай захавання лепшых традыцый, старых вераванняў і абрадаў.

Характэрна, што Вольга Іпатава найчасцей звяртаецца да аднаго з самых спрэчных момантаў беларускай гісторыі, дыскусіі вакол якога вядуцца да сённяшняга часу, – да гісторыі перыяду Вялікага Княства Літоўскага. Палеміка разгортваецца вакол пытання нацыянальнай ідэнтыфікацыі гэтай сярэднявечнай дзяржавы паміж беларускімі і літоўскімі вучонымі, палітыкамі і г. д. Пісьменніца стварае сваю арыгінальную мастацкую канцэпцыю айчыннага мінулага, сцвярджаючы першасную ролю беларусаў у будаўніцтве і ўмацаванні Вялікага Княства Літоўскага. Невыпадкова ў першай кнізе гістарычнай трылогіі ёю створаны вобраз Жывены, жрыцы язычніцкага храма братаў Ашвінаў, культ якіх меў індаеўрапейскую аснову і быў шырока распаўсюджаны менавіта ў славянскай старажытнай культуры і веры. Праз вобраз жрыцы пісьменніца не толькі актуалізуе і падкрэслівае думку пра сувязь нацыянальнай карціны свету з сусветнай быццёва-духоўнай традыцыяй, але і абгрунтоўвае свае ўласныя прынцыпы адлюстравання айчыннага гістарычнага мінулага. Менавіта вачыма Жывены, пазашлюбнай дачкі князя Міндоўга, мы бачым яго палітычную, дзяржаўную дзейнасць, разумеем складанасць задачы, што паўстала перад Міндоўгам (задача стварэння дзяржавы, яе ўмацавання), разумеем, што на шляху да трону вялікім князем было праліта нямала крыві. Але, разам з тым, разумеем і стваральніцкую сутнасць жыцця і дзейнасці заснавальніка Вялікага Княства Літоўскага.

Паказ гісторыі праз выдуманых вобразы-персанажы альбо праз вобразы канкрэтна-гістарычных асоб, набліжаных да палітычнай эліты таго часу, звязаных з ёю кроўнымі альбо іншымі сувязямі, як, напрыклад, звяздар-вяшчун Ляздзейка з рамана “Вяшчун Гедзіміна”, становіцца адным з вызначальных прынцыпаў мастацкага адлюстравання гісторыі ў прозе В. Іпатавай. Такі аб'ектыўны погляд на падзеі і палітычных дзеячаў Вялікага Княства Літоўскага, погляд незацікаўлены, не абцяжараны абавязкамі служэння ўладзе (бо і Жывена, і Ляздзейка пакрыўджаны

ўладай і ў пэўным сэнсе ўвасабляюць свабодны духоўна-творчы пачатак беларускага народа), погляд творча-духоўны садзейнічае глыбокаму і пераканальнаму выяўленню нацыянальнай гісторыі.

На нашу думку, пры вывучэнні рамана “Залатая жрыца Ашвінаў” неабходна падкрэсліць, што ў вобразе і жыццёвым лёсе Жывены ўвасоблена гісторыя тагачаснай Беларусі, якая, як адзначае Л. Савік, “не раз дратавалася нямірнымі суседзямі, была паланянкай, знаходзілася ў межах уплыву Заходняй Еўропы і Візантыі” [1, с. 109]. Такім чынам, у лёсах персанажаў В. Іпатавай заключаны гістарычны код беларускай нацыі, беларускай дзяржавы.

Так, князь Гедзімін, на долю якога выпала задача духоўнай кансалідацыі і цэнтралізацыі ўлады Вялікага Княства Літоўскага, будаўніцтва стольных гарадоў будучай магутнай дзяржавы, паказаны не толькі як дзяржаўна-палітычны дзеяч, але і як чалавек: бацька, у якога сярод 12 дзяцей ёсць свае любімчыкі і які ўсведамляе сваю адказнасць за лёс усіх дзяцей, ад уладкавання жыццёвага лёсу якіх залежыць магутнасць яго дзяржавы; муж, які падпадае пад жончыну ўладу і вымушаны ёй падпарадкоўвацца нават у палітычных справах. Як, напрыклад, было з экспансіяй княжацкага трону, які павінен быў заняць старэйшы сын Альгерд, малодшым сынам Гедзіміна Яўнугам. Такім чынам, Вольга Іпатава дапускае ў сваіх творах шматварыянтнасць у трактоўцы беларускай гісторыі.

Пісьменніца знарок падкрэслівае славянскія карані Гедзіміна, акцэнтуючы ўвагу на дамінанце беларускага кампанента ў жыцці Вялікага Княства Літоўскага. І па-мастацку ўвасабляе і аргументуе ідэю будаўніцтва будучай сталіцы дзяржавы на месцы былога славянскага духоўнага і культурнага цэнтра – Крыў-горада.

Для Вольгі Іпатавай першасную значнасць набываюць не самі гістарычныя факты, а магчымасць іх творчай інтэрпрэтацыі, жаданне рамантызаваць, белетрызаваць айчынную мінуўшчыну з мэтай прапагандысцка-выхаваўчай і папулярызатарскай, у чым праяўляецца відавочная сувязь з традыцыямі У. Караткевіча. Як, напрыклад, у стварэнні глыбока рамантызаванага вобраза сярэднявечнага рыцара, абаронцы роднай зямлі ад крыжасносцаў Давыда Гарадзенскага, у вобразе якога прысутнічаюць відавочныя тыпалагічныя паралелі з вобразам Рамана Ракутовіча з “Сівай легенды” У. Караткевіча.

Але ёсць у творах В. Іпатавай і адступленні ад прынятых прынцыпаў, як, напрыклад, падыход да адлюстравання гісторыі ў рамана “Альгердава дзіда”, які ўяўляе сабой своеасаблівую мастацкую хроніку жыцця і дзейнасці аднаго з самых вядомых кіраўнікоў Вялікага Княства Літоўскага, дзякуючы якому яно стала адной з самых магутных і самадастатковых дзяржаў у тагачаснай Еўропе, які не толькі даў моцны адпор спрадвечным заваёўнікам усходнеславянскіх славянскіх земляў – мангола-татарам, але і засведчыў свой палітычны аўтарытэт і магутнасць сваёй дзяржавы, “да Масквы прысланіўшы сваю дзіду”. В. Іпатава праз канкрэтныя даты, пазначаныя ў назвах кожнага з раздзелаў рамана, узнаўляе асноўныя яго фарміравання і сталення як палітычнага дзеяча, кіраўніка дзяржавы.

Такім чынам, В. Іпатава ў сваіх спробах рэканструкцыі нацыянальнай гісторыі, яе рамантызацыі і папулярызацыі кіравалася найперш задачамі выяўлення нацыятворчых працэсаў, будаўніцтва беларускай дзяржаўнасці і развіцця самабытнай нацыянальнай культуры.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. Савік, Л. Адна між замкаў: літаратурны партрэт Вольгі Іпатавай / Л. Савік. – Мінск: БелСаЭс “Чарнобыль”, 2003. – 168 с.

ПРОБЛЕМА ДУХОВНО-НРАВСТВЕННОГО ВОСПИТАНИЯ ЛИЧНОСТИ В ЭТИКО-ПЕДАГОГИЧЕСКОМ НАСЛЕДИИ КИЕВСКОЙ РУСИ

Т. Н. Сыманович

(Мозырский государственный педагогический университет им. И. П. Шамякина)

Социокультурная ситуация на постсоветском пространстве в настоящее время демонстрирует целый спектр серьезных противоречий во взаимодействии человека с обществом и миром. Тотальное наступление массовой культуры, кризис института семьи, манипулирование человеком со стороны различных социальных групп, возрастание разрушающего воздействия на окружающую среду – все это заставляет ученых все настойчивее говорить о социальном кризисе современного человека. Изменение целевой и содержательной сторон образования выводит на первый план формирование активной, творческой, самостоятельной личности, имеющей установку на постоянное самосовершенствование, «самостроительство». В этой связи принципиально важной исследовательской задачей является изучение прогностического потенциала древнерусской духовной традиции, творческое осмысление и использование в современной педагогической практике методов и средств духовно-нравственного совершенствования человека, представленных в этико-педагогическом наследии Киевской Руси.

Наиболее распространённым методом воспитания в педагогической традиции Киевской Руси был метод убеждения, призванный содействовать формированию нравственного сознания индивида, взглядов, понятий, установок поведения. Древнерусские просветители считали своей первейшей обязанностью разъяснить людям сущность моральных требований, их смысл и значение в нравственном совершенствовании, а самое главное – убедить человека в том, что смысл его жизни состоит в достижении победы духа над плотью, в приближении к нравственному идеалу.

Следует отметить, что применение метода убеждения в воспитательной практике изучаемого периода отличается от его современного использования и трактования. В современной педагогике убеждение предполагает разумное доказательство определенного понятия, нравственной позиции и т. д., метод убеждения строится на использовании четкой логической аргументации [1, 17]. Мыслители Киевской Руси, применяя метод убеждения, опирались главным образом, не на логику суждений, а на апелляцию к чувствам индивида. Феодосий Печёрский при использовании метода убеждения делал акцент на эмоциональном воздействии, он опирался на заложенное в каждом человеке желание стать лучше, совершеннее. В «Слове о терпении, и о любви, и о посте» мыслитель призывает: «Да не уподобимся тем роптивым, которые чрева ради пали в пустыне» [2, 157].

Мастером словесного воздействия на сознание людей являлся Кирилл Туровский. Поучения, слова, молитвы туровского мыслителя были нацелены на то, чтобы сформировать в человеке стремление стать высоконравственной личностью. Кирилл говорил о том, что именно через познание окружающего мира с позиций веры, через подавление в себе греховного, плотского начала индивид может приблизиться к идеалу нравственности. Мыслитель убеждал, что нравственный человек имеет ум истинный, размышляющий [2, 193]. Кирилл призывал: «Давайте не просто проговорим языком, написанное произнося, но, с рассуждением вчитавшись, постараемся делом исполнить это» [2, 193]. В произведениях туровского Златоуста неоднократно обращается внимание на то, что приобщение к знанию не только делает достоянием индивида определенную систему ценностей и моральных норм, но также и пробуждает в нём желание духовного роста.

Кирилл Туровский, убеждая человека принять строгую духовную дисциплину,

обращался к его чувствам и эмоциям. В «Повести о белоризце-человеке и о монашестве» философ внушает: «Те, кто ради Господа оставит и отца, и мать, и имущество... сторицею примут, и жизнь вечную наследуют» [2, 208].

В духовной традиции Киевской Руси метод убеждения находился в тесном взаимодействии с методом положительного примера. Восточнославянские просветители не только поучали, наставляли, разъясняли, каким образом человек может стать совершеннее, какие нравственные качества он должен в себе развивать, но и обращали внимание на конкретные примеры тех, кто сумел в себе развить требуемые моральные свойства, чья жизнь является образцом нравственного поведения.

Метод положительного примера выходит на первый план в воспитательных идеях агиографической литературы. В «Житии Феодосия» в качестве положительного примера выступает сам печерский игумен. Нестор пишет, что Феодосий, «не бо ником же бе напраси, ни гневлив, ни яр очима, но милосерд и тих» [3, 53]. Вся его жизнь состоит из молитвы, учительства и труда. Отсюда и назидание читателю – человек должен стремиться к гармонизации деятельной и молитвенной жизни. Житийная литература Древней Руси также демонстрировала примеры жизни тех людей, которые раньше вели жизнь греховную, безнравственную, а затем путем собственного духовного совершенствования смогли победить в себе зло и приблизиться к нравственному идеалу. Например – столпник Никита Переяславский, за спиной у которого лихоимство, страсти, затем сменившиеся суровым покаянием. Такой пример показывает рядовому человеку, что начать восхождение к вершинам духовности никогда не поздно, у каждого есть возможность стать лучше, добрее, совершеннее. Главное – осознать необходимость покаяния и приложить все усилия для подавления внутри себя дурных помыслов.

Жизнь белоруской просветительницы Евфросинии Полоцкой – пример подвижнического служения ближнему, бескорыстной любви, а также строгой внутренней дисциплины. Пример Евфросинии Полоцкой показывал рядовому мирянину, что в реальной, земной жизни посредством милостыни, труда, просвещения можно приблизиться к нравственному идеалу. В «Житии» неоднократно звучит призыв к любви без лицемерия, к стремлению «мало вещати, а много разумети» [3, 78].

Этико-педагогическая мысль восточнославянских земель X–XIII вв. в качестве метода воспитательного воздействия на личность рассматривала применение наказаний и поощрений.

Говоря о необходимости применении наказания, древнерусские мыслители исходили из педагогических взглядов Иоанна Златоуста, который советовал: «Наступает момент, когда просьба бесполезна, здесь требуются не увещания, но уроки более сильные, строгие истязания, врачевание столь же крепкое, как зло» [4, 28]. Идея наказания за дурные поступки прослеживается практически во всех произведениях Кирилла Туровского. Так, например, в «Притче о слепце и хромце» нарушившие закон душа и тело сурово наказываются за своё преступление.

Однако необходимо отметить, что в педагогических воззрениях восточнославянских авторов X–XIII вв. прослеживается сочувственное, а порой и милостивое отношение к «падшим», к страдающим, вне зависимости от тяжести их греха. Здесь уже можно говорить о зарождении гуманистического характера нравственного воспитания на древнерусских землях.

Наиболее ярко гуманистический подход к человеку вообще и к наказанию в частности присутствует у митрополита Иллариона. Илларион также говорит о неотвратимости наказания за дурные поступки, но в то же время в «Молитве» он призывает Бога: «...мало накажи, но много помилуй, мало уязви, но милостиво исцели... Но по делам нашим не сотвори нам, как и граду тому, и по грехам нашим не

воздай нам, но прояви терпение к нам и даже долготерпение, угаси пламень гнева Твоего...» [2, 123]. Если другие произведения этико-педагогической мысли Древней Руси запугивали человека гневом Господним, то Илларион не призывал кару на людей, он молил Бога не о наказании, а о сострадании: «...укроти гнев, умиласердись, ибо Твоё есть – помиловать и спасти...» [2, 124].

Восточнославянские мыслители X–XIII вв. отмечали, что процесс нравственно-духовного развития личности становится более эффективным, если метод наказания сочетается с поощрением. Если поступки индивида одобряются, вызывают позитивную оценку у его наставника и социального окружения, то он проникается осознанием правильности собственного поведения, в нём вызываются положительные эмоции, что закрепляет потребности и мотивы нравственной деятельности.

В этом смысле очень важно, чтобы совпадали оценочные суждения человека и той среды, к которой он принадлежит. Нужно отметить, что при доминировании принципа общности, соборности в социальной и культурной жизни восточных славян в X–XIII вв. практически не встречается диссонанса в оценочных суждениях относительно того, какой должна быть жизнь высоконравственной личности.

Духовная традиция Киевской Руси в качестве одного из методов нравственного воспитания личности рассматривала создание ситуаций, в которых индивид должен сделать свой нравственный выбор. В такой ситуации человек может реализовать себя и как представитель определенной социальной группы, и как индивидуальность. Исходный момент в создании воспитывающей ситуации – признание человека свободным, ответственным за свои поступки.

Ситуация нравственного выбора предлагается Нестором на примере князей Бориса и Глеба: или спастись самим, или пожертвовать своей жизнью ради спасения дружины. Конечно, такая суровая альтернатива крайне редко присутствует в жизни простого человека, но он должен проникнуться осознанием тех мотивов, которые двигали князьями; представить, как сам бы он повел себя в подобной ситуации. Мотив жертвенной любви к ближнему, который руководил князьями в момент их нравственного выбора, должен в той или иной форме присутствовать в жизни каждого человека.

Сама христианская картина мира и система ценностей ставит человека в состояние напряженного нравственного выбора между духовным, нравственным и телесным, греховным. Именно с позиций такого выбора индивид существует в окружающем мире и в своей социальной среде. Каждый его поступок представляет собой либо подтверждение этого выбора, либо его отрицание. Поэтому очень важно, чтобы в сознании личности делаемый ею выбор в пользу добра находил отклик в виде стремления постоянно, в каждом поступке подтверждать свою приверженность общепринятой системе ценностей. Повседневная жизнь любого человека состоит из множества ситуаций, требующих разрешения нравственного выбора, например: милостыня, прощение, ограничение собственного тщеславия, гордыни и т.д. Поэтому данный метод воспитания действует постоянно. Задача воспитателя – помочь осознать и прочувствовать собственно воспитывающую ситуацию и определиться с выбором в пользу духовности. В последующем такой выбор должен подтверждаться всем образом жизни воспитуемого, его каждодневными делами и отношением к окружающим.

Вышерассмотренные методы нравственного воспитания реализовывались с помощью ряда средств, среди которых древнерусские мыслители особо выделяли: аскетический подвиг, милостыню, беседы, наставления, труд, покаяние, развитие в человеке страха Божьего, самопознание и др.

Именно покаяние рассматривалось восточнославянскими просветителями изучаемого периода как одно из ключевых средств нравственного воспитания

личности. Кирилл Туровский полагал, что покаяние делает возможным духовно-нравственное совершенствование личности. Мыслитель отмечал: «Древо жизни – это смиренномудрие, начало которому покаяние [2, 199]. Владимир Мономах называл покаяние в числе «трех добрых дел», посредством которых человек реализует своё нравственное начало и обретает спасение. Покаяние открывает человеку доступ к любви, совести, чувству долга и т.д. Можно утверждать, что данное средство воспитания представляет своеобразный «труд души» человека. Его необходимость в процессе нравственного развития личности в последующем была взята на вооружение и светской педагогикой. Любое воспитательное требование, наставление останется мёртвой буквой, если индивид не «примерит его на себя» при оценке собственных поступков. В современной педагогической науке «труд души» является средством, при помощи которого осуществляется бинарный метод воспитания «дилемма – рефлексия».

В философско-педагогическом наследии Киевской Руси большой воспитательной силой наделялась милостыня. Древнерусская этико-педагогическая мысль исходила из утверждения Иоанна Златоуста о том, что «человек, не дающий милостыни и не заботящийся о бедных, не может быть спасён» [4, 306]. Любовь к ближнему виделась, прежде всего, в сострадании страждущему, в оказании личной милостыни. Эта идея находилась в основании практического нравоучения на восточнославянских землях X–XIII вв. В средневековье считалось, что бедные и неимущие стоят ближе к Христу, чем собственники. Поэтому благотворительность в пользу бедных всячески поощрялась. Во время оказания милостыни происходит процесс нравственно-духовного взаимодействия – благотворитель, воочию столкнувшись с людской нуждой, облегчает её, становясь лучше, добрее; а нуждающийся видит того, кто ему помог, и он молится за его спасение, принимая тем самым участие в жизни того человека, который протянул руку помощи. С точки зрения А.С. Майхровича, особое внимание к обездоленным – это внимание ко всем людям, к каждому; это вера и надежда на их развитие и совершенствование, залог их возвышения [5, 45].

Таким образом, представленные в духовной традиции Киевской Руси методические основы нравственного воспитания позволяли достичь успешной реализации заявленных целей воспитания, то есть формирования высоконравственной, с точки зрения христианских этических ценностей, личности, которая бы гармонично вписывалась в реалии своей исторической эпохи.

Список использованных источников

1. Левшун, Л.В. Очерки истории восточнославянской средневековой книжности: эволюция творческих методов / Л.В. Левшун. – Минск: Европейский гуманитарный университет, 2000. – 270 с.
2. Златоуст, Иоанн. Древняя Русь X–XIII вв. – М.: Молодая гвардия, 1990. – 685 с.
3. Федотов, Г.П. Святые Древней Руси / Г.П. Федотов – Ростов-на-Дону: Феникс, 1999. – 384 с.
4. Иоанн Златоуст. О воспитании / Златоуст, Иоанн – М.: Паломник. – 903 с.
5. Майхрович, А.С. Становление нравственного сознания (Из истории духовной культуры Беларуси) / А.С. Майхрович. – Минск: Наука и техника, 1996. – 205 с.

УСХОДНЯЕ ПАЛЕССЕ Ў ПЕРШЫЯ МЕСЯЦЫ КАЗАЦКА-СЯЛЯНСКАЙ ВАЙНЫ (ЧЭРВЕНЬ – ЛПЕНЬ 1648 г.)

С. А. Чаропка

ГДУ імя Ф. Скарыны (Гомель)

Казачка-сялянская вайна 1648–1651 гг. з’яўляецца адной з найбольш значных падзей у гісторыі Беларусі першага перыяду новага часу. Вайна ахапіла значную тэрыторыю, падняла да барацьбы вялікую частку насельніцтва, якія прадстаўлялі розныя сацыяльныя, канфесійныя і этнічныя групы і праследавалі розныя мэты. Казачка-сялянская вайна 1648–1651 гг. стала ўвасабленнем глыбокага

ўнутрыпалітычнага крызісу ў грамадстве Вялікага Княства Літоўскага ў XVII ст. Менавіта гэтая вайна распачала ў беларускай гісторыі перыяд, які ва ўкраінскай гістарыяграфіі атрымаў слушную назву “Руіна”, а ў польскай гістарычнай літаратуры “Патоп”. Нягледзячы на тое, што сэнс гэтых тэрмінаў ва ўкраінскай і польскай навуковай літаратуры – не тое, для беларускіх зямель ВКЛ, ён фактычна аднолькавы, таму што Беларусь перажыла ў сярэдзіне XVII ст. і ўварванне вялізных замежных армій і, як наступства, сур’ёзна пацярпела ад войнаў 1648–1651 гг. і 1654–1667 гг. Маштабнасць падзей казацка-сялянскай вайны, яе значэнне для далейшага лёсу беларускага народа робіць даследаванне вайны і асобных яе фрагментаў дастаткова актуальным.

Пакуль кіраўніцтва Літоўска-Рускай дзяржавы знаходзілася на канвакацыйным сойме ў Варшаве, казакі імкліва набліжались да тэрыторыі Вялікага Княства Літоўскага. У сярэдзіне чэрвеня паўстанне ўжо палыхала ў памежным з ВКЛ Чарнігаўскім ваяводстве, хаця сам павятовы цэнтр, дзе згуртавалася мясцовая шляхта, знаходзіўся яшчэ пад кантролем дзяржаўнай адміністрацыі. Чарнігаўская шляхта прасіла, “каб ёй далі людзей (у дапамогу – С.Ч.)”, але дапамагчы ім было ўжо не магчыма [1, с. 51]. 23 чэрвеня казакі пасля перамоў з мясцовымі мяшчанамі занялі Ноўгарод-Северскі, які знаходзіўся прыкладна ў 50 км ад мяжы Вялікага княства. “А палякі і жыды, ... якія збегліся былі ў Навагародак Северскай у аблогу ... За дзень перад прыходам казакаў, пакінуўшы Навагародак-Северскай, пабеглі да Старадуба і ў Літву” [2, с. 48]. Становішча чарнігаўскай шляхты набліжалася да катастрафічнага. У гэтых умовах старадубская шляхта ВКЛ, верагодна на чале з падстаростам Рафалам Уезскім, паспрабавала дапамагчы суседзям і ў 20-х чыслах чэрвеня арганізавала паход на Ноўгарод-Северскі. Па маштабах Старадубшчыны экспедыцыя аказалася маштабнай, у ёй прынялі ўдзел каля 300 чалавек, але ўлічваючы далейшае развіццё падзей, можна выказаць меркаванне, што плёну яна не дала [3, с. 217; 2, с. 52].

Знікненне кантролю дзяржаўнай улады над Чарнігаўшчынай спрыяла таму, што ў Вялікім Княстве Літоўскім з казакамі першай сутыкнулася старадубская, рэчыцкая і мазырская шляхта. У сярэдзіне чэрвеня, яшчэ да прыходу ў Старадубскі павет казацкіх загонаў, тут сталі ўтварацца атрады паўстанцаў, якія нападлі на шляхецкія маёнткі і рабавалі іх. “У літоўскай зямлі ваююць ахвотныя ўсялякія людзі, а не чаркасы (казакі – С.Ч.)” – адзначае сучаснік [3, с. 218]. Прыхільныя да казакаў сяляне аб’ядноўваліся ў невялікія групы і нападлі на шляхецкія дамы. “Халопы бунтуюць, пры гэтым у нашых краях, што ні халоп, то казак, кожнага апасацца трэба”, пісаў 3 ліпеня з-пад Мазыра У.Е. Халецкі [4, с. 78]. Апасаючыся за сваё жыццё шляхціцы вымушаны былі або ўцякаць у гарады, або недзе было схаватца. С. Марцінкевіч піша: “Я сам застаўся ў Стрэшыне (зараз пасёлак у Жлобінскім раёне), каб паглядзець, што будзе далей, але не начую ніколі на (сваім – С.Ч.) двары, размясціўся ў пушчы лясной і там начую, кожны раз на новым месцы” [4, с. 85].

Слабасць дзяржаўных пазіцый у рэгіёне тлумачылася як сімпатыяй часткі сялянства да ідэй, якія дэклаваў Б. Хмяльніцкі, так і адсутнасцю дзяржаўнага войска. “Жаўнера няма”, – смуткаваў С. Марцінкевіч, “і не чуць аб ім” [449, с. 85]. Толькі 2 ліпеня, ужо пасля пераходу Гомеля пад кантроль паўстанцаў, пад Стрэшын (зараз пасёлак у Жлобінскім раёне) падыйшла харугва М. Абрамовіча ў 50 коней. Яшчэ 100 коней мелі харугвы Я. Паца і У. Е. Халецкага, які знаходзіўся ў вёсцы Насовічы (зараз у Калінкавіцкай раёне). “Што ж гэта супраць такога войска (казакаў – С.Ч.)?” – бядуе С. Марцінкевіч [4, с. 85]. Ва ўмовах спынення дзяржаўных механізмаў прымусу настроі сялян радыкалізаваліся і ў сялянска-мяшчанскім асяродку ініцыятыва пераходзіла ад памяркоўна да радыкальна настроеных лідараў. Такім чынам, яшчэ да прыходу казакаў

у паўднёва-ўсходнія раёны Вялікага Княства Літоўскага, у гэтым рэгіёне ўжо было нестабільна, пачыналася сялянскае паўстанне.

У гэтых умовах шляхта сама ўмацоўвалася як магла. “У Старадубе, ..., у Почапе гарады робяць і валы земляныя насыпаюць” – адзначае трубчэўскі ваявода Нікіфар Нашчокін. Напачатку чэрвеня “пані Керліна ... загадала рабіць (умацоўваць – С.Ч.) горад Почап і пасля яе прыслала ў Почап каманду з пяццю гарматамі і порахам, а за камандай ідуць казакаў пешых чалавек з дзвесце” [3, с. 209-210]. Хаця шляхта з мэтай бяспекі з’ехалася ў павятовы цэнтр, відавочнай пагрозы яго падзення ў сярэдзіне 1648 г. яшчэ не існавала [3, с. 218]. Сітуацыя змянілася пасля падзення Ноўгарад-Северскага. “Пад Старадуб пайшлі тысячы з дзве” – адзначалі 25 чэрвеня інфарматыры бранскага ваяводы Мяшчэрскага [3, с. 218]. Наколькі можна ўявіць з наступнага тэксту крыніцы гаворка ідзе не пра “чаркасаў”, г. зн. казакаў, а пра паказаных сялян. Разам з тым, у гэтым паведамленні можа ісці гаворка аб палку наказнога гетмана Пятра Галавацкага, які быў накіраваны ў Чарнігаўскае ваяводства. Адтуль яго казакі паводле звестках В. Каяловіча “на тэрыторыю Вялікага Княства Літоўскага ўварваліся, Старадуб, Гомель і іншыя мястэчкі здраднікі занялі [5, с. 2].

Першым сур’ёзным умацаваннем на шляху казацкага палка Галавацкага на тэрыторыі сучаснай Беларусі стаў горад Гомель Рэчыцкага павета. Гэты населены пункт з’яўляўся стратэгічна важным з двух пунктаў гледжання. Па-першае, Старадубскі павет адразаўся ад магчымай дапамогі з боку Рэчыцы. Па-другое, авалоданне Гомелем адкрывала шлях для далейшага праходжання праз Чачэрск, Рагачоў і далей у Белую Русь.

На думку Л. С. Абецэдарскага, які ў сваю чаргу спасылаецца на М. І. Кастамарава, першыя казацкія загоны з’явіліся ў беларускім Палессі напрыканцы мая 1648 г. Аднак гэтая даціроўка выклікае пэўныя сумненні, бо пацвярджэння ёй у крыніцах выявіць не ўдалося, а сам М. І. Кастамараў не вызначыў дакладна храналагічных рамак знаходжання менавіта на тэрыторыі сучаснай Беларусі першага загона, адзначыўшы толькі, што яго ўзначаліў П. Галавацкі [6, с. 98; 7, с. 239].

У канцы мая праз сучасныя беларускія землі якраз праходзіла войска князя І. Вішнявецкага, якое адступала з Левабярэжнай Украіны. 30 мая войска прыбыла ў Брагін, дзе знаходзілася на працягу тыдня. Толькі “8 чэрвеня, выступілі ... да Бабіч пад Мазыр (зараз вёска Барбароў Мазырскага раёна – С.Ч.), таму што цяжка было пераправіцца праз Прыпяць. 10 чэрвеня прышлі да Бабіч, дзе святкавалі дзень Богага Цела. ... Войска некалькі дзён перапраўлялася праз Прыпяць, затым размясцілася лагерам у паўмілі ад Бабіч на шляху на Оўруч” [8, с. 422]. Наяўнасць на Брагіншчыне і Мазыршчыне ў першай палове чэрвеня, хаця і стомленага, але як паказалі пазней падзеі даволі баяздольнага войска аб’ектыўна перашкаджала разгортванню тут паўстанцкага руху.

Але разгортванню паўстання ў ВКЛ усё ж у пэўнай меры перашкаджала абарона Чарнігава. Некаторыя гарады, сутыкнуўшыся з ўпартым супраціўленнем чарнігаўскай шляхты, не перайшлі на бок казакаў. У прыватнасці, 4 жніўня ўсё яшчэ пад кантролем урадавых сіл знаходзіўся Чарнобыль, трымаючы 10-тыднёвую аблогу. Камандзір чарнобыльскага гарнізона 4 (або 7) жніўня паведамляе: “Жыву я адзін у Чарнобылі, аточаны на ваколіцах палкамі гэтай саранчы, штодзённыя адчуваючы напады. Па шэсць соцень казацкіх пад’язджаюць штодня да брам, на людзей маіх ціснуць, але застаюся пры ўрадзе з ласкі Божай. Вельмі не да спадабы гультайству, што ўсёй авалодаўшы Севершчынай да самога Быхава, Чарнобыль, які перад вачамі стаіць, мець не могуць” [4, с. 117]. Абаронцы Чарнобыля ў пэўнай меры забяспечвалі спакой для Мазырскага павета. Нягледзячы на пагрозы казакаў, цікавымі прадстаўляюцца паводзіны чарнобыльскіх мяшчан. “Сёння (4 або 7 жніўня – С.Ч.) апоўдні атрад у 1000 коней

пад'ехаў да самай брамы ..., але ў той жа час мяшчанская варта зачыніла браму. Заклікалі мяшчан просячы аб выданні жыдоў з іх скарбамі і пораху. Адказалі мяшчане, што зышлі жыды з горада, на лютую смерць не жадаючы выдаваць (яўрэяў – С.Ч.). А пораху толькі на свае патрэбы маем” [4, с.117].

Для ўмацавання ва ўсходнім Палессі важнай задачай для казацкіх загонаў было авалоданне павятовымі цэнтрамі такімі, як Мазыр і Рэчыца. Першыя падраздзяленні сталі з'яўляцца ва ўсходнім Палессі на пачатку ліпеня. 2 ліпеня да Стрэшына (зараз пасёлак Жлобінскага раёна), верагодна для абароны перапраў праз Дняпро каля вёскі Смычок (зараз вёска Буда-Кашалёўскага раёна) і Бярэзіну каля мястэчка Горваль (зараз вёска Рэчыцкага раёна) падышла татарская харугва М. Абрамовіча, колькасцю 50 коней [4 49b, с. 85]. У другой палове ліпеня да Рэчыцы падышло некалькі харугваў мазырскіх шляхты на чале з У. Валовічам [9, s. 114].

У раён Мазыра ў першыя дні ліпеня прыбылі 2 харугвы агульнай колькасцю ў 100 коней Я. Паца і У.Е. Халецкага [4, с.85]. На абарону Мазырскага павета ўзброіў тры харугвы У. Валовіч, аднак яны яшчэ знаходзіліся ў Навагрудскім ваяводстве [9, s. 114]. Аршанская шляхта сабралася пад кіраўніцтвам князя Рыгора Друцкага-Горскага [10, с. 98; 5, с. 6].

У другой палове ліпеня шляхецкія харугвы сталі збірацца па лініі Мазыр – Рэчыца – Стрэшын – Рагачоў – Быхаў, каб “каля Барысфена, Бярэзіны і Прыпяці вароты блакіраваўшы” былі [5, с. 6]. Такім чынам, будавалася заслона для набліжэння паўстання да ўнутраных раёнаў Вялікага княства.

Але гэтыя меры далі толькі кароткачасовы эффект. Па-першае, дзеянні шляхецкіх атрадаў былі несаардынаваныя, паміж іх кіраўніцтвам часта ўзнікалі спрэчкі. Напрыклад, У. Валовіч, адступаючы пад націскам казакаў, замест таго, каб аб'яднаць свае сілы з Г. Мірскім “не жадаючы быць пад камандаваннем апошняга, адступіў да Бабруйска” [4, с. 604–605]. Па-другое, шляхецкіх сіл аб'ектыўна не хапала для абароны велізарнай тэрыторыі, асабліва пасля падыходу да межаў ВКЛ новых казацкіх атрадаў. Гэта яскрава праявілася ў жніўні – кастрычніку 1648 г.

Спіс выкарыстанай літаратуры

1. Jakuba Michałowskiego, wojskiego lubelskiego, a później kasztelana bieckiego, Księga pamiętnicza. – Kraków: w drukarni C.K. Uniwersytetu, 1864. – 838 s.
2. Воссоединение Украины с Россией: док-ты и матер.: в 3-х т. – М.: Изд-во Акад.наук СССР, 1953. – Т. 2. – 559 с.
3. Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археологической комиссией (АЮЗР). – СПб.: тип. П.А. Кулиша, 1861. – Т. 3. – 604, 134, 22 с.
4. Джерела з історыі Національна-вызвольнай вайны украінскага народу. – Київ: б.в., 2012. – Т. 1. – С. 670 с.
5. Kojałowicz, W.W. De Rebus Anno 1648 et 1649 contra Zaporovios Cosacos Gestis / W.W. Kojałowicz. – Vilnae: Druk. Akademicka, 1651. – 110 s.
6. Абецедарский, Л.С. Белоруссия и Россия. Очерки русско-белорусских связей второй половины XVI–XVII в. / Л.С. Абецедарский; под ред. З.Ю. Копысского. – Минск: “Вышэйш. школа”, 1978. – 256 с.
7. Костомаров, Н.И. Материалы и исследования. Богдан Хмельницкий / Н.И. Костомаров. – М.: “Чарли”, 1994. – 768 с.
8. Дневник Богуслава Машкевича. 1643–1649 // Мемуары, относящиеся к истории Южной Руси: вып. II (первая половина XVII ст.); под ред. В. Антоновича. – Киев: Тип. Г.Т. Корчак-Новицкого, 1896. – С. 406–438.
9. Kotłubaj, E. Życie Janusza Radziwiłła / E. Kotłubaj. – Wilno-Witebsk, 1859. – 460 s.
10. Шевалье, П. Історія вайны козакаў проти Польшы. З розвідкою про іхне походжэння, краіну, звычай, спосіб правлення та рэлігію і другою розвідкою про перекопскіх татар / П. Шевалье / пер. з франц. вид. 1663 р. – Київ: Вид-во Акад. наук УРСР, 1966. – 199 с.

ДЕТСКИЕ УВЛЕЧЕНИЯ НАТАШИ РОСТОВОЙ КАК ФОРМА ЕСТЕСТВЕННОГО ЧУВСТВА В РОМАНЕ Л. Н. ТОЛСТОГО «ВОЙНА И МИР»

Т. В. Швед

(Мозырский государственный педагогический университет им. И.П. Шамякина)

Образ Наташи Ростовой в романе «Война и мир» один из главных для писателя. Для Наташи Ростовой «Война и мир» становится фоном, на котором разворачиваются события её жизни, происходит взросление. Л.Н. Толстой вводит Наташу в круг действующих лиц тринадцатилетней девочкой. Он рисует ее живой, радостной, смеющейся, покоряющей своей непосредственностью, смелостью, эмоциональностью: «Черноглазая, с большим ртом, некрасивая, но живая девочка, со своими детскими открытыми плечами, выскочившими из корсажа от быстрого бега, со своими сбившимися назад черными кудрями, тоненькими оголенными руками и маленькими ножками в кружевных панталончиках и открытых башмачках, была в том милом возрасте, когда девочка уже не ребенок, а ребенок еще не девушка. Вывернувшись от отца, она подбежала к матери и, не обращая никакого внимания на ее строгое замечание, спрятала свое раскрасневшееся лицо в кружевах материнской мантильи и засмеялась. Она смеялась чему-то, толкуя кому-то про куклу, которую вынула из-под юбочки [1, 60].

В отношениях молодых людей-подростков, юношей и девушек – проглядывает зыбкое любовное чувство, еще не оформившееся и детское, но естественное и робкое. Особенно прекрасно это смешение детского и взрослого в поступках и увлечениях Наташи Ростовой: «Когда Наташа вышла из гостиной и побежала, она добежала только до цветочной. В этой комнате она остановилась, прислушиваясь к говору в гостиной и ожидая выхода Бориса. Она уже начала приходить в нетерпение и, топнув ножкой, собиралась было заплакать от того, что он не шел, когда слышались не тихие, не быстрые, приличные шаги молодого человека. Наташа быстро бросилась между кадок цветов и спряталась» [1, 81].

В указанной сцене противопоставлены рассудительность и светскость еще совсем молодого человека и непосредственность, естественность Наташи.

Несколькими строками далее Наташа подсмотрела поцелуй Сони и Николая, которые старше ее, и, подражая им, захотела поцеловать Бориса. Наташа в этой сцене – активная сторона, она по-детски непосредственна, Борис же ведет себя как взрослый и рассудительный человек: «— А меня хотите поцеловать? – прошептала она чуть слышно, исподлобья глядя на него, улыбаясь и чуть не плача от волнения.

Борис покраснел.

— Какая вы смешная! – проговорил он, нагибаясь к ней, еще более краснея, но ничего не предпринимая и выжидая.

Она вдруг вскочила на кадку, так что стала выше его, обняла его обеими руками, так что тонкие голые ручки согнулись выше его шеи и, оттолкнув движением головы волосы назад, поцеловала его в самые губы.

Она проскользнула между горшками на другую сторону цветов и, опустив голову, остановилась.

— Наташа, – сказал он, – вы знаете, что я люблю вас, но...

— Вы влюблены в меня? – перебила его Наташа.

— Да, влюблен, но, пожалуйста, не будем делать того, что сейчас...Еще четыре года...Тогда я буду просить вашей руки [1, 82–83].

Трогательная атмосфера влюбленности, которым пронизан дом Ростовых, проявляется и в отношениях двух сестер – Наташи и Сони. Наташа, поддаваясь движению сердца, плачет вместе с Соней, когда ту расстроила старшая сестра Вера: «Вбежав в Сонину комнату и не найдя там своей подруги, Наташа пробежала в детскую

– и там не было Сони. Наташа поняла, что Соня была в коридоре на сундуке. Сундук в коридоре был местом печали женского молодого поколения семейства Ростовых. Действительно, Соня в своем воздушном розовом платье, приминая его, лежала ничком на грязной полосатой няниной перине, на сундуке и, закрыв лицо пальчиками, навзрыд плакала, подрагивая своими оголенными плечиками. Лицо Наташи, оживленное, целый день именинное, вдруг изменилось: глаза ее остановились, потом содрогнулась ее широкая шея, углы губ опустились.

– Соня! Что ты?.. Что, что с тобой? У-у-у!..

И Наташа, распустив свой большой рот и сделавшись абсолютно дурною, заревела, как ребенок, не зная причины и только оттого, что Соня плакала. Соня хотела поднять голову, хотя отвечать, но не могла и еще больше спряталась. Наташа плакала, присев на синей перине и обнимала друга. Собравшись с силами, Соня приподнялась, начала утирать слезы и рассказывать» [1, 123].

Тогда же, в детстве, Наташа впервые танцевала с Пьером, не подозревая о том, что через много лет он станет ее мужем: она была очень рада представить себя взрослой: «Пока расстанавливались пары и строились музыканты, Пьер сел со своей маленькой дамой. Наташа была совершенно счастлива: она танцевала с большим, с приехавшим из-за границы. Она сидела на виду у всех и разговаривала с ним, как большая. У нее в руке был веер, который ей дала подержать одна барышня. И, приняв самую светскую позу (Бог знает, где и когда она этому научилась), она, обмахиваясь веером и улыбаясь через веер, говорила с своим кавалером» [1, 135].

Так же непосредственно после Бориса Наташа увлеклась Василием Денисовым, она даже поцеловала его, а когда Николай попросил ее станцевать мазурку с Денисовым, она инстинктивно угадала, какое движение она должна сделать в необычном танце: «Наташа чутьем угадывала то, что он намерен был сделать, и, сама не зная как, следила за ним, отдаваясь ему. То он кружил ее на правой, то на левой руке, то, падая на колено, обводил ее вокруг себя и опять вскакивал и пускался вперед с такой с такою стремительностью, как будто он намерен был, не переводя духа, перебежать через все комнаты; то вдруг опять останавливался и делал опять новое и неожиданное колено. Когда он, бойко закружив даму перед ее местом, щелкнул шпорой, кланяясь перед ней, Наташа даже не присела ему. Она с недоумением уставила на него глаза, как будто не узнавая его» [1, 401].

Так же безошибочно, инстинктивно, она догадывается и о том, что Долохов – эгоистичный и злой человек: «В числе молодых людей, введенных Ростовым, был одним из первых – Долохов, который нравился всем в доме, исключая Наташу. За Долохова она чуть не поссорилась с братом. Она настаивала на том, что он злой человек, что в дуэли с Безуховым Пьер был прав, а Долохов виноват, что он неприятен и неестественен.

– Нечего мне понимать! – с упрямым своевољством прокричала Наташа, - он злой и без чувств. Вот ведь я же люблю своего Денисова, он и кутила, и все, а я все-таки его люблю, стало быть, я понимаю. Не умею, как тебе сказать, у него все назначено, а я этого не люблю» [1, 395].

Соня и Наташа неразлучны, они даже внешне похожи одна на другую, у них нет друг от друга никаких секретов. Обе полюбили одновременно, обеим сделали предложение молодые мужчины, которым они были вынуждены отказать. На этом заканчивается детство Наташи и начинается новый, взрослый этап ее жизненного пути.

Список использованных источников

1. Толстой, Л. Н. Война и мир: Роман в 4-х томах. Т. 1–2 / Л. Н. Толстой. – Минск: Мастацкая літаратура, 1987. – 718 с.

ДУХОВНЫЙ МИР УЧАЩЕГОСЯ И ЕГО НРАВСТВЕННЫЕ ЦЕННОСТИ

В. П. Шевченко, М. Н. Шевченко

(Мозырский государственный педагогический университет им. И. П. Шамякина)

Духовно-нравственное воспитание – это социально-педагогический процесс соотношения нравственных требований и духовного потенциала общества, самостоятельной нравственной позиции личности и ее социокультурной деятельности в соответствующей пространственно-временной ситуации.

Проблема духовности как основы субъективности, самостоятельности и творческой активности личности учащегося в современной педагогической практике является прямым следствием естественнонаучного подхода к образованию. Реальное бытие жизнедеятельности личности, основанное на знаковых символических системах культуры, искусстве моделирования и проектирования новой действительности с помощью соответствующих вербальных форм и смыслов литературных, компьютерных и других текстов заменяется здесь проверенной экспериментально теоретической моделью. Не исключением тому является, например, и литературное образование, духовно-нравственная природа которого выхолащивается существующими дидактическими принципами. Система нравственного воспитания, благодаря им, предстает как некая теоретическая модель, адаптированная к новым социокультурным условиям.

Вместе с тем требование строить духовно-нравственное воспитание в соответствии с теоретической моделью и основанными на ней экспериментальными методиками несостоятельно уже в силу того, что духовное развитие происходит в соответствии со смыслами и ценностями культуры, имеющими основу в культурно-исторической практике, а не в теории. Оно изначально практикоориентировано, определено ценностно-нормативными и эмоционально-чувственными основами повседневной жизнедеятельности и чаще всего имеет форму не столько целенаправленного процесса воздействия извне, сколько бессознательного закрепления опыта, его норм через простое подражание и стереотипизацию мышления. И это особенно проявляется в художественной литературе, как одном из видов искусства, которое имеет дело с текстом как формой субъективного выражения и проявления духовного мира учащегося, его ценностно-нормативной позиции, переживания соответствующих культурных смыслов, которые нельзя просто отразить в сознании, а можно лишь понять, раскодировав языковые значения.

Духовно-нравственное воспитание учащихся средствами художественной литературы представляет собой разновидность социокультурной деятельности, имеющей свое духовное содержание в виде ценностно-нормативной заданности и смысловой определенности, возникающих в результате социального взаимодействия с другими людьми, понимания их, сопоставления идеального образа в тексте с реальной практикой общения в трудовой, бытовой, досуговой и других сферах, формирования и развития их в качестве субъектов культуры.

Сама же художественная литература предстает как важнейший инструмент конструирования социокультурной практики в виде своеобразного синтеза реальных и виртуальных форм общения или общения, основанного на непосредственных контактах человека с человеком (с другим индивидом, с группой, обществом) и опосредствованное через текст книги взаимоотношение человека со всем многообразием человеческой цивилизации, прошлой и современной ему. Читая "Повесть временных лет" или "Иллиаду", "Легенду о Тристане и Изольде", мы не только воссоздаем в своем воображении образы давно минувшего и неведомого нам времени, но и переживаем информационную и эмоциональную ситуацию общения.

Переживая то, что мы читаем, что воспринимается на экране кинематографа или телевизора, словом – наслаждаясь искусством во всем объеме и многообразии, мы в то же время находимся в состоянии живого человеческого общения, но на базе эстетической иллюзии. Оставаясь иллюзорным по форме, такое общение не менее значимо для человеческой культуры, чем общение непосредственное, живое, чем конкретное действие. Оно становится ничем не заменимым в сфере духовно-нравственного воспитания, так как постоянно расширяет горизонты духовно-нравственного опыта, предоставляя в наше распоряжение многообразные ситуации нравственного выбора, что пережить их в своем непосредственном опыте просто не хватило бы жизни. При этом с помощью средств художественной литературы личности учащихся задаются правила игры, характеризующие процесс социализации как на уровне традиционного механизма усвоения эталонов, норм, установок, характерных для соответствующего народа, нации, конкретного региона, типов поселений, так и на уровне субъективных культур, межличностных отношений, индивидуальной рефлексии и внутреннего диалога.

Основной акцент делается при этом на ценности воспитания, воспитательную среду и воспитательный процесс, создание личностно-утверждающей ситуации.

Основной целью духовно-нравственного воспитания учащихся средствами художественной литературы является развитие духовности как основной характеристики самого их бытия, личности и общества, проявляемых в соответствующем нравственном опыте и нормах поведения, этических, эстетических и религиозных представлениях, нравственно-политическом климате, убеждениях, социальных чувствах, воле и вере.

Духовность есть форма выражения субъективного мира личности, социальной группы, социальной общности (народа, этноса, класса и т. д.), проявляемая главным образом в виде своеобразного переживания действительности. "Именно дух, как отмечает В.И. Мурашов, является творческой субстанцией. До материального состояния дух выступает в духе *субъекта, объекта, средства, способа и результата* любой человеческой деятельности, и если в других профессиях дух служит универсальным средством для достижения определенных целей и лишь, в конечном счете, оказывается целью самого себя, то в педагогике он составляет непосредственную, высшую конечную цель – *самоцель*" [1, с. 52].

Нравственная же культура личности далеко не тождественна ее рациональному, информационному, общечеловеческому содержанию. Эта культура возникает лишь на пути развития духовности человека, формирования соответствующих ценностных ориентаций, соответствующего нравственного кредо, которое как бы одухотворяет учебную и профессиональную деятельность, позволяет воспринимать их как предмет своей любви и бороться с тем плохим, что находишь в любимом деле, неуклонно идти по пути жизненного подвига. Хороший, ученик, по мнению А.Ф. Лосева, – "это уже самостоятельный человек, хотя он может быть еще несовершеннолетним. Он тоже несет ответственность за себя, хотя пока в достаточно узких пределах. Наличие разума здесь не говорит о том, что данный человек состоялся как личность, то есть как носитель высоких ценностей, как существо духовно-нравственное, готовое следовать нормам, принятым в данном обществе, без которых существование социальных систем оказалось бы вообще невозможным. Его развитие неразрывно связано с познанием смысла и назначения своего существования на земле как путем присвоения уже имеющихся культурных ценностей, так и за счет открытия совершенного нового, неизвестного предшествующим поколениям" [2, с. 323].

Таким образом, человек сам создает определенную социокультурную действительность, наполняя свою жизнь определенными культурными значениями и

смыслами. Поэтому нравственная норма – это не результат соответствующих теоретических разработок или рациональных моделей нравственного воспитания, а выступает как своеобразный итог эволюционного развития данного общества, принятия определенных смыслов и значений, в соответствии с которыми те или иные поступки человека обретают различную нравственную ценность. В одном случае они трактуются как добро, благо, а во втором, как зло, и в зависимости от их понимания, человек должен поступать так, а не иначе.

Список использованных источников

1. Мурашов, В.И. Дух как субъект и объект педагогики: сб. статей / В.И. Мурашов. – М.: РИЦ "Татьянин день", 1994. – С. 52-60.
2. Лосев, А.Ф. Дерзание духа / А.Ф. Лосев. – М.: Политиздат, 1986. – 366 с.

**СТРУКТУРНА-ФУНКЦЫОНАЛЬНАЯ ХАРАКТЕРЫСТЫКА ЗМЕСТУ
ГРАМАДЗЯНСКА-ПАТРЫЯТЫЧНАГА ВЫХАВАННЯ**

М. М. Шчэрбін

(Мазырскі дзяржаўны педагагічны ўніверсітэт імя І.П. Шамякіна)

Структура зместу грамадзянска-патрыятычнага выхавання ўяўляе сабой трывалую ўзаемазалежнасць састаўных кампанентаў, што далучаюцца да яго сутнаскага нападнення і ўзаемадзеянчаюць з функцыянальнымі праяўленнямі. Асноўнымі кампанентамі з’яўляюцца рэгіянальны, дзяржаўны, нацыянальны, агульначалавечы.

Рэгіянальны кампанент у структуры зместу грамадзянска-патрыятычнага выхавання выступае свайго роду першай ступенню станаўлення асобы патрыёта і грамадзяніна. Дадзены кампанент садзейнічае фарміраванню грамадзянска-патрыятычных рыс і якасцей праз паступовае далучэнне да каштоўнасцей “малой Радзімы” – роднага дому, месца нараджэння, наваколля і інш. Адзначаныя каштоўнасці дэтэрмінуюць развіццё пачуццёвай прыхільнасці да сваіх вытокаў, любові і павагі да звычаяў і традыцый, захаванне пэўных рэгіянальных асаблівасцей – прыродных, гістарычных, культурных і інш. як часткі ад цэлага ў нацыянальнай сістэме адукацыі маладога пакалення. Натуральны шлях замацавання каштоўнасцей рэгіянальнага кампанента прадвызначаны іх універсальнасцю, свабоднымі формамі ўвасаблення і паслядоўна-сістэматычным характарам успрымання ў працэсе сталення індывіда. Гэта дае магчымасць выкарыстоўваць рэгіянальны кампанент у якасці асновы фарміравання грамадзянска-патрыятычных рыс і якасцей, што ўплывае на замацаванне пэўнай тэрытарыяльна-побывавай скіраванасці зместу грамадзянска-патрыятычнага выхавання, вызначае яго цывілізацыйна-культурную прыроду.

Важным кампанентам структуры зместу грамадзянска-патрыятычнага выхавання выступае дзяржаўны кампанент. У выніку засваення каштоўнасцей гэтага кампанента – тэрыторыі, улады, суверэнітэту – адбываецца развіццё грамадзянска-патрыятычных рыс і якасцей у форме правоў і абавязкаў на дзяржаўна-палітычным узроўні праз дзейснае іх ажыццяўленне ў грамадска-прававой сферы, асобасную рэалізацыю ў выкананні шэрагу сацыяльных роляў грамадзянска-патрыятычнага характару, паважлівае стаўленне да ключавых дзяржаўных атрыбутаў. Развіццё каштоўнасцей дзяржаўнага кампанента звязана з гістарычнымі асаблівасцямі фарміравання дзяржаўна-прававой сістэмы, самавызначэннем народа-этнасу ў прасторы і часе, што дэтэрмінуе прыярытэт пэўных дзяржаўна-прававых традыцый, форм волевыяўлення грамадзян, іх дасведчанасці і ўдзелу ў дзяржаўных працэсах. Дзяржаўны кампанент закліканы забяспечыць “грамадскую салідарнасць грамадзян на падставе захавання агульных інтарэсаў і служэння Айчыне” у кантэксце пэўнага палітыка-прававога асяроддзя, што ўплывае на фарміраванне ідэалагічнай скіраванасці зместу грамадзянска-патрыятычнага выхавання, яго дзяржаўна-арыентаваных асноў [1, с. 48].

Прынцыповае значэнне ў структуры зместу грамадзянска-патрыятычнага выхавання мае нацыянальны кампанент. Ён забяспечвае “канкрэтнасць” і “прадметнасць” зместу грамадзянска-патрыятычнага выхавання жывымі вобразамі,

аб'ектамі, прыкладамі, ацэнка якіх адбываецца праз призму зацверджанай сістэмы нацыянальных каштоўнасцей – традыцый, гісторыі, культуры. Імпульсам развіцця вылучанага кампанента выступаюць кансалідацыйныя працэсы фарміравання народа-этнасу, якія стымулююць развіццё этнічных уяўленняў індывіда на аснове агульнасці, абумоўліваюць асэнсаванне ўласнай прыналежнасці праз атаясамліванне асобы з канкрэтнай Радзімай і яе каштоўнасцямі. Невыпадкова адным з вядучых прынцыпаў рэалізацыі зместу грамадзянска-патрыятычнага выхавання, здольным забяспечыць вырашэнне актуальных задач развіцця нацыянальнай сістэмы адукацыі ў сучасных умовах выступае “нацыянальна-каштоўнасны падыход”, што абумоўлівае пэўную ментальную скіраванасць зместу грамадзянска-патрыятычнага выхавання, яго канкрэтна-светапоглядны характар [4, с. 124].

Агульнаначалавечы кампанент, які абапіраецца на сістэму імператываў маральнага быцця – добро, прыгажосць, справядлівасць і інш., займае значнае месца ў структуры зместу выхавання патрыёта і грамадзяніна. Дадзены кампанент з'яўляецца ядром выхавання чалавека ўвогуле, а названыя каштоўнасці выступаюць асновай станаўлення асобы, уплываюць на фарміраванне ўстойлівых рыс і якасцей індывіда. Падмуркам развіцця трывалых “грамадзянска-патрыятычных пачуццяў, поглядаў, перакананняў з'яўляюцца менавіта жыццёва-арыентуючыя дамінанты, якія па-за часам і па-за прасторай” [2, с. 112]. Гэта абумоўлена тым, што засваенне сістэмы агульнаначалавечых каштоўнасцей забяспечвае ўспрыманне і замацаванне ўласных нацыянальна-культурных здабыткаў у змесце выхавання патрыёта і грамадзяніна.

Крыніцай развіцця агульнаначалавечага кампанента на ўсходнеславянскіх землях з'явіліся таксама ідэі чалавекалюбства і дабрачыннасці, закладзеныя хрысціянствам [3]. Усвядомленае імкненне да справядлівасці і добра, абумоўленае хрысціянскай самаахвярнасцю і непраціўленнем злу, значна паўплывала на развіццё гуманістычнай скіраванасці зместу грамадзянска-патрыятычнага выхавання, абумовіла яго маральна-этычны падмурак.

Названыя кампаненты структуры зместу грамадзянска-патрыятычнага выхавання знаходзяцца ў цесным адзінстве і прадугледжваюць пераемнасць у фарміраванні грамадзянска-патрыятычных рыс і якасцей асобы (Малюнак 1).

Малюнак 1. – Структура зместу грамадзянска-патрыятычнага выхавання

Праяўленнем магчымасцей паспяховай рэалізацыі зместу грамадзянска-патрыятычнага выхавання з'яўляецца выкананне ім шэрагу функцый. Па прычыне таго, што сістэма грамадзянска-патрыятычнага выхавання развіваецца сугучна з агульнагістарычнымі працэсамі існавання грамадства, важнай устаноўкай фарміравання яе зместу выступае адпаведнасць часу, узаемаўзгодненасць як з гістарычнымі традыцыямі, так і з перспектыўнымі мэтавымі ўстаноўкамі. У сувязі з гэтым функцыянальна змест грамадзянска-патрыятычнага выхавання павінен:

✓ забяспечваць пераемнасць у выхаванні патрыёта і грамадзяніна, абапірацца на гісторыка-культурныя традыцыі развіцця народа ў прасторы і часе;

✓ адрознівацца актуальнасцю і выкарыстоўваць запатрабаваныя ідэі, падыходы, канцэпцыі ў вырашэнні надзённых задач грамадзянска-патрыятычнага выхавання, адпавядаць узроўню развіцця сучаснай педагагічнай навукі і практыкі;

✓ вызначацца перспектыўнасцю з мэтай забеспячэння трывалага развіцця народа і грамадства на аснове эфектыўнага грамадзянска-патрыятычнага выхавання маладога пакалення.

Акрамя таго, разуменне выхавання як складанага сацыякультурнага працэсу, дае падставы разглядаць значнасць яго зместу ўвогуле і грамадзянска-патрыятычнага ў прыватнасці ў некалькіх плоскасцях – асобаснай, грамадскай і светапогляднай. У залежнасці ад характару арыентаванасці зместу выхавання патрыёта і грамадзяніна яму ўласцівы наступныя функцыі:

з пазіцый асобаснай значнасці:

– развіццёва-фармірующая – рэалізуецца ў гарманічным развіцці асобы праз мэтанакіраванае фарміраванне запатрабаваных грамадзянска-патрыятычных якасцей як асновы ўсвядомленых грамадзянска-патрыятычных паводзін у межах грамадскай супольнасці;

– індывідуалізаваная – забяспечвае станаўленне асобы патрыёта і грамадзяніна праз выяўленне і развіццё яе індывідуальнасці як асновы актыўнай жыццёвай пазіцыі і самавызначэння ў працэсе сацыялізацыі;

– сацыяльна-адаптаваная – прадугледжвае прывучэнне асобы да сістэмы ўмоў, правіл, норм, выкананне грамадзянска-патрыятычных абавязкаў, засваенне сацыяльнага вопыту з мэтай уваходжання асобы ў зацверджаную сацыякультурную сістэму;

з пазіцый грамадскай значнасці:

– пераемная – заснавана на паслядоўным захаванні і перадачы традыцый і звычаяў на ўзроўні этнакультурных дасягненняў у выхаванні чалавека-патрыёта і грамадзяніна як прадстаўніка пэўнага этнасу;

– інтэграцыйная – забяспечвае грамадскае яднанне на падставе засваення і захавання агульных грамадзянска-патрыятычных ідэй, ідэалаў, каштоўнасцей;

– камунікацыйна-ідэнтыфікацыйная – садзейнічае фарміраванню прыхільнасці і адданасці пэўнай гісторыка-культурнай супольнасці ў межах полікультурнага выхаваўчага асяроддзя;

з пазіцый светапогляднай значнасці:

– гуманістычная – забяспечвае развіццё каштоўнаснага стаўлення да чалавека і яго асноўных здабыткаў як падмурка змястоўнага напаўнення грамадзянска-патрыятычнага выхавання;

– ідэалагічная – абумоўлівае фарміраванне вядучых ідэй і прынцыпаў, якія забяспечваюць самавызначэнне асобы (нацыянальна-культурнае, палітычнае, прававое) праз засваенне зместу грамадзянска-патрыятычнага выхавання як часткі агульнага зместу выхавання маладога пакалення;

– каштоўнасная – дэтэрмінуе развіццё асэнсавана-адказнага стаўлення да сваёго народа і Радзімы як асновы развіцця зместу грамадзянска-патрыятычнага выхавання.

Таким чином, структурно-функціональна характеристика зместу грамадзянска-патрыятычнага выхавання ўяўляе сабой узаемаўзгодненную сувязь рэгіянальнага (родны дом, месца нараджэння, наваколле), дзяржаўнага (тэрыторыя, улада, суверэнітэт), нацыянальнага (традыцыі, гісторыя, культура) і агульначалавечага (дабро, прыгажосць, справядлівасць) кампанентаў. Функцыянальна змест грамадзянска-патрыятычнага выхавання рэалізуецца з пазіцыяй асобнай (развіццёва-фарміруючая, індывідуалізаваная, сацыяльна-адаптаваная функцыі), грамадскай (пераемная, інтэграцыйная, камунікацыйна-ідэнтыфікацыйная функцыі) і светапогляднай (гуманістычная, ідэалагічная, каштоўнасная функцыі) значнасці.

Спіс выкарыстанай літаратуры

1. Быков, А.К. Патриотическое воспитание школьников при преподавании дисциплин гуманитарного цикла / А.К. Быков // Воспитание школьников. – 2005. – № 10. – С. 2–6.
2. Воспитание патриотизма в условиях социальных перемен: теоретико-методологические и прикладные основы / А.Н. Выршиков [и др.]. – Москва: Государственный НИИ семьи и воспитания, 2007. – 326 с.
3. Гагаев, А.А., Гагаев, П.А. Русские философско-педагогические учения XVII–XX веков: культурно-исторический аспект / А.А. Гагаев, П.А. Гагаев. – М. – 2-е изд., 2008. – 312 с.
4. Гершунский, Б.С., Никандров, И.Д. Методологическое знание в педагогике / Б.С. Гершунский, И.Д. Никандров. – М.: Знание, 1986. – 151 с.

ЧЕЛОВЕК ЖИВ, ПОКА ЖИВА ПАМЯТЬ О НЕМ...

Т. Е. Щенина

(Глазовский государственный педагогический институт им. В. Г. Короленко)

Годы войны, победа, люди, разгромившие врага и пережившие все тяготы военной поры, все больше отдаляются от нас. И не только во времени, но и в памяти. С каждым днем все меньше остается тех, кто может рассказать о войне и показать ее так, как видел, чувствовал и понимал сам, являясь непосредственным участником.

Безусловно, история Великой Отечественной войны достаточно хорошо изучена, и этот процесс продолжается. Картина войны представлена в искусстве, литературе, кинематографе. Мы воспитываем подрастающее поколение на ярких примерах героизма, самоотверженности, любви к Родине.

Герои войны всем хорошо известны, их чтят и помнят [1]. Но, исходя из собственного опыта, могу сказать, что имеет место и такое представление о войне, которое, при всем показе трагического, страшного, опасного, в то же время в большей степени связано с героическим, победоносным. Сформирован образ солдата-победителя, это человек неслышимой воли, бесстрашный и мужественный, который, преодолевая самого себя, преодолевая невероятные трудности, победил врага, победил смерть и защитил жизнь. Этот правдивый образ ассоциируется с известными нам именами героев, полководцев, людей, совершивших героические поступки.

И не особо делался акцент на то, что этот герой-победитель – самый обыкновенный человек. Вот и получалось, что, например, в одном только городе Сухом Логу Свердловской области, где я выросла, было два Героя Советского Союза – И.М. Сысолятин и С.А. Неустроев, а на пионерских сборах и на уроках, в соответствии с программой, нам рассказывали о других героях. Здесь же жили и работали учителями супруги, которые всю войну воевали в партизанском отряде в Белоруссии, но они никогда нам, детям, об этом не рассказывали [2].

В нашем городе было несколько десятков ветеранов войны, которых все знали, видели каждый день, работали и жили с ними рядом. Но всех их мы воспринимали как обычных людей, не видя в них ничего особенного и героического. В чем причина такого отношения? Недостатки в воспитательной работе? Или, может быть, потому, что на Урале эта война воспринималась не так, как на оккупированных или прифронтовых

территориях? Далекая война? Но разве может быть эта война далекой, если из небольшого городка на фронт ушли 365 человек. Из них 150 не вернулись, погибли. И, конечно же, в каждом доме, в каждой семье были те, кто пережил войну. Нет, эта была общая война [2].

Возможно, причина в том, что война, память о ней были мифологизированы. За образами героев, полководцев не были видны миллионы простых солдат, простых людей. И ведь именно они, простые солдаты сокрушили такое страшное порождение, как немецкий фашизм. Миллионы из них пали на полях сражений. Многие из тех, кто выжил, сегодня уже закончили свой путь земной. И немного их осталось среди нас. И не каждый из нас может признаться себе в том, что знает «своего солдата», война из своей семьи. И когда сегодня мы вместе со всеми повторяем «Спасибо деду за Победу!», все ли из нас представляют при этом именно своего деда-прадеда? Исходя из своего жизненного опыта, из опыта воспитательной работы с молодежью, к сожалению, знаю, что ответ на этот вопрос не всегда будет положительным [3].

Не такая уж и редкость, когда наши деды-прадеды остаются для нас незнакомыми, далекими, как некие мифические герои. А это отдаляет нас от них, от войны, заглушает память о ней. Убеждение в этом заставило меня обратиться к личности моего дяди по отцовской линии, погибшего на войне в 1942 году – Постных Леонида Дмитриевича.

Мои студенты из поискового отряда «Новый Феникс» нашего института нашли место его захоронения: городской парк на воинском кладбище г. Гаргждай Клайпедского района Литвы, где похоронены советские воины, погибшие в 1941 и 1944 годах [4].

Честно признаюсь – слишком поздно! Непростительно поздно! Потому что целые десятилетия его как бы и не существовало в нашей жизни, он не был известен мне, моим детям, внукам. Его образ ассоциировался с единственной сохранившейся фотографией размером 3х4, что делала его расплывчатым и далеким. А ведь это живой человек! Наш предок.

Поскольку скудные рассказы моих родственников, не позволяли это сделать. И вот такой его образ сложился из их рассказов. Внешне он предстает здоровым, крупным и сильным молодым человеком. Был великим тружеником. На фронт призвали прямо с работы, из бригады железнодорожников. Вечером добрался до дома, а утром надо было быть в райцентре за несколько десятков километров. Нужно было что-то собрать из продуктов на дорогу, найти деньги. А у него даже не было запасной одежды, кроме, рабочей. И поэтому пришлось в спешке ее стирать, топить печь всю ночь и сушить. Время было зимнее. И рано утром он ушел. Навсегда.

Простой, рядовой красноармеец Постных был уверен в Победе! В письмах дядя совсем не пишет о своем восприятии войны, своих страхах и чувствах. Письма от него перестали приходить в ноябре 1942 г. Пришла похоронка. Но в ней сообщалось, что он погиб еще 26 июня 1942 г. Указывалось место его захоронения: г. Гаргждай Литва. Было дяде всего 21 год.

Нахожу в Интернете фотографии и материалы об этом захоронении. Оно расположено в красивом месте, находится в хорошем состоянии. Там есть памятник солдату, мемориальные плиты с именами погибших. Испытываю потрясение, узнав о количестве захороненных там – 496 человек! Не могу даже представить, что на площади в 250 кв.м. предано земле такое колоссальное количество погибших. Среди имен, выбитых на камне, начинаю искать фамилию дяди. И 336 фамилия – наша, (запись 336 – ПОСТНЫХ Л. Д. ряд.) [4].

Мемориальная доска в г. Гаргждай густо полита кровью уральцев.

Известно, что несколько воинских соединений, сформированных на Урале, вместе с бойцами из других уголков огромной страны принимали активное участие в боевых действиях на территории Прибалтики и несли огромные потери.

Битва за Клайпеду вошла в историю Второй Мировой войны как «Мемельская операция». Итогом ее первого этапа стало освобождение практически всей территории Литвы, за исключением города Клайпеды. Операция осуществлялась действиями двух фронтов: 3-го Белорусского (командующий – И. Черняховский) и 1-го Прибалтийского (командующий – И. Баграмян). На линии фронта были сконцентрированы огромные силы, поскольку командование понимало, что неприятель будет отчаянно защищать этот край – не только ворота в Восточную Пруссию, но еще и такой важный стратегический объект, как морской порт. В операции было задействовано до полумиллиона солдат, более 9 тысяч артиллерийских орудий, 1340 танков. 5 октября 1944 года после 20-минутной артподготовки началось советское наступление. Оно было столь стремительным и мощным, а взаимодействие между частями настолько слаженным, что неприятель не смог ему противостоять. В течение первого дня наступления были освобождены 250 населенных пунктов! [5].

«Могилы военных и гражданских лиц различных национальностей на неродной земле – такова печать XX века. С годами погибшие становятся ближе, так как всех их начинают оценивать, как жертв трагического периода, погибших при исполнении приказа. Сейчас земля нашего края в мире, и мы надеемся, что так будет всегда. Предоставляя место для вечного покоя советским солдатам, погибшим во Второй мировой войне, и отдавая им честь, мы словно еще раз записываем на страницах истории своего края единственное и вечное желание каждого, но особенно маленького народа – войны не должны повторяться», - сказал мэр Клайпедского района Вацловас Дачкаукас на церемонии перезахоронения.

В Клайпедском районе есть военные кладбища в Гаргждай, Довилай и Кретингае, место общего захоронения в Вежайчяй. На этих кладбищах похоронено более 3000 русских военных, погибших во Второй мировой войне. На Гаргждайском военном кладбище похоронены 496 русских солдат. В районе есть единственная известная могила немецкого военного, погибшего во Второй мировой войне, в Ванагай, в Эндриявасе – 37 немецких солдат, погибших в Первой мировой войне, перезахоронены еще в 1927 году [4].

Как сообщает самоуправление Клайпедского района, в конце ноября 2012 года на участке дороги Якай-Довилай (Клайпедский район) при выполнении копательных работ были обнаружены останки людей и части военной амуниции. На кафедре анатомии, гистологии и антропологии медицинского факультета Вильнюсского университета были проведены антропологические исследования. В выводах утверждается, что обнаружено место массового захоронения военных, погибших во Второй мировой войне. Согласно предварительным данным, там могли быть

похоронены 32 погибших. На основе антропологического исследования, погибшими были советские солдаты в возрасте 18–25 лет, получившие ранения во время военного конфликта. После первичной оценки зубов – могли быть родом из Азии. Погибшие были сложены в яму для захоронения вместе с амуницией, одеждой и обувью. По пуговицам, одной монете, шлемам, останкам одежды, сделаны выводы, что это военные Красной армии, погибшие во время «Клайпедской операции» в конце 1944 года – январе 1945 года.

Говоря о войне, нам обязательно надо иметь в виду и ее человеческий аспект. Война – это тяжелое моральное испытание для человека. Разлука с семьей, домом, неизвестность, лишения, страх за свою жизнь, скорбь из-за потери близких – все это есть в жизни солдата на войне. И это не принижает его образ, а дополняет его. И мы должны склонять головы перед человеком, которому выпало это перенести. И если в отношении к войне, к ее участникам и жертвам, кроме почтения, уважения благодарности, добавится и чувство жалости, сопереживания к судьбе конкретного человека, то это порождает еще большее неприятие войны [1].

Поэтому одним из источников сведений о войне, ее участниках, должна быть семья. Через близкого, родного человека- члена семьи, пережившего войну, фронтовика, должна передаваться память о войне. Показав войну глазами тех, кто ее видел – значит, тем самым дать почувствовать и понять, что война - это страшно! Поняв это – не допустить ее! Сохранить память о войне, о Победе и победителях – значит защитить от тех, кто хочет умалить, преуменьшить их подвиг! Это особенно важно сейчас, когда у нас хотят отобрать нашу Победу!

Великая Отечественная война 1941–1945 г. – составная часть и главное содержание второй мировой войны – самое трагическое событие в 20 веке, повлиявшее на все стороны жизни людей. «Никто не забыт, ничто не забыто» – гласят знаменитые слова, высеченные на многих военных монументах. А так ли это спустя 73 года? Все дальше и дальше от нас уходят поколения, пережившие эти труднейшие военные годы. Мы живем в новом тысячелетии, в другой стране с другой идеологией. Все вокруг поменялось: города, жизнь людей, их взгляды. Но есть то, что должно всегда присутствовать в нашей жизни. Это память.

Память это то, что человек может пронести через годы, а в данном случае это историческая память о великом и трагическом для всего нашего народа событии. В наших силах не забывать о цене той войны и изо всех сил пытаться сделать так, чтобы ничего подобного в истории человечества больше никогда не случилось. Уроки этой страшной войны имеют огромное значение для политики государственных лидеров разных стран. Большинство из них стремятся принизить и извратить эти уроки, с этой целью наносят огромный удар по исторической памяти о войне [3].

Память о войне – это память о наших предках, их подвигах, героизме на фронте и в тылу, их любви и нравственности. Война против исторической памяти о Великой Отечественной войне есть не только выпад против наших отцов и матерей, бабушек и дедушек. Это и удар по будущему каждой семьи в целом.

Список использованных источников

1. Аманжолова, Д.А. История и образование: борьба за души и умы / Д. А. Аманжолова // Российские регионы: взгляд в будущее. 2014. №1. [Электронный ресурс] // URL: <http://futureruss.ru/journal-archive/nomer-12014.htm> (дата обращения: 13.04.2018).
2. <https://ru.wikipedia.org/wiki/> (дата обращения: 13.04.2018).
3. <http://Vazhnost-istoricheskoy-pamyati-rossiyan-o-velikoy-otechestvennoy-voyne.html> (дата обращения: 13.04.2018).
4. <http://forum.patriotcenter.ru/> (дата обращения: 13.04.2018).
5. http://world.lib.ru/s/shklowskij_l/xjux.shtml (дата обращения: 13.04.2018).

О СПЕЦИФИКЕ НАЦИОНАЛЬНОГО САМОСОЗНАНИЯ БЕЛОРУСОВ

Т. А. Юрис, С. А. Юрис

(Белорусский торгово-экономического университета потребительской кооперации;
Гомельский государственный технический университет им. П. О. Сухого)

Осмысленное мироощущение современного человека, положение Беларуси среди других европейских стран, национальную самооценку белорусов, специфические черты их менталитета, современное состояние белорусской культуры и исторические факторы, его определившие, философ и литературный критик В.В. Акудович высказал интересное мнение. Он отмечает, что отличительным качеством белорусов является невероятная адаптивность, выживаемость при любых катаклизмах и завоевателях. На протяжении нескольких последних веков Беларусь становилась частью разных государств, в которых белорусы оказывались не титульной, а второстепенной нацией.

Белорусы, бывшие в подавляющем большинстве сельскими жителями, не имели своей интеллигенции, которая бы сохраняла, углубляла, пропагандировала среди них историческую память о героическом прошлом Великого Княжества Литовского и Речи Посполитой.

В XVIII–XIX вв. население отечественных городов преимущественно составляли евреи, русские и поляки, белорусы же в основном вели сельский образ жизни. Соответственно, сферой существования белорусского языка была сельская местность.

Специалисты в области социальной психологии отчетливо видят специфику национальных характеров родственных славянских народов, в том числе, русских и белорусов. Национальный характер – это традиционные формы реакции народа на окружающий мир, установившиеся нормы поведения и деятельности, существующие как на сознательном, так и бессознательном уровнях. Национальный характер складывается под мощным влиянием географического положения этноса, природных и климатических условий, исторических и социокультурных факторов. Поскольку у русских и белорусов они разные, следовательно, и национальные характеры должны отличаться.

Какими видят белорусов наши ближайшие соседи? Достаточно типичным является мнение одного из специалистов сопредельных стран: «Что мы знаем о национальном характере белорусов, к примеру? Они хозяйственные и рачительные, тихие и спокойные. Немного с хитрецей, «себе на уме». Всегда помнят о своих интересах и со своим уставом ни в чей монастырь не влезают. Стремятся сохранить то, что досталось от предков, улучшить и приумножить. Создают условия для спокойной и комфортной жизни, самоопределившись как нация. Превыше всего ценят проверенные временем традиции и стабильность. К кардинальным переменам относятся крайне осторожно... [им присущи] стремление к определённости, размеренности, комфорту, хорошим отношениям и минимизации отрицательных эмоций» [3].

Первая психологическая характеристика белорусов, о которой можно говорить на основании данной характеристики, – это интровертность. Есть нации-экстраверты, где как, например, в США экстравертов в три раза больше, чем интровертов [4, с. 57]. Как всяким экстравертам, этим нациям присущи стремление к экспансии, конкуренции, активному влиянию на общемировые тенденции экономического, политического и культурного развития. Ещё один яркий пример этого рода – Китай. И есть нации-интроверты, которые экспансии и конкуренции предпочитают углубление и совершенствование уже имеющегося, чужие территории и сферы влияния их мало интересуют, они миролюбивы, стараются избегать конфликтов, тяготеют к разрешению спорных вопросов и разногласий методом соглашений и компромиссов. К ним относится Беларусь.

Представители руководства белорусского государства не раз делали официальные заявления об отсутствии территориальных претензий к соседям и стремлении проводить миролюбивую и независимую политику. Эта же установка, по всей видимости, совсем не случайно оказалась зафиксирована в первой строчке государственного гимна: «Мы, белорусы – мирные люди...». Миролюбие белорусов проявляется также и в том, что для них не характерно образование сообществ, группировок на националистической основе, а наоборот, стремление поддерживать хорошие межнациональные отношения не только на государственном уровне, но и на уровне межличностных отношений.

Приезжающие в Беларусь россияне и украинцы отмечают чистоту, более высокую степень благоустройства городов и сёл, соблюдение гражданами правил дорожного движения, установленного графика работы учреждений и органов, различного рода ведомственных установлений и нормативов и т. д. Всё это говорит о наличии у белорусов таких черт, как законопослушность и хозяйственность.

Белорусам не свойственна такая присущая русским черта, как максимализм, проявляющийся в метаниях из крайности в крайность, противоречивости сознания. У белорусов нет той широты характера, которая отличает русских, авантюризма, стремления к социальным экспериментам, радикальным преобразованиям, мечтаний о достижении несбыточных идеалов. Белорусы более спокойны, консервативны, дисциплинированы. Этот набор черт сформировался исторически. Военные действия, происходившие на белорусских землях в течение нескольких последних столетий, научили белорусов со стоическим терпением приспосабливаться к неблагоприятным условиям и выживать при любой власти. Следствием является онтологичность нации, сосредоточенность на материальных ценностях, необходимых для решения проблем повседневной жизни. Благодаря этой специфической черте белорусам удалось создать к настоящему времени достаточно комфортные условия жизни.

Белорусы, живущие в более благоприятной социальной среде, по сравнению с соседними славянскими народами, отличаются большей доверчивостью, добротой, доброжелательностью, вниманием к ближнему.

Таким образом, разные для двух стран природные, исторические и социокультурные факторы обусловили реально существующую специфику национальных характеров близкородственных народов. Абстрактный спор, какая нация лучше, бессмыслен. Но если оценивать с позиции требований эпохи, то можно отметить, что для налаживания хозяйственной жизни в мирное время белорусы обладают более выигрышным набором черт, чем русские, достоинства которых наиболее ярко проявляются во времена тяжёлых испытаний для народа, особенно, внешних вызовов.

Список использованных источников

1. Лукашенко: Белорус – это русский человек со знаком качества // Взгляд. Деловая газета [Электронный ресурс]. – 2016. – Режим доступа: <https://vz.ru/news/2016/9/12/832052.html>. – Дата доступа: 24.04.2018.
2. Акудовіч, В.В. Архіпелаг Беларусь: кніга дыялогаў / В. Акудовіч – Мінск : Галіяфы, 2010. – 240 с.
3. Клименченко, Н. Соционические типы стран. Чем полезна Интегральная соционика / Н.Клименченко // Телнеделя [Электронный ресурс]. – 2016. – Режим доступа: <https://tv.ua/psychology/socionica/socionicheskie-tipy-stran-chem-polezna-integralnaya-socionika-85529.html>. - Дата доступа: 24.04.2018.
4. Крегер, О. Типы людей: 16 типов личности, определяющих, как мы живём, работаем и любим / О.Крегер, Дж. Тьюсон; пер. с англ. Ю.Ю. Ступак. – М.: АСТ: Астрель, 2006. – 384 с.

**ПЕРВАЯ ОКРУЖНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ КУСТАРЕЙ
И РЕМЕСЛЕННИКОВ МОЗЫРСКОГО ОКРУГА (1925):
РЕШЕНИЯ И ВИДЕНИЕ ПРОБЛЕМ**

Я. С. Юрис

(Белорусский государственный университет)

К середине 1920-х гг. в Мозырском округе, как и на остальной части БССР, сложились благоприятные условия для кооперирования кустарей. Процесс кооперирования шел единообразно по всей территории республики, но соотношение артелей разных видов, их величина, результативность деятельности определялись местными условиями. Также среди общих вопросов, интересовавших всех кустарей, можно попытаться выделить те, которым кустари Мозырщины уделяли особое внимание.

Наметить пути и возможности проведения дальнейшего кооперирования кустарей должна была Первая окружная конференция кустарей и ремесленников Мозырского округа, состоявшаяся 5–7 сентября 1925 г. В ее работе принимало участие 57 делегатов, которые представляли все районные общества кустарей.

Чтобы оценить решения конференции, необходимо сначала проанализировать, как понималось место кустаря в разворачивающемся социалистическом строительстве и как выражалось делегатами и представителями местной исполнительной власти понимание роли кустаря в обществе. Представитель Мозырского окружного исполнительного комитета Советов т. Ластовский разъяснял, что кустарь есть подсобник тяжелой индустрии, и именно выполнение задач, поставленных перед индустрией, является той причиной, которая приводит к необходимости хозяйственного развития самого кустаря. Представитель окружного комитета КП(б)Б Васильев, высказав уверенность в том, что кустарь, приняв активное участие в социалистическом строительстве, должен сосредоточиться на работе в деревне, так как она нуждается в изделиях кустарного производства. Представитель окружного комитета комсомола Атлас указал, что кустари должны активно привлекать в свои ряды молодежь, тем самым способствуя снижению безработицы [1, л. 168].

Представители обществ кустарей заверили, что единственной защитницей кустаря является Коммунистическая партия и Советская власть, и кустари все как один должны откликнуться на зов партии (делегат от Мозырской организации кустарей Крымский); все кустари должны работать в контакте с партией (делегат от Туровской организации кустарей Перкин); что нужно подвести итоги работы, рассмотреть недостатки и принять решения о дальнейшей работе (делегат от Калинковичской организации кустарей Комиссарчик); нужно выяснить, что представляет собой кустарь и учесть, что теперь сложились условия по объединению кустарей и через создание обществ можно добиться улучшения материальной и культурной жизни кустарей (делегат от Петриковской организации кустарей Серапин) [1, л. 169].

Итак, в официальной части конференции, состоящей из докладов представителей власти и назначенных представителей от районных организаций кустарей, все выступили с достаточно единой позиции и, по сути, заявили: дальнейшее развитие индустрии является причиной развития и кустарной промышленности, задачами которой является обслуживание деревни, втягивание в свои ряды молодежи для ликвидации безработицы, и все это, сделанное под руководством Коммунистической партии, через развитие промысловой кооперации позволит решить

и задачи улучшения условий жизни самого кустаря.

Вопросы, заданные кустарями-делегатами, несколько нарушали идиллическую картину единения и наличия четких представлений о месте и роли кустаря в социалистическом обществе. Их можно разбить на несколько блоков. Первый блок составили вопросы, относящиеся к теме «государство/партия – кустари»: имеют ли рабочие разных наций общие интересы; одинаковое ли отношение к богатым и бедным кустарям; можно ли кустарю исповедовать религию; может ли кустарь быть членом партии и как он может вступить в партию; как смотрит государство на кустарей, не состоящих в обществах; кто может быть кустарем; как втянуть больше кустарей в общество; почему сионисты ведут агитацию среди кустарей больше, чем среди рабочих. Второй блок включал вопросы функционирования кустарно-промысловых артелей как хозяйственно-общественных организаций: как может правление общества реагировать на несознательные элементы; как могут деревенские кустари быть втянуты в организованный выпуск продукции. Третий блок состоял из частных вопросов, касающихся отдельных обществ или разрядов кустарей; могут ли быть извозчики и мясники членами кустарного общества; о волоките в утверждении уставов кооперативных объединений [1, л. 170].

Ответы на поставленные вопросы даны были в самом общем виде и сводились, по сути, к тому, что кустарные общества должны показывать себя как авторитетные организации и не поддаваться влиянию нежелательных элементов, необходима полная самостоятельность обществ кустарей. Кустари не должны рассматривать общества только как источники, из которых они могут черпать пользу, они должны принадлежать обществу душой и телом, интересоваться строительством социализма. Организованные кустари под руководством партии в сотрудничестве с рабочим классом и крестьянством выйдут из тяжелого положения, в котором они находились, и пойдут по медленному пути к социалистическому хозяйству.

Осудив в среде кустарей сионистов, религиозные элементы и других контрреволюционеров, указав, что намеченный XIV партконференцией путь по усилению кустарной промышленности путем развития кустарно-промысловой кооперации является правильным, окружная конференция итоговую резолюцию завершила лозунгом, который в полной мере раскрывал будущее кустарей и кустарной промышленности: «Да здравствуют организованные кустари – будущие рабочие» [1, л. 170].

Более детально обсуждались вопросы, касающиеся условий хозяйственной деятельности обществ. Одним из сложных вопросов, сдерживающих развитие кустарных артелей, был недостаточный размер собственных оборотных средств. Это не только приводило к задержкам в закупках сырья, но и вынуждало артели сдавать изделия перекупщикам, что уменьшало конечную прибыль. В этом отношении создание артели с внесением учредительного пая, вкладов, вступительного взноса позволяло создать минимальный оборотный капитал. Его дальнейшее наращивание зависело в том числе и от того, участие в каком конкретном виде кооперации изберут члены артели. Делегатам были даны разъяснения по трем видам финансовой кооперации. Самым легким для осуществления кустарями (и затем самым востребованным) оказался ссудо-сберегательный вид кредитной кооперации, который требовал только внесения учредительных паев, вкладов и вступительных взносов. Сущность складочного кооператива заключалась в том, что он ставит целью улучшить

оборот продуктов производства кустарей путем покупки этих продуктов с уплатой до их продажи части номинальной стоимости, и лишь после продажи складочный кооператив уплачивает остальную часть стоимости. Третий, предложенный на конференции, вид финансовой кооперации – коллективизация – по существу, предусматривал объединение кустарей в артель, а финансовые выгоды проистекали из-за наращивания объема производства.

В виде рекомендации конференции подчеркивалось, что для получения артелью кредита должен быть составлен собственный капитал, который мог гарантировать платежеспособность и показать некоторую устойчивость артели.

Отчет правления Мозырского общества кустарей, обобщение проблем, с которыми сталкивались кустари, привели к обсуждению ряда вопросов, относящихся к регламентированным государством условиям деятельности обществ.

Общество кустарей в Мозыре было организовано в феврале 1924 г., когда 223 ремесленника, выразившие желание в него вступить, получили анкеты для заполнения. Было утверждено 195 анкет, а после ряда чисток по выявлению лиц, использующих наемный труд, в обществе на 1 сентября 1924 г. осталось 160 человек. Общество разделялось на цехи: кожевников – 42, портных – 50, металлистов – 28, парикмахеров – 9, транспортников – 21 и 10 человек состояло в других мелких цехах.

Цех общества кустарей означал объединение ремесленников одной профессии в рамках данного общества. Цех не являлся производственной единицей, эту функцию выполняли артели или товарищества. Мозырское общество кустарей в 1924 г. предпринимало попытки создания четырех артелей. Но артели шапочников, кожевников, пекарей распались в течение шести месяцев, а осталась действующей только артель извозчиков. Руководство Мозырского общества кустарей объясняло неудачный опыт кооперирования как налоговой политикой со стороны государства, так и нежеланием государственных организаций размещать заказы среди артелей общества, несмотря на более выгодные условия, предлагаемые артелями [1, л. 179]. Так, инспекция труда размещала заказ на пошив костюмов для Мозырской милиции, и когда пришли кустари взять работу и согласились выполнить ее за более низкую оплату, ими воспользовались для проведения торгов, а заказ отдали коллективу Швейпрома. То же самое произошло с жестянщиками, которые предлагали свои услуги на 30 % дешевле установленных цен коллектива Труда, но преимущество опять было отдано профсоюзным коллективам. Положение может измениться, в том случае, если будут организованы промысловые артели, которые частично станут снабжаться материалами. Потому что в сезон закупки сырья стоят обходятся кустарю дорого, в результате он испытывает недостаток расходных материалов и вынужден тратить свою прибыль на оплату услуг перекупщиков перекупщиков. Когда же заканчивается сезон, то многие кустари становятся практически безработными, при этом вынуждены продолжать уплачивать налоги в полной мере и за месяцы простоя.

Само общество предприняло ряд шагов, чтобы стать более привлекательным для ремесленников города. Оно не могло изменить жилищные условия ремесленников, как правило, и мастерская находилась прямо в жилой комнате семьи кустаря. Учитывая этот факт, общество добилось, чтобы с 1 мая 1924 г. кустари могли получать экстренную медицинскую помощь и в городской больнице, и в родильном приюте. За это общество перечисляло определенный взнос. Каждый член общества вносил взнос – 2 рубля в месяц. Этот взнос распределялся так: 20 % – на культурные потребности

общества, 40 % – на организационные расходы и 40 % – в медицинский фонд. При этом органы социального страхования платили наличными 17 копеек за рецепт работников государственных предприятий – членов профсоюзов, а кустари оплачивали сами по таксе на 25 % ниже нэпманов. За 1924 г. общество кустарей Мозыря истратило на медикаменты 1430 рублей, за прием у врача – 570 рублей, за прием у зубного врача – 177 рублей 85 копеек [1, л. 178].

Пыталось также общество повлиять на ситуацию с обучением детей кустарей в школах. Плата за обучение составляла для детей бедняков 1–1,5 % заработной платы родителей, для детей кустарей она была выше, поэтому отмечались случаи исключения детей из школы за неуплату.

Кустари-ремесленники, с точки зрения советской социальной и налоговой политики, делились на несколько основных разрядов: те, кто применял наемный труд, считались представителями нэпмановской буржуазии; те, кто использовал труд членов семьи и имел учеников, занимали промежуточное положение, кустари-одиночки рассматривались как группа, являющаяся социально близкой к пролетариату, хотя и подверженная мелкобуржуазному влиянию. В производственные промысловые артели, как и в общества кустарей, могли вступать представители второго и третьего разрядов. Конференция своим решением обязывала органы кустарной кооперации добиваться снижения налогового бремени на кустарей.

Многие решения Первой окружной конференции кустарей и ремесленников Мозырского округа удалось воплотить в жизнь. Свидетельством этого является значительный рост количества артелей. На 1 октября 1927 г. их в округе стало 7 (в них объединилось 219 человек), на 1 октября 1928 г. артелей стало уже 35, а объединили они 885 человек. Члены артелей по месту их деятельности распределялись следующим образом: город – 43 человека (4,5 %), деревня – 304 (34,5 %), местечко – 338 (61 %). По роду занятий доминировали сапожный (290 человек), деревообрабатывающий (234), швейный (137) промыслы [2, л. 12].

Список использованных источников

1. Протоколы Мозырского окружного съезда Советов и окружной конференции кустарей ремесленников // Зональный государственный архив в г. Мозыре (ЗГАМ). – Фонд 60. – Оп. 1. – Д. 424.
2. Отчет о работе промысловых коопераций в Мозырском округе за 1928–1929 гг. // ЗГАМ. – Фонд 60. – Оп. 1. – Д. 324.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Ахраменко П. Е. – доцент кафедры белорусской и русской филологии Мозырского государственного педагогического университета имени И. П. Шамякина, кандидат филологических наук, доцент;

Барсук А. Я. – дацэнт кафедры гісторыі і грамадазнаўчых дысцыплін Мазырскага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта імя І. П. Шамякіна, кандыдат гістарычных навук, дацэнт;

Бондарь М. А. – ассистент кафедры технологического образования Мозырского государственного педагогического университета имени И. П. Шамякина, магистр педагогических наук;

Брэзь А. Г. – старшы выкладчык кафедры гісторыі і грамадазнаўчых дысцыплін Мазырскага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта імя І. П. Шамякіна;

Валетов В. В. – ректор Мозырского государственного педагогического университета имени И. П. Шамякина, доктор биологических наук, профессор, заслуженный работник образования Республики Беларусь, Почетный профессор Мозырского государственного педагогического университета имени И. П. Шамякина;

Веремеев С.Ф. – доцент кафедры истории славян и специальных исторических дисциплин Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины;

Гавриловец Л. В. – доцент кафедры истории и обществоведческих дисциплин Мозырского государственного педагогического университета имени И. П. Шамякина, кандидат исторических наук;

Галімава Н. П. – дацэнт кафедры гісторыі Беларусі Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А. С. Пушкіна, кандыдат філасофскіх навук, дацэнт;

Елизаров С. А. – профессор кафедры социально-гуманитарных и правовых дисциплин Гомельского государственного технического университета имени П. О. Сухого, доктор исторических наук, профессор;

Забельникова О. В. – доцент кафедры социально-трудовых отношений Республиканского института повышения квалификации и переподготовки работников Министерства труда и социальной защиты Республики Беларусь, кандидат исторических наук;

Исмайлова Л. В. – доцент кафедры педагогики и психологии Мозырского государственного педагогического университета имени И. П. Шамякина, доцент;

Калачёва И. И. – профессор кафедры социальной коммуникации Белорусского государственного университета, доктор исторических наук, доцент;

Каплиёў А. А. – вядучы навуковы супрацоўнік Дзяржаўнага архіва Мінскай вобласці;

Кісялевіч Т. С. – студэнт факультэта дашкольнай і пачатковай адукацыі Мазырскага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта імя І. П. Шамякіна;

Койдан М. П. – студентка филологического факультета Мозырского государственного педагогического университета имени И. П. Шамякина;

Колосовская И. Н. – учитель истории средней школы № 16 г. Мозыря;

Курьян З. С. – старший преподаватель кафедры истории и обществоведческих дисциплин Мозырского государственного педагогического университета имени И. П. Шамякина;

Лісоўскі Л. А. – дацэнт кафедры спецыяльнай педагагікі і методык дашкольнай і пачатковай адукацыі Мазырскага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта імя І. П. Шамякіна, кандыдат педагагічных навук, дацэнт;

Лихачева Л. А. – доцент кафедры истории и МПИ Глазовского государственного педагогического института им. В. Г. Короленко, кандидат исторических наук, доцент;

Лобан М. Г. – старший преподаватель кафедры белорусской и русской филологии Мозырского государственного педагогического университета имени И. П. Шамякина;

Лубінскі І. І. – старшы выкладчык кафедры філасофіі і паліталогіі Беларускага дзяржаўнага медыцынскага ўніверсітэта;

Мазалеўскі В. І. – старшы навуковы супрацоўнік Нацыянальнага гісторыка-культурнага музея-запаведніка “Нясвіж”;

Мязга М. М. – прафесар кафедры ўсеагульнай гісторыі Гомельскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Ф. Скарыны, доктар гістарычных навук, дацэнт;

Орлов Л. В. – доцент кафедры истории и обществоведческих дисциплин Мозырского государственного педагогического университета имени И. П. Шамякина, кандидат экономических наук, доцент;

Рогова Ю. В. – студентка Белорусского государственного педагогического университета имени Максима Танка;

Рублевская Е. И. – кандидат медицинских наук, доцент кафедры общеврачебной практики и поликлинической терапии Гомельского государственного медицинского университета;

Стахно Н. В. – аспірант кафедры гісторыі Беларусі старажытнага часу і сярэдніх вякоў Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта;

Судибор И. Л. – старший преподаватель кафедры белорусской и русской филологии Мозырского государственного педагогического университета имени И. П. Шамякина;

Сузько А. У. – дацэнт кафедры беларускай і рускай філалогіі Мазырскага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта імя І. П. Шамякіна, кандыдат філалагічных навук, дацэнт;

Сыманович Т. Н. – декан филологического факультета Мозырского государственного педагогического университета имени И. П. Шамякина, кандидат педагогических наук;

Телепень С. В. – доцент кафедры истории и обществоведческих дисциплин Мозырского государственного педагогического университета имени И. П. Шамякина, кандидат исторических наук, доцент;

Черепко С. Ф. – зав. кафедрой всеобщей истории Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины, кандидат исторических наук, доцент;

Швед Т. В. – методист отдела по воспитательной работе с молодежью Мозырского государственного педагогического университета имени И. П. Шамякина;

Шевченко В. П. – старший преподаватель кафедры педагогики и психологии Мозырского государственного педагогического университета имени И. П. Шамякина;

Шевченко М. Н. – доцент кафедры белорусской и русской филологии Мозырского государственного педагогического университета имени И. П. Шамякина, кандидат филологических наук, доцент;

Шчэрбін М. М. – старшы выкладчык кафедры гісторыі і грамадазнаўчых дысцыплін Мазырскага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта імя І. П. Шамякіна, кандыдат педагагічных навук;

Шенина Т. Е. – доцент кафедры истории и социально-гуманитарных дисциплин Глазовского государственного педагогического института имени В. Г. Короленко, кандидат юридических наук;

Щур С. Н. – проректор по воспитательной работе Мозырского государственного педагогического университета имени И. П. Шамякина, кандидат педагогических наук, доцент;

Юрис С. А. – начальник отдела довузовской подготовки Гомельского государственного технического университета имени П. О. Сухого, кандидат исторических наук, доцент;

Юрис Т. А. – доцент кафедры иностранных языков Белорусского торгово-экономического университета потребительской кооперации, кандидат философских наук, доцент;

Юрис Я. С. – аспирант кафедры истории Беларуси Белорусского государственного университета.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Ахраменко П. Е.</i> ИСТОРИЧЕСКАЯ И КУЛЬТУРНАЯ ПАМЯТЬ И ЕЕ ОТРАЖЕНИЕ В ЯЗЫКЕ	3
<i>Барсук А. Я.</i> ЭТНАКАНФЕСІЙНАЕ ВЫЗНАЧЭННЕ «РУСІНАЎ» У КРЫНІЦАХ XV–XVII стст.	6
<i>Бондарь М. А.</i> СТАНОВЛЕНИЕ НАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ НА МОЗЫРЩИНЕ В 20– 30-Е ГОДЫ XX ВЕКА	10
<i>Брэзь А. Г.</i> ПАТРЫЯТЫЧНАЕ ВЫХАВАННЕ Ў ДУХОЎНАЙ СПАДЧЫНЕ УСХОДНІХ СЛАВЯН X – ПЕРШАЙ ПАЛОВЫ XIII ст.	14
<i>Валетов В. В., Щур С. Н.</i> РАЗВИТИЕ СОВРЕМЕННОГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В КОНТЕКСТЕ ИДЕОЛОГИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ	20
<i>Веремеев С. Ф.</i> ПРАВОСЛАВНОЕ ДУХОВЕНСТВО НА ГОМЕЛЬЩИНЕ В НАЧАЛЕ 50-Х гг. XX в.	23
<i>Гавриловец Л. В.</i> ПОЛЬСКО-ЗАПАДНОГЕРМАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В 60–70-Е гг. XX в.: СОСТОЯНИЕ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ.....	27
<i>Галімава Н. П.</i> ГІСТАРЫЧНАЯ АДУКАЦЫЯ І ЯЕ АСАБЛІВАСЦІ Ў БРЭСЦКІМ ДЗЯРЖАЎНЫМ УНІВЕРСІТЭЦЕ ІМЯ А. С. ПУШКІНА.....	31
<i>Елизаров С. А.</i> АДМИНИСТРАТИВНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНОЕ ДЕЛЕНИЕ МОЗЫРЩИНЫ: ОТ ОКРУГА К ОКРУГУ (1924–1935 гг.)	34
<i>Забельникова О. В.</i> ЛАТИНСКАЯ АМЕРИКА В МИРОВОМ ЦИВИЛИЗАЦИОННОМ ПРОЦЕССЕ	38
<i>Исмайлова Л. В.</i> ЭМОЦИОНАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА В СТРУКТУРЕ ПРОФЕССИОНАЛИЗМА ПЕДАГОГА	41
<i>Калачёва И. И.</i> УНИВЕРСИТЕТ 3.0: МИССИЯ ГУМАНИТАРИЕВ В СВЕТЕ НОВЫХ ВЫЗОВОВ XXI ВЕКА	44
<i>Капліеў А. А.</i> КАМПАРАТЫЎНЫ АНАЛІЗ ЗАРАДЖЭННЯ СЛУЖБЫ ХУТКАЙ МЕДЫЦЫНСКАЙ ДАПАМОГІ Ў БССР І ЗАХОДНЯЙ БЕЛАРУСІ НА ПРЫКЛАДЗЕ ПАЛЕСКАГА РЭГІЁНА (1919–1939 ГАДЫ)	49
<i>Колосовская И. Н.</i> ПРОВЕДЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ ПО ОТНОШЕНИЮ К НЕМЕЦКОЙ ДИАСПОРЕ, ПРОЖИВАЮЩЕЙ НА ТЕРРИТОРИИ МОЗЫРЩИНЫ В 1920–1930-е гг.	52
<i>Курьян З. С.</i> ИЗ ИСТОРИИ ЖЕНСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ НА МОЗЫРЩИНЕ В XIX ВЕКЕ.....	56
<i>Лісоўскі Л. А., Кісялёвіч Т. С.</i> ЗЯМЛЯ НАШЫХ ПРОДКАЎ – НАРАЎЛЯНШЧЫНА	60
<i>Лихачева Л. А.</i> ПРЕПОДАВАНИЕ ДИСЦИПЛИНЫ «ИСТОРИЯ ДРЕВНЕГО МИРА» В ГЛАЗОВСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ ПЕДАГОГИЧЕСКОМ ИНСТИТУТЕ ИМЕНИ В. Г. КОРОЛЕНКО	63
<i>Лобан М. Г., Койдан М. П.</i> «ПИКОВАЯ ДАМА» А. С. ПУШКИНА КАК ФАНТАСТИЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ: ОПЫТ ИЗУЧЕНИЯ.....	67
<i>Лубінскі І. І.</i> ЮРЫДЫЧНАЕ АФАРМЛЕННЕ ДАЧНЫХ ТАВАРЫСТВАЎ У БССР Ў 1944–1991 гг.	69
<i>Мазалеўскі В. І.</i> МАРАЛЬНАЕ ВЫХАВАННЕ ДЗЯЦЕЙ СТАРЭЙШАГА ШКОЛЬНАГА ЎЗРОСТУ Ў МУЗЕЙНАЙ ПРАСТОРЫ СРОДКАМІ КУЛЬТУРНА-АДУКАЦЫЙНАЙ ПРАГРАМЫ “МУЗЕЙ – ДЗЕЦЯМ”	73
<i>Мязга М. М.</i> ЗАВЯРШЭННЕ ПЕРШАЙ СУСВЕТНАЙ ВАЙНЫ І ФАРМИРАВАННЕ НОВЫХ МІЖНАРОДНЫХ КАНФЛІКТАЎ У ЦЭНТРАЛЬНА-УСХОДНЯЙ ЕЎРОПЕ	77

<i>Орлов Л. В.</i> СОСТОЯНИЕ, ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА МОЗЫРСКОГО РАЙОНА.....	80
<i>Рогова Ю. В.</i> ВИЗИТНАЯ КАРТОЧКА ГОРОДА ЖЛОБИНА И РАЙОНА: ТУРИСТИЧЕСКИЕ ВОЗМОЖНОСТИ.....	82
<i>Рублевская Е. И., Телень С. В.</i> ГОСПИТАЛИ В РИМСКИХ ВОЕННЫХ ЛАГЕРЯХ.....	85
<i>Сташно Н. В.</i> SILVA RERUM ЯК СРОДАК РЭТРАСЛЯЦЫІ ШЛЯХЕЦКАЙ КУЛЬТУРЫ.....	88
<i>Судибор И. Л.</i> ГРАЖДАНСКО-ПАТРИОТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ БУДУЩЕГО УЧИТЕЛЯ (ИЗ ОПЫТА РАБОТЫ ФИЛОЛОГИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА УО МГПУ ИМЕНИ И. П. ШАМЯКИНА)	91
<i>Сузько А. У.</i> ГРАМАДЗЯНСКА-ПАТРЫЯТЫЧНАЕ ВЫХАВАННЕ МОЛАДЗІ СРОДКАМІ МАСТАЦКАЙ ЛІТАРАТУРЫ.....	95
<i>Сыманович Т. Н.</i> ПРОБЛЕМА ДУХОВНО-НРАВСТВЕННОГО ВОСПИТАНИЯ ЛИЧНОСТИ В ЭТИКО-ПЕДАГОГИЧЕСКОМ НАСЛЕДИИ КИЕВСКОЙ РУСИ.....	98
<i>Чаропка С. А.</i> УСХОДНЯЕ ПАЛЕССЕ Ё ПЕРШЫЯ МЕСЯЦЫ КАЗАЦКА-СЯЛЯНСКАЙ ВАЙНЫ (ЧЭРВЕНЬ-ЛІПЕНЬ 1648 г.)	101
<i>Швед Т. В.</i> ДЕТСКИЕ УВЛЕЧЕНИЯ НАТАШИ РОСТОВОЙ КАК ФОРМА ЕСТЕСТВЕННОГО ЧУВСТВА В РОМАНЕ Л.Н. ТОЛСТОГО «ВОЙНА И МИР»	105
<i>Шевченко В. П., Шевченко М.Н.</i> ДУХОВНЫЙ МИР УЧАЩЕГОСЯ И ЕГО НРАВСТВЕННЫЕ ЦЕННОСТИ	107
<i>Шчэрбін М. М.</i> СТРУКТУРНА-ФУНКЦЫЯНАЛЬНАЯ ХАРАКТАРЫС-ТЫКА ЗМЕСТУ ГРАМАДЗЯНСКА-ПАТРЫЯТЫЧНАГА ВЫХАВАННЯ.....	109
<i>Щенина Т. Е.</i> ЧЕЛОВЕК ЖИВ, ПОКА ЖИВА ПАМЯТЬ О НЕМ... ..	112
<i>Юрис Т. А., Юрис С. А.</i> О СПЕЦИФИКЕ НАЦИОНАЛЬНОГО САМОСОЗНАНИЯ БЕЛОРУСОВ.....	116
<i>Юрис Я. С.</i> ПЕРВАЯ ОКРУЖНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ КУСТАРЕЙ И РЕМЕСЛЕННИКОВ МОЗЫРСКОГО ОКРУГА (1925): РЕШЕНИЯ И ВИДЕНИЕ ПРОБЛЕМ	118

МГПУ ИМ. И.П.ШАМЯКИНА

Научное издание

МОЗЫРЩИНА: ЛЮДИ, СОБЫТИЯ, ВРЕМЯ

Материалы Международной
научно-практической конференции
Мозырь, 18–19 мая 2018 г.

Корректоры: *С. И. Журавлёва, В. В. Кузьмич*
Оригинал-макет *Л. И. Федула*

Подписано в печать 16.05.2018. Формат 60x84 1/16. Бумага офсетная.
Ризография. Усл. печ. л. 10,7. Уч.-изд. л. 7,3.
Тираж 55 экз. Заказ 13.

Издатель и полиграфическое исполнение:
учреждение образования «Мозырский государственный
педагогический университет имени И. П. Шамякина».
Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя,
распространителя печатных изданий N 1/306 от 22 апреля 2014 г.
Ул. Студенческая, 28, 247777, Мозырь, Гомельская обл. Тел. (0236) 32-46-29